

ISSN 2072-9391

№ 1 (69) Март 2024

№ 1 (69) March 2024

ТРУДЫ

Академии управления
МВД России

PROCEEDINGS

OF THE MANAGEMENT ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Научно-практическое издание
для руководителей и специалистов
правоохранительных органов

Scientific and practical publication
for managers and specialists
of law enforcement agencies

МОСКВА • 2024

Главный редактор
Синенко Сергей Андреевич,
доктор юридических наук, доцент,
начальник Академии управления МВД России.
Москва. Российская Федерация.
Заместитель главного редактора
Бобе Людмила Николаевна,
кандидат исторических наук, доцент,
заместитель начальника
Академии управления МВД России.
Москва. Российская Федерация

ТРУДЫ

АКАДЕМИИ УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ

2024

№ 1 (69)

март

Журнал издается
с декабря 2006 г.

Редакционный совет

Авакьян Сурен Адибекович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
Беляева Лариса Ивановна, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России;
Майдыков Анатолий Федорович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры управления органами внутренних дел в особых условиях центра командно-штабных учений Академии управления МВД России;
Мацкевич Игорь Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, ректор Университета прокуратуры Российской Федерации;

Россинская Елена Рафаиловна, доктор юридических наук, профессор, академик РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА));
Сейтенов Калилла Кабаевич, доктор юридических наук, профессор, первый проректор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан;
Эбзеев Борис Сафарович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации

Редакционная коллегия

Андреева Ирина Анатольевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России;
Воронин Михаил Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, директор Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета;
Говрилов Борис Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России;
Джоробекова Арзыгуль Мамаюновна, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кыргызской Республики, заместитель начальника Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора милиции Э. А. Алиева по науке и учебной работе;
Дильбарханова Жанат Рахимжановна, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени Макана Есбутаева;
Киричёр Евгений Владимирович, доктор юридических наук, доцент, начальник управления учебно-методической работы Академии управления МВД России;
Кононов Анатолий Михайлович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела по исследованию стратегических проблем управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России;
Лексин Иван Владимирович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правовых основ управления факультета государственного управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
Мелёхин Александр Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственного строительства и права Университета прокуратуры Российской Федерации;
Можаева Ирина Павловна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры организации деятельности органов внутренних дел центра командно-штабных учений Академии управления МВД России;
Мулукаев Роланд Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела по изучению проблем истории МВД России научно-исследовательского центра Академии управления МВД России;
Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России – начальник научно-исследовательского центра № 1;

Орлов Владислав Николаевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры тактики служебно-боевого применения подразделений Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации;
Осокин Роман Борисович, доктор юридических наук, профессор, начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя;
Павличенко Николай Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права и процесса Сочинского института (филиала) Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы;
Победкин Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России;
Пожарский Дмитрий Владимирович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России;
Редкоус Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук;
Репьев Артём Григорьевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России;
Ситковский Андрей Леонидович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника научно-исследовательского центра Академии управления МВД России;
Солдатов Александр Петрович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела по изучению социальных процессов и разработке комплексных проблем обеспечения правопорядка научно-исследовательского центра Академии управления МВД России;
Тишуткина Инна Валериевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя;
Цепелев Валерий Филиппович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА);
Мартыненко Наталия Эдуардовна (секретарь), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России

Editor-in-Chief

Sergey A. SINENKO,

Dr. of law, Associate Professor,
Head of the Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia. Moscow.
Russian Federation.

Deputy Editor-in-Chief

Lyudmila N. BODE,

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Deputy Head
of the Academy of the Ministry of Internal
Affairs of Russia. Moscow. Russian Federation

PROCEEDINGS

OF THE MANAGEMENT ACADEMY

OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

2024

№ 1 (69)

March

The Journal
has been published since
December 2006

Editorial Council

Suren A. Avakyan, Dr. of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russian Federation;
Larisa I. Beliyeva, Dr. of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Merited Law Expert of the Russian Federation, Professor at the Department of Anti-Crime Policy, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow, Russian Federation;
Anatoly F. Maydykov, Dr. of Law, Professor, Merited Research Worker of the Russian Federation, Professor at the Department of Management of Bodies and Units of the Ministry of Internal Affairs in Special Conditions of Center for Command Games, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow, Russian Federation;

Igor M. Matskievich, Dr. of Law, Professor, Merited Research Worker of the Russian Federation, Rector of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;
Elena R. Rossinskaya, Dr. of Law, Professor, Head of the Department of Forensic Examinations of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). Moscow, Russian Federation;
Kaliolla K. Seytenov, Dr. of Law, Professor, First Vice-Rector of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan. Moscow, Russian Federation;
Boris S. Ebzeev, Dr. of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Member of the Central Election Commission of the Russian Federation. Moscow, Russian Federation

Editorial Board

Irina A. Andreyeva, Dr. of Law, Associate Professor, Professor at the Department of State and Law Disciplines, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation;
Mikhail Yu. Voronin, Dr. of Law, Professor, Head of the Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University. Moscow. Russian Federation;
Boris Ya. Gavrilov, Dr. of Law, Professor, Merited Law Expert of the Russian Federation, Professor at the Department of Management of Bodies and Units Crimes' Investigation, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation;
Arzygul' M. Dzhorobekova, Dr. of Law, Professor, Merited Law Expert of the Kyrgyz Republic, Deputy Head for Science and Academic Work, General Major E. A. Aliyev Academy of the Ministry of the Interior of the Kyrgyz Republic. Bishkek. Kyrgyz Republic;
Zhanat R. Dilbarkhanova, Dr. of Law, Professor, Deputy Head, Makan Yesulatov Almaty Academy of the Ministry of the Interior of the Republic of Kazakhstan. Astana. Republic of Kazakhstan;
Evgeniy V. Kirichyok, Dr. of Law, Associate Professor, Head of the Educational Methodical Work Management, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation;
Anatolij M. Kononov, Dr. of Law, Professor, Chief Researcher at the Department for the Study of Strategic Management Problems of the Scientific Research Center of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow, Russian Federation;
Ivan V. Leksin, Dr. of Law, Associate Professor, Head of the Department of the Legal Foundations for Management at the Faculty, Lomonosov Moscow State University. Moscow. Russian Federation;
Alexander V. Myelyohin, Dr. of Law, Professor, Professor at the Department of the State Building and Law, University of the Prosecutor's office of the Russian Federation. Moscow. Russian Federation;
Anatoliy N. Mironov, Dr. of Law, Associate Professor, Professor at the Department of Public Protection Bodies Management, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation;
Irina P. Mozhaeva, Dr. of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Organization of the Activities of Internal Affairs Bodies, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia of the Center for Command and staff exercises. Moscow. Russian Federation;
Roland S. Mulukayev, Dr. of Law, Associate Professor, Chief Researcher at the Department of the History of the Interior Ministry of Russia Problems Studying at the Research Center, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation;
Sergej A. Nevskij, Dr. of Law, Professor, Deputy Head of the all-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia – Head of the Research Center № 1. Moscow. Russian Federation;

Vladislav N. Orlov, Dr. of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Tactics of Service and Combat Use of Units, St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation. St. Petersburg. Russian Federation;
Roman B. Osokin, Dr. of Law, Professor, Head of the Faculty for Training Research and Teaching Staff, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow. Russian Federation;
Nikolay V. Pavlichenko, Dr. of Law, Professor, Merited Law Expert of the Russian Federation, Professor at the Department of Criminal Law and Procedure of the Sochi Institute (branch) of Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia;
Alexander V. Pobedkin, Dr. of Law, Professor, Head at the Department of the Criminal Policy Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation;
Dmitry V. Pozharsky, Dr. of Law, Associate Professor, Head of State and Legal Disciplines Department, Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow. Russian Federation;
Vladimir M. Redkous, Dr. of Law, Professor, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;
Artem G. Repyev, Dr. of Law, Associate Professor, Professor of State and Legal Disciplines Department, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow. Russian Federation;
Andrei I. Sitkovskij, Candidate of law, Associate Professor, deputy chief of Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
Alexander P. Soldatov, Dr. of Law, Professor, Chief Researcher of the Department for the Study of Social Processes and the development of complex problems of law enforcement at the Research Center, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation;
Inna V. Tishutina, Dr. of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot;
Valeriy F. Tsepelev, Dr. of Law, Professor, Merited Law Expert of the Russian Federation, Professor at the Department of the Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL). Moscow. Russian Federation;
Natalia E. Martynenko (Secretary), Dr. of Law, Professor, Professor at the Department of the Criminal Policy, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation

Над номером работали:

Г. С. Синиченко,
В. А. Яровая

Техническая верстка: А. А. Мельниковой,
С. Н. Портновой

Издание зарегистрировано
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-75592
от 19 апреля 2019 г.

При использовании
материалов ссылка на журнал
«Труды Академии управления
МВД России» обязательна.

Подписано в печать 29.03.2024.
Формат 60×84 1/8.
Объем 13,25 п. л. Тираж 500 экз.
Первый завод 62 экз. Заказ № 09у.
Выходит 4 раза в год.
Цена свободная.

Адрес редакции и издателя:
125171, Москва,
ул. Зои и Александра
Космодемьянских, д. 8.
Тел.: 8 (499) 745-81-43.
Тел./факс: 8 (499) 745-82-23.
E-mail: rio_aumvd@mvd.ru
Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России»: 15548.
Сайт: <https://a.mvd.pf/folder/6891081>.

Отпечатано
в отделении полиграфической
и оперативной печати РИО
Академии управления
МВД России.
125171, Москва,
ул. Зои и Александра
Космодемьянских, д. 8.
Тел.: 8 (499) 745-81-43.

Решением Высшей
аттестационной комиссии
при Министерстве науки
и высшего образования
Российской Федерации
журнал «Труды Академии
управления МВД России»
включен в Перечень
рецензируемых научных
изданий, в которых
должны быть опубликованы
основные научные результаты
диссертаций на соискание
ученых степеней доктора
и кандидата наук по научным
специальностям: 5.1.1, 5.1.2, 5.1.4.

ТРУДЫ АКАДЕМИИ УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ

2024
№ 1 (69)

март

Журнал издается
с декабря 2006 г.

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

- Кузнецов А. П., Абдулханнынов И. А. Сравнительное военно-
уголовное право в трудах дореволюционных правоведов..... 8
- Победкин А. В. Справедливость уголовного судопроизводства
как условие его легитимности..... 17
- Репьев А. Г., Стрелкова О. В. Правовой статус личности
сотрудника органов внутренних дел в специальных правовых
режимах: теория и юридическая техника..... 28

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

- Грошечая В. К. Органы внутренних дел УССР в борьбе
с националистическими формированиями на территории
Украины (1939 – вторая половина 1940-х гг.) 36

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

- Кабышев С. В. Российская конституционная концепция
правового статуса человека и гражданина: обретение
ценностей и смыслов гражданского согласия..... 46
- Корабельникова Ю. Л. Понятие и структура публично-
правового механизма обеспечения безопасности в городе 54
- Саидов Ф. З. Институт Народного Курултая в Киргизской
Республике: история, современность, перспективы 65

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

- Беляева Л. И., Мартыненко Н. Э. Криминальная субкультура
и ее уголовно-правовая оценка..... 72
- Мангасаров Р. А. Профилактика хищений бюджетных
средств 80

Уважаемые авторы!

Журнал «Труды Академии управления МВД России» размещает материалы, имеющие научное и практическое значение, отличающиеся актуальностью и новизной.

Общие требования к представляемым для опубликования статьям размещены на официальном сайте Академии управления МВД России по адресу: <https://a.mvd.rf> в разделе «Наука».

Просим вас вместе со статьями предоставлять аннотации к ним объемом от 300 печатных знаков (200–250 слов), ключевые слова (5–7), приставные библиографические списки (не менее 10 и не более 25 ссылок на источники). Материалы подаются на электронных носителях в виде текстового файла Microsoft Word вместе с распечаткой на бумаге через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman 14 размера.

Объем статьи не должен превышать 24 страницы машинописного текста, включая таблицы, список литературы и рисунки.

Все статьи проходят двойное «слепое» рецензирование. В случае возвращения автору рукописи статьи для исправления или доработки к ней будет прилагаться рецензия.

Редакционная коллегия, главный редактор и редакция научного журнала в своей деятельности придерживаются этических норм, позволяющих повысить качество публикуемых статей.

Журнал находится в открытом доступе в сети Интернет. При передаче в журнал рукописи статьи автор дает согласие на размещение текста статьи в сети Интернет.

Редакция не взимает платы за опубликование рукописей статей. Журнал публикует только подлинные высококачественные научные работы. К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях, имеющие процент оригинальности ниже 70 %, в которых присутствует плагиат.

ВЫЯВЛЕНИЕ, РАСКРЫТИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

- Акиев А. Р. Задачи криминалистического прогнозирования в системе противодействия преступлениям против семьи и несовершеннолетних.....88
- Поздняков А. Н. Внешняя миграция как один из факторов криминализации оперативной обстановки.....97

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

- Бобомурод А. В. Правовая природа участия граждан в отправлении правосудия 105

Worked with issue:

G. S. Sinichenko,
V. A. Yarovaya

Technical layout by A. A. Melnikova,
S. N. Portnova

The journal "Proceedings of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia" is registered with the Federal service for supervision of communications, information technology and mass media. Certificate of Registration ПИ № ФС77–75592 on April 19, 2019.

Using materials reference to the journal "Proceedings of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia" is required.

Print is signed 29.03.2024.

Format 60×84 1/8

Capacity, printed sheet 13,25 p. s.

Circulation 500 copies.

First edition: 62 copies. Order № 09y.

Published 4 times a year.

Negotiable price.

Address of the Editorial Office
and Publisher:

125171, Zoi i Alexandra

Kosmodemyanskikh St., 8, Moscow.

Tel.: 8 (499) 745-81-43.

Tel/fax: 8 (499) 745-82-23.

E-mail: rio_aumvd@mvd.ru

Subscription index

at the General catalogue

"Pressa Rossii": 15548.

Website: <https://a.mvd.ru/folder/6891081>.

Printed by the Unit for Typographic and
Operative Printing

of the Publishing Department

of the Management Academy

of the Ministry of the Interior of Russia.

125171, Zoi i Alexandra

Kosmodemyanskikh St., 8, Moscow.

Tel.: 8 (499) 745-81-43.

By the decision of the Higher

Attestation Commission

of the Ministry of Science and High

Education the Russian Federation

journal "Proceedings

of the Management Academy

of the Ministry of the Interior

of Russia" is included in the list

of reviewed scientific journals,

in which major scientific results

of dissertations for the degree

of doctor and candidate of sciences

should be published by scientific

specialties: 5.1.1, 5.1.2, 5.1.4.

© Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia, 2024

PROCEEDINGS

OF THE MANAGEMENT ACADEMY

OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

2024

№ 1 (69)

March

The Journal
has been published since
December 2006

CONTENTS

SCIENTIFIC METHODOLOGICAL PROBLEMS

- Kuznecov A. P., Abdulhannyanov I. A. Comparative Military
Criminal Law in the Works of Pre-Revolutionary Jurists 8
- Pobedkin A. V. The Fairness of Criminal Proceedings as
a Condition of Its Legitimacy 17
- Rep'ev A. G., Strelkova O. V. The Legal Status of the Personality
of an Employee of the Internal Affairs Bodies in Special Legal
Regimes: Theory and Legal Technique 28

HISTORY OF STATE-LEGAL THOUGHT

- Groshevaya V. K. The Internal Affairs Bodies of the Ukrainian
SSR in the Fight Against Nationalist Formations on the Territory
of Ukraine (1939 – the Second Half of the 1940s) 36

STATE-LEGAL CONSTRUCTION IN RUSSIA AND ABROAD

- Kabyshev S. V. The Russian Constitutional Concept of the Legal
Status of Man and Citizen: the Acquisition of Values and Meanings
of Civil Consent 46
- Korabel'nikova Yu. L. The Concept and Structure of the Public
Law Mechanism for Ensuring Security in the City 54
- Saidov F. Z. Institute of National Kurultai in the Kyrgyz
Republic: History, Modernity, Prospects 65

CRIMINAL POLICY OF RUSSIA

- Belyaeva L. I., Martynenko N. E. Criminal Subculture
and Its Criminal Legal Assessment 72
- Mangasarov R. A. Prevention of Embezzlement of Budget Funds 80

For attention of the authors

The journal "Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia" publishes original material of topical significance, scientific value and practical importance.

General requirements for submitted for publication of articles posted on the official website of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia at <https://a.mvd.ru> in the "Science" section.

The text of your paper should come together with a list of references (not less than 10 and not more than 25 references), 5 to 7 keywords and an abstract of 300 typed characters (200–250 words).

The material is expected to be delivered to the Journal as a Microsoft Word text file and a hard copy (spaced 1.5 intervals, font Times New Roman, size 14).

Your paper cannot be bigger than 24 typewritten pages (references, tables and pictures included).

All the articles are double "blind" peer-reviewed. If it is sent back to you for revision or improvement, a copy or copies of the relevant review(s) will be enclosed.

The Editorial Board, the Editor-in-Chief and the Editorial Department of the research Journal espouse certain ethical principles, which also makes for a high quality and intellectual continuity of the publishing articles.

This Journal is an open-access in the Internet. When transferring to the journal the manuscript the author agrees to the placement of articles in Internet. The edition do not charge any fees for publication of the articles.

The Journal publishes only original high quality scientific works. Articles published in other scientific journal with the percentage of originality below 70 %, in which there is plagiarism, are not accepted for consideration.

DETECTION, CLEARANCE AND INVESTIGATION OF CRIMES

- Akiev A. R.** The Tasks of Forensic Forecasting in the System of Countering Crimes against the Family and Minors 88
- Pozdnyakov A. N.** External Migration as One of the Factors of Criminalization of the Operational Situation 97

TRIBUNE OF THE YOUNG SCIENTIST

- Bobomurod A. V.** The Legal Nature of Citizens' Participation in the Administration of Justice 105

НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ проблемы

Кузнецов Александр Павлович,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры социально-правовых дисциплин,
Приволжский институт повышения квалификации
ФНС России,
Российская Федерация, 603136, г. Нижний Новгород,
ул. Генерала Штеменко, д. 5б

ORCID 0000-0002-5179-6059

E-mail: ykhalezova@bk.ru

Абдулханьянов Ильяс Абдулхаевич,
преподаватель кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права,
Нижегородская академия МВД России,
Российская Федерация, 603950,
г. Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, д. 3

ORCID 0000-0002-4789-0341

E-mail: abdulxann@gmail.com

Научная специальность:
5.1.4. Уголовно-правовые науки

УДК 343

DOI 10.24412/2072-9391-2024-169-8-16

Дата поступления статьи: 5 декабря 2023 г.
Дата принятия статьи в печать: 20 марта 2024 г.

Aleksandr Pavlovich Kuznecov,
Doctor of Law, Professor,
Honored Scientist of the Russian Federation,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Professor at the Department of Social and Legal Disciplines,
Volga Region Institute of Advanced Training
of the Federal Tax Service of Russia,
Russian Federation, 603136, Nizhny Novgorod,
Generala Shtemenko St., 5b

ORCID 0000-0002-5179-6059

E-mail: ykhalezova@bk.ru

Il'yas Abdulhaevich Abdulhannyanov,
Lecturer at the Department of Criminal
and Penal Enforcement Law,
Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation,
Russian Federation, 603950, Nizhny Novgorod,
Ankudinovskoe shosse, building 3

ORCID 0000-0002-4789-0341

E-mail: abdulxann@gmail.com

Scientific specialty:
5.1.4. Criminal Law Sciences

Сравнительное военно-уголовное право в трудах дореволюционных правоведов

Comparative Military Criminal Law in the Works of Pre-Revolutionary Jurists

Аннотация

Актуальность: в складывающихся социально-экономических и политико-правовых условиях, обострившейся геополитической борьбе большое значение придается эффективному устройству различных сфер деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации. Не-

Abstract

Relevance: in the current socio-economic and political-legal conditions, the aggravated geopolitical struggle, great importance is attached to the effective organization of various spheres of activity of the Armed Forces of the Russian Federation. An important role in this process is played by

маловажную роль в этом процессе играет подержание воинской дисциплины и законности уголовно-правовыми средствами за счет установления уголовной ответственности за совершение воинских преступлений. Однако, как показали события последних лет, многие уголовно-правовые положения, регламентирующие уголовную ответственность военнослужащих нуждаются в своем совершенствовании.

Постановка проблемы: одним из перспективных и малоисследованных направлений уголовно-правовой науки выступает сравнительное военно-уголовное право, выражающееся в познании военно-уголовного права (законодательство, доктрина и судебная практика) зарубежных стран. Данная область знаний, находящаяся на стыке уголовного, военного и сравнительного права, не получила в настоящий момент своей концептуальной и методологической разработки. В современной уголовно-правовой и военной науке не сформулированы специальные цели, задачи, принципы сравнительного военно-уголовного права. Однако обращение к существующему научному опыту главным образом дореволюционной эпохи показывает, что указанная сфера исследований признавалась очень значимой и ей уделялось большое целенаправленное внимание. Имеющиеся наработки в данной области могут послужить теоретической основой для разработки аналогичных проблем в настоящее время.

Цель исследования: выявление эволюции и закономерностей развития сравнительного военно-уголовного права в трудах дореволюционных правоведов.

Методы исследования: методологическую основу работы составила система методов, традиционно применяемых при проведении юридических исследований: универсальный общеправовой философский диалектико-материалистический метод, а также группа общенаучных (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частнонаучных методов, ключевое место среди которых занимает историко-правовой и компаративистский методы.

Результаты и ключевые выводы: содержание трудов дореволюционных российских военных юристов доказывает, что они придавали большое значение системному рассмотрению зарубежного военно-уголовного права, осознавая необходимость его изучения для совершенствования отечественного механизма противодействия преступлениям военнослужащих.

Подчеркивается, что ограничение познания военно-уголовного права исключительно рамками европейской цивилизации ведет к обрывочности и неполноте получаемых знаний о военно-уголовном законодательстве, доктрине и судебной практике других развитых, неевропейских стран.

maintaining military discipline and legality by criminal legal means by establishing criminal liability for the commission of military crimes. However, as the events of recent years have shown, many criminal law provisions regulating the criminal liability of military personnel need to be improved.

Problem statement: one of the promising and little-studied areas of criminal law science is comparative military criminal law, expressed in the knowledge of military criminal law (legislation, doctrine and judicial practice) of foreign countries. This area of knowledge, located at the junction of criminal, military and comparative law, has not received its conceptual and methodological development at the moment. In modern criminal law and military science, special goals, tasks, and principles of comparative military criminal law have not been formulated. However, an appeal to the existing scientific experience, mainly of the pre-revolutionary era, shows that this area of research was recognized as very significant and much focused attention was paid to it. The available developments in this area can serve as a theoretical basis for the development of similar problems at the present time.

The purpose of the study is to identify the evolution and patterns of development of comparative military criminal law in the works of pre-revolutionary jurists.

Research methods: the methodological basis of the work was a system of methods traditionally used in conducting legal research: the universal general philosophical dialectical-materialistic method, as well as a group of general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction) and private scientific methods, the key place among which is occupied by historical-legal and comparative methods.

Results and key conclusions: the content of the works of pre-revolutionary Russian military lawyers proves that they attached great importance to the systematic consideration of foreign military criminal law, realizing the need to study it to improve the domestic mechanism for countering military crimes.

It is emphasized that the restriction of knowledge of military criminal law exclusively within the framework of European civilization leads to fragmentary and incomplete knowledge about military criminal law, doctrine and judicial practice of other developed, non-European countries.

It is concluded that comparative military criminal law in the period from the second half of the XIX century to the events of October 1917 received its formation and full development.

Делается вывод о том, что сравнительное военно-уголовное право в период со второй половины XIX в. до событий октября 1917 г. получило свое становление и полноценное развитие.

Ключевые слова: *военно-уголовное право; сравнительное правоведение; дореволюционная российская наука; вооруженные силы; уголовная ответственность военнослужащих; военные преступления; военный кодекс.*

Keywords: *military criminal law; comparative jurisprudence; pre-Revolutionary Russian science; armed forces; criminal liability of military personnel; military crimes; military code.*

Введение. Происходящие геополитические метаморфозы, вновь обострившиеся цивилизационные противоречия и активно проводимая Российской Федерацией специальная военная операция предопределяют повышенный интерес государства к различным аспектам функционирования Вооруженных Сил Российской Федерации. В условиях проводимой агрессивной политики, оголтелой русофобии, открытого противопоставления Запада нашей стране, их роль в обеспечении государственного суверенитета становится основополагающей.

Немаловажное значение в поступательном развитии Вооруженных Сил Российской Федерации, выработке теоретически и эмпирически обоснованных предложений по совершенствованию отдельных сторон их многоаспектной деятельности принадлежит гуманитарной науке, в частности праву. Специфика военной сферы и особое внимание к ее четкой организации обусловили появление особой комплексной отрасли права — военного права, обладающее своим особым предметом и методами правового регулирования, представленное как сугубо военными нормативными актами, так и источниками иных отраслей и подотраслей права (конституционное, административное, гражданское, уголовное, финансовое и др.).

Накопленная научная информация о военном праве, охватывающем систему норм, регламентирующих многочисленные вопросы, связанные с военным делом, принципами, формами, устройством вооруженных сил, ответственностью военных в той или иной степени, встречается в трудах философов и государственных деятелей Нового времени. Подтверждением этому могут служить работы голландского мыслителя Гуго Гроция «О праве войны и праве мира» (1625 г.), швейцарских юриста Эммера де Ваттеля «Право людей, или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов» (1758 г.) и гуманиста Анри Дюнана «Память о Сольферино» (1862 г.), а также ряда других выдающихся авторов.

Статус, роль и место военного права, наряду с иными междисциплинарными отрасля-

ми права (информационным, медицинским, спортивным), в системе современного российского права до сих пор в силу объективных и субъективных причин не определены однозначно в юридической науке. Не претендуя в настоящей публикации на разрешение столь непростого вопроса, отметим, что существование военного права никем не оспаривается в настоящий момент. Более того, уже устоявшимся стало мнение о том, что в его содержании можно обнаружить военно-правовые структуры — подотрасли (военно-административное право, военно-гражданское право, военно-дисциплинарное право). В числе прочих в системе военного права особенно выделяется группа общественных отношений, предметом регулирования которых выступает уголовная ответственность военнослужащих. Она получила наименование «военно-уголовное право» и является производной от военного и уголовного права подотраслью. Военно-уголовное право имеет важнейшее значение в поддержании дисциплины и законности в вооруженных силах.

Военно-уголовное право как отдельная подотрасль уголовного права, посвященная изучению воинских преступлений и наказаний, обособилось в самостоятельную отрасль знания и получило научно-теоретическую разработку лишь во второй половине XIX в. В 1862 г. научной обществу была представлена работа австрийского военного юриста Мартина Дамианича (M. Damianitsch) «Исследования по военно-уголовному праву: материальная и формальная части» (Studien über das Militärstrafrecht: materiellen und formellen Theile) [10]. В ней он рассмотрел отдельные виды воинских преступлений, особенности наказания за них, а также основы военного уголовно-процессуального законодательства. Как отмечал исследователь во введении, в настоящий момент (год написания труда 1855) не обнаруживается ни одной работы, которая ставила бы перед собой задачу научного обсуждения военного-уголовного права, все имеющиеся размышления об этом ограничиваются комментированием действующих уголовных норм, устанавливающих ответственность воен-

ных [10, с. 3]. Данное сочинение заложило основы для дальнейшего изучения военно-уголовного права и способствовало постановке новых, ранее не поднимавшихся вопросов в этой области.

В юридической науке Российской империи военно-уголовное право получило свое развитие во второй половине XIX века. В классическом труде «Военно-уголовное право» (1895 г.) [5] юрист и общественно-политический деятель В. Д. Кузьмин-Караваев писал о том, что наука военно-уголовного права совершенно не разработана, имеется всего несколько учебников военно-уголовных законов, но они приурочены к курсам законоведения средних военно-учебных заведений и научного значения не имеют, за редким исключением лекции профессоров Я. А. Неелова [7] и А. А. Мушникова [6].

Не останавливаясь на предпосылках возникновения, предмете, методе, источниках, отметим, что к числу малоизученных, но актуальных направлений современного военно-уголовного права относится сравнительное военно-уголовное право, заключающееся в сопоставительном контекстуальном системном сравнении отечественного военно-уголовного законодательства, военно-уголовной доктрины и соответствующей военно-уголовной практики с аналогичными явлениями в зарубежных странах.

В издаваемых сегодня трудах по военно-уголовному праву, как правило, остается без должного концептуального внимания военно-уголовное право зарубежных стран, а в имеющихся материалах авторы нередко ссылаются на законодательство прошлых десятилетий, доктрина же и материалы зарубежной судебной практики и вовсе не упоминаются. Полагаем, что в нынешних условиях непростой военно-политической обстановки сравнительное военно-уголовное право должно получить свое теоретико-методологическое и прикладное развитие. Знания о зарубежном военно-уголовном праве могут быть использованы при совершенствовании отечественного военного права, а также в управленческой, оперативно-розыскной, разведывательной и иной деятельности.

Стоит отметить, что обрывочность и непопулярность сравнительного военно-уголовного права в современной российской компаративистике и науке уголовного права — характерная тенденция лишь последних десятилетий. Ученые-правоведы прошлых эпох, в особенности дореволюционной (до 1917 г.), осознавали особую значимость сравнительного военно-уголовного права, о чем свидетельствуют результаты основной части настоящего исследования.

Основное исследование. Характерной особенностью военно-уголовного права в дореволюционный период выступает то, что проблемам изучения зарубежного опыта военно-

уголовного строительства изначально уделялось пристальное внимание. В появлявшихся в указанное время исследованиях и учебниках по отечественному военно-уголовному праву отмечалось, что военно-уголовное право иностранных государств составляет особый предмет, который должен изучаться на отдельной кафедре [5, с. 95].

Начиная со второй половины XIX в. и вплоть до событий октября 1917 г. издаются труды, посвященные сравнительному военно-уголовному праву, заслуживающие научной рефлексии в современной доктрине уголовного права, военного права и сравнительного правоведения.

В их содержании обнаружено немало интересных теоретико-методологических положений, актуальных и в наши дни. Обращение к существующему научному опыту разработки проблем в рассматриваемой области формирует прочный фундамент для проведения соответствующих исследований в современный период с учетом меняющихся общественных отношений. Ко всему прочему, изучение доктринальных идей дореволюционных авторов в области сравнительного военно-уголовного права убедительно доказывает наличие потребности в дальнейшем развитии данной междисциплинарной отрасли знаний.

В 1881–1882 гг. опубликовано две работы известного военного юриста и историка генерала П. О. Бобровского, посвященные сравнительно-историческому исследованию иностранного военного права. В сочинении «Состояние военного права в Западной Европе в эпоху учреждения постоянных войск (XVI, XVII и начало XVIII века)» [3, с. 4] он отмечал, что ни в одном из русских источников как допетровской, так и послепетровской эпохи не имеется информации относительно состояния военного права в Западной Европе. Вместе с тем его изучение необходимо для лучшего понимания и объяснения военных законов различных исторических этапов государственного развития России, сформулированных по западноевропейскому образцу, поскольку большая их часть сложилась под влиянием чуждых русской жизни идей и форм [3, с. 2]. По мнению П. О. Бобровского, важность изучения военного права стран Западной Европы несомненна, так как позволяет понять дух военно-уголовного законодательства петровских и последующих военных законов.

Кроме того, автор указывал, что военное право Европы развивалось по мере совершенствования военного искусства, в Российской империи его основными источниками стали военные артикулы, ордонансы, регламенты, эдикты и уставы о военных судах священной Римской империи, Швеции, Франции, Дании, Голлан-

дии, Бранденбург-Пруссии, Цюриха, Саксонии и прочих западных государств [3, с. 169].

В представленном труде содержится описание множества проблем, связанных с предпосылками и причинами эволюции в Европе XVI–XVIII вв. постоянных армий и военного права во всем его многообразии. В числе прочего П. О. Бобровский рассматривает многочисленные военно-уголовные акты вышеперечисленных государств, тенденции военно-уголовной политики, раскрывает содержание преступлений и наказаний военных, процедуру их исполнения, особенности механизма привлечения к уголовной ответственности, устанавливает значимые закономерности совершенствования военно-уголовного законодательства, связывает этот процесс с военными конфликтами разных лет, проходившими в указанное время, а также социально-экономическими и культурно-религиозными факторами. Например, чрезмерная репрессивность голландских артикулов связывается с характером комплектования армии Голландии на наемной основе. Для большей части солдат Голландия не была Отечеством, от них приходилось оберегать, в том числе и жителей страны. На скандинавское военно-уголовное право XVII–XVIII вв. практически не оказывало влияние законодательство Франции, Германии и Голландии, что связывается с особенностями их территориального расположения и культурными различиями.

Размышления П. О. Бобровского сопровождаются ссылками на работы западноевропейских ученых по данной теме, а также оценкой юрико-технических достоинств и недостатков военно-уголовных законов. В частности, по поводу Кодекса Людовика XIV он пишет: «Кодекс написан ясно, чистым, прекрасным языком. Каждый артикул сопровождается ссылкой на время появления эдикта и на том полного собрания военных законов» [3, с. 291], Бранденбургско-Пруссский военно-уголовный закон изложен «тяжелым, высокопарным и непонятным языком, с примесью французских и латинских слов, определений и оборотов, так что сущность закона доступна лишь ученым и опытным правоведам. Простому необразованному человеку, каким был солдат, эти законы не могли быть доступны» [3, с. 319]. По поводу большей части устанавливаемых для военных размеров санкций П. О. Бобровский отмечает, что «в большинстве военных артикулов о наказаниях говорилось в неопределенных выражениях» и далее по тексту обращал внимание на необоснованность предоставления командирам больших полномочий в вопросе выбора вида и размера уголовных наказаний [3, с. 435].

В другом упомянутом научном сочинении «Постоянные войска и состояние военно-

го права в России в XVII столетии: по русским и иностранным памятникам» [2] П. О. Бобровский описывает эволюцию российской армии и военного права начиная со времени правления царя Михаила Федоровича, соотносит отечественные и зарубежные военно-правовые акты, а также указывает на отдельные научные сочинения европейских ученых по данной проблеме.

Одновременно им обращается внимание на то, что военно-уголовное законодательство России, как и многие другие аспекты устройства военных сил, базировалось на достижениях европейских государств: «Россия принимала от Европы все, что могла и должна принять или непосредственно через посольский приказ и иноземцев, или же посредством близкого соседства с Литовско-Польским государством. Устройство войск, их снаряжение, снабжение оружием, порохом, свинцом, военные законы, с первых же дней царствования Алексея Михайловича, неотступно шли из западной Европы. Все это, конечно, было принимаемо без всякого брака, без критического отношения к тому, что к нам являлось» [2, с. 20]. Основным объектом исследования в научном труде выступает именно российское военное законодательство, П. О. Бобровский на конкретных примерах показывает его генетическую связь с аналогичным законодательством стран Западной Европы в XVII в.

В 1886 г. профессором, генерал-лейтенантом И. А. Шендзиловским опубликован конспект лекций о материальных военно-уголовных законах иностранных государств [9]. В начале своего научного сочинения он предлагает программу преподаваемого курса, включив в него 15 билетов, раскрывающих вопросы по содержанию Общей и Особенной частей военно-уголовного законодательства иностранных государств. Исходя из предложенной им структуры, выстраивается описание соответствующих военно-уголовных институтов. В первой главе «Общее обозрение военно-уголовных уставов» автор отмечает, что предмет исследования составляют постановления материальных военно-уголовных законов «как всех пяти великих держав западной Европы, то есть Германии, Австрии, Франции, Италии и Англии, так и тех из остальных европейских государств, именно: Швейцарии и Бельгии, военно-уголовные кодексы которых сами по себе отличаются какими-либо достоинствами» [9, с. 1]. В рассматриваемой главе системно описывается эволюция действующих военно-уголовных актов обозначенных государств и дается их общая оценка.

В конце каждого параграфа И. А. Шендзиловский делает ссылки на нормативные и научные источники соответствующего государства,

которые могут послужить пособием для дальнейшего познания зарубежного военно-уголовного права, отмечая при этом фамилии конкретных иностранных ученых, наименования их трудов и год издания, имеющиеся переводы на русский язык, а также дает рекомендации по их изучению.

Остальные главы представляемого конспекта лекций посвящены другим более частным вопросам зарубежного военно-уголовного права (действие военно-уголовных актов в пространстве, система воинских наказаний, характеристика отдельных видов преступлений военнослужащих).

В данной рукописи автор стремился к объективной и беспристрастной оценке существующего опыта уголовно-правовой охраны военной службы в зарубежных странах, что подтверждается его взвешенными тезисами. Например, к числу лучших новейших военно-уголовных кодексов он относил германский кодекс, отмечая, что до 1872 г. таковым признавался французский кодекс 1857 г. В отношении Военно-уголовного кодекса Австро-Венгрии И. А. Шендзиковский указывает на его громоздкость и возникающие вследствие этого трудности при работе с ним, военно-уголовный акт же Швейцарии именует наиболее гуманным из числа аналогичных регламентов. Исследуемое теоретическое сочинение отличается своей лаконичностью и точностью изложения мыслей автора, в связи с чем оно по праву относится к числу значимых научных памятников, посвященных зарубежному военно-уголовному праву и военно-правовой компаративистике. Следует упомянуть о том, что данный труд в настоящий момент является библиографической редкостью и практически не упоминается в научных сочинениях по военно-уголовному праву.

В ранее упомянутом труде 1895 г. В. Д. Кузьмина-Караваева не содержится отдельных параграфов, посвященных военно-уголовному праву зарубежных стран, однако он достаточно часто не системно ссылается на него, приводя точечные примеры уголовно-правового регулирования отношений военнослужащих.

В 1902 г. Н. И. Фалеевым защищена диссертация, посвященная целям воинского наказания [8]. По его мнению, воинские наказания выступают одним из действенных средств охраны правопорядка, установленного в армии. Несмотря на исследование столь специального вопроса, не обошлось при его рассмотрении без обращения к ретроспективному и современному опыту наказания военных в зарубежных государствах. Подтверждением тому служит изучение истории военных наказаний в племенах германцев, франков, государствах Франции, Австрии и Пруссии, а также действующих

систем, цели и порядка исполнения воинских наказаний в Голландии, Германии, Греции, Швеции, Дании, Норвегии, Франции, Бельгии, Австрии, Швейцарии, Испании, Турции, Италии.

В 1904 г. свет увидел объемный труд военного юриста, князя, генерал-майора С. А. Друцко-го «Иностранное военно-уголовное законодательство» [4], который отмечал, что изучение иностранного военно-уголовного законодательства имеет двоякую цель: во-первых, тем самым мы обогащаем свои теоретические познания в области права, военного быта и внутренней жизни других государств в какой мере эти элементы находят свое отражение в военно-уголовных кодексах, во-вторых, это может осуществляться из полезных практических соображений для обнаружения преимуществ и недостатков отечественного законодательства по сравнению с иностранным [4, с. 1]. Именно вторую цель он считает наиболее предпочтительной при применении сравнительного метода.

С. А. Друцкой освободил свой труд от «мелочной и кропотливой работы по изучению каждого законодательного определения», сосредоточив свое внимание исключительно на достоинствах и недостатках военно-уголовного законодательства разных стран и выводах о желательности или нежелательности соответствующих изменений в отечественном праве. Также он осуществил предварительную методологическую работу, определив прежде само понятие «воинское преступление», вызывающее множество дискуссий. С. А. Друцкой говорит о том, что как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе по этому вопросу встречаются две крайности: одни под категорию воинского преступления относят чрезмерно широкий круг деяний, не имеющих к специфике военной службы никакого отношения, другие, напротив, необоснованно сужают его содержание, относя к нему лишь побег со службы [4, с. 8]. К числу основных критериев, которым должны отвечать воинские преступления он относит, во-первых, деяния, совершенные в военном быту, во-вторых, деяния, совершенные как в военном, так и в гражданском быту, однако в силу специфики военной службы они приобретают в военном быту особое значение по своим реальным или идеальным последствиям.

Ему принадлежит методологическая систематизация типов (три группы) военно-уголовного законодательства, встречающаяся и во многих современных трудах. Принципы построения Военно-уголовного кодекса могут быть представлены следующим образом:

1. Военно-уголовный кодекс совершенно независим и обособлен от общего уголовного закона. В таком случае в государстве действует одновременно два уголовных кодекса: один для

гражданских лиц, другой для военных (такой тип не обнаружен С. А. Друцким в современных ему зарубежных законодательствах).

2. Военно-уголовный кодекс независим формально, но не по существу. В государстве существует два уголовных кодекса: общий и военный, однако их основные идейные положения совпадают, различаясь лишь в постановлениях, созданных специально для охраны воинского правопорядка, они как бы дополняют общее содержание уголовного кодекса (австрийский, итальянский и швейцарский военные кодексы).

3. Военно-уголовный кодекс зависим от общего уголовного кодекса как формально, так и по существу. В него заносятся только изъятия, вызываемые особенностями военной службы (наиболее распространенный тип, встречаемый с теми или иными особенностями в большинстве европейских государств) [4, с. 2–3].

По поводу первого типа систематизации С. А. Друцкой высказывает негативное мнение о том, что карательная деятельность государства не должна зависеть от правового положения лиц, к которым она применяется.

Второй тип систематизации военно-уголовного законодательства отмечается им в лучшую сторону, поскольку он достаточно удобен в практическом отношении. Одновременно с этим С. А. Друцкой обращает внимание на один недостаток: всякое законодательное нововведение вызывает необходимость внесения изменений сразу в два кодекса.

Наиболее предпочтителен, по его мнению, третий тип систематизации, поскольку в таком случае принципы общей части не претерпевают существенных изменений, что способствует устойчивости уголовного законодательства.

Рассматриваемая работа строится по принципу сравнительного исследования отдельных институтов Общей (наказания, субъективного и объективного вменения, вины, мотива, возраста ответственности) и Особенной (систематизации воинских преступлений, их составов, основания криминализации, санкций за конкретные преступные деяния) частей отечественного и зарубежного военно-уголовного законодательства. В качестве объектов уголовно-правового сравнения выступили военно-уголовные кодексы Австрии, Бельгии, Германии, Италии, Франции, Швейцарии, Швеции. Применяя компаративистский метод, С. А. Друцкой подчеркивает достоинства и недостатки отдельных военно-уголовных правовых положений изучаемых им актов.

Он среди прочих особенно выделяет бельгийское военно-уголовное законодательство, конструируемое по принципу «упрощения и минимального отступления от постановлений общего уголовного законодательства» [4, с. 30]

и достаточно активно критикует отечественное военно-уголовное законодательство.

Монография С. А. Друцкого являет собой видный памятник сравнительного военно-уголовного права, позволяющий составить достаточно полное научно-практическое представление о содержании и особенностях военно-уголовного законодательства России и ведущих европейских держав в конце XIX — начале XX в., проследить их соотношение, оценить плюсы и минусы законодательствования в данной области, выявить особенности построения армий и идеологию выстраивания отношений внутри нее.

В 1911 г. профессором, генерал-майором Д. Д. Бессоновым опубликован объемный конспект лекций по Особенной части военно-уголовного права [1]. Концепция указанного труда основывается на применении сравнительно-правового метода, несмотря на то, что его наименование об этом прямо не свидетельствует.

Д. Д. Бессонов в начале конспекта лекций отмечает, что систематическое и параллельное изложение Особенной части русского и иностранного военно-уголовного законодательства представляет значительные трудности ввиду большого разнообразия Особенной части действующего положительного права по содержанию [1, с. 1]. Он описывает характер систематизации Особенной части военно-уголовного законодательства Австрии, Бельгии, Германии, Италии, Швейцарии, Франции второй половины XIX в., выделяет законодательно закрепленные группы воинских преступлений в указанных государствах и сопоставляет их конструкции с отечественным военно-уголовным правом, отмечая преимущества и недостатки, трудности толкования и применения. В содержании рассматриваемого труда имеются ссылки на решения российских судов, работы ранее упомянутых авторов (С. А. Друцкого, В. Д. Кузьмина-Караваева и др.), а также на европейских военных юристов.

Выводы. Проведенное исследование дореволюционной доктрины о сравнительном военно-уголовном праве позволяет сделать следующие выводы:

— во-первых, сравнительное военно-уголовное право признается актуальным направлением исследований в современный период и способствует выявлению особенностей военного правосознания, доминирующего в отдельных государствах, специфики складывающихся в вооруженных силах отношений между служащими, руководителями и подчиненными и т. д.;

— во-вторых, познание накопленного опыта изучения сравнительного военно-уголовного права формирует теоретико-методологический фундамент, выступающий основой разработки

современных проблем в рассматриваемой области;

— в-третьих, востребованность исследования зарубежного военно-уголовного права осознавалась отечественными учеными-правоведами с самого начала выделения военно-уголовного права в относительно самостоятельную область знаний во второй половине XIX в.;

— в-четвертых, дореволюционные военные юристы уделяли сравнительному военно-уголовному праву большое внимание, обосновывая теоретико-прикладную необходимость его изучения, формулируя методологические основания военно-уголовной компаративистики. Зарубежное военно-уголовное право становилось предметом самостоятельных научных трудов, а также составной (и неотъемлемой) частью работ по военно-уголовному праву;

— в-пятых, установлено, что изучение зарубежного военно-уголовного права в научных трудах не отличалось системностью. Выбор стран, военно-уголовное законодательство которых подвергалось исследованию, осуществлялся исходя из их территориального местора-

сположения и степени влияния на отечественное право. Поэтому рассматривались исключительно западноевропейские военно-уголовные акты ведущих государств. Такой прагматичный подход позволял выявлять достоинства и недостатки, которые могли быть применены к отечественному военно-уголовному законодательству. Однако это не способствовало расширению знаний о соответствующем законодательстве неевропейских стран, относящихся в том числе к другим правовым семьям. Ограничение компаративистского уголовно-правового исследования рамками исключительно западноевропейской цивилизации, как показал дальнейший опыт развития юридической науки, чреват формированием обрывочных, замкнутых и неполных знаний о том или ином объекте правовой действительности;

— в-шестых, вторую половину XIX — начало XX в. следует называть временем зарождения и расцвета российского сравнительного военно-уголовного права, однако в современных условиях данная область знаний остается без надлежащего внимания со стороны ученых-криминалистов.

Список литературы:

1. Бессонов Д. Д. Особенная часть военно-уголовного права : конспект лекций. СПб., 1911. 201 с.
2. Бобровский П. О. Постоянные войска и состояние военного права в России в XVII столетии: по русским и иностранным памятникам / сост. П. Бобровский. М., 1882. Ч. 1. 43 с.
3. Бобровский П. О. Состояние военного права в Западной Европе в эпоху учреждения постоянных войск (XVI, XVII и начало XVIII века). СПб., 1881. 306 с.
4. Друцкой С. А. Иностранное военно-уголовное законодательство. СПб., 1904. 181 с.
5. Кузьмин-Караваяев В. Д. Военно-уголовное право. СПб., 1895. 306 с.
6. Мушников А. А. Руководство военно-уголовных законов в связи с законами общеуголовными. СПб., 1884—1885. Ч. 1—2. 128 с.
7. Неелов Я. А. Курс военно-уголовного права : лекции. СПб., 1885. 125 с.
8. Фалеев Н. И. Цели воинского наказания : дис. на соискание звания экстра-ординарного проф. по кафедре военно-уголовных законов в Александровской воен.-юр. кад. СПб., 1902. 525 с.
9. Шендзиковский И. А. Конспект лекций о материальных военно-уголовных законах иностранных государств. СПб., 1886. 40 с.
10. Damianitsch M. Studien über das Militar-Strafrecht in seinem materiellen und formellen Theile. Wien, 1862. 197 s.

References:

1. Bessonov D. D. Osobennaya chast' voenno-ugolovnogo prava : konspekt lekcij. SPb., 1911. 201 s.
2. Bobrovskij P. O. Postoyannye vojska i sostoyanie voennogo prava v Rossii v XVII stoletii: po russkim i inostrannym pamyatnikam / sost. P. Bobrovskij. M., 1882. Ch. 1. 43 s.
3. Bobrovskij P. O. Sostoyanie voennogo prava v Zapadnoj Evrope v epohu uchrezhdeniya postoyannyh vojsk (XVI, XVII i nachalo XVIII veka). SPb., 1881. 306 s.
4. Druckoj S. A. Inostrannoe voenno-ugolovnoe zakonodatel'stvo. SPb., 1904. 181 s.
5. Kuz'min-Karavaev V. D. Voенно-ugolovnoe pravo. SPb., 1895. 306 s.
6. Mushnikov A. A. Rukovodstvo voenno-ugolovnyh zakonov v svyazi s zakonami obshcheugolovnymi. SPb., 1884—1885. Ch. 1—2. 128 s.
7. Neelov Ya. A. Kurs voenno-ugolovnogo prava : lekcii. SPb., 1885. 125 s.
8. Faleev N. I. Celi voinskogo nakazaniya : dis. na soiskanie zvaniya ekstra-ordinarnogo prof. po kafedre voenno-ugolovnyh zakonov v Aleksandrovskej voen.-yurid. akad. SPb., 1902. 525 s.
9. Shendzikovskij I. A. Konspekt lekcij o material'nyh voenno-ugolovnyh zakonah inostrannyh gosudarstv. SPb., 1886. 40 s.
10. Damianitsch M. Studien über das Militar-Strafrecht in seinem materiellen und formellen Theile. Wien, 1862. 197 s.

Для цитирования:

Кузнецов Александр Павлович, Абдулханьянов Ильяс Абдулхаевич. Сравнительное военное-уголовное право в трудах дореволюционных правоведов // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 1 (69). С. 8–16.

For citation:

Kuznecov Aleksandr Pavlovich, Abdulhannyanov Il'yas Abdulhaevich. Comparative Military Criminal Law in the Works of Pre-Revolutionary Jurists // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1 (69). P. 8–16.

Победкин Александр Викторович,
доктор юридических наук, профессор,
начальник кафедры уголовной политики,
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

E-mail: apobedkin71@mail.ru

Научная специальность:
5.1.4. Уголовно-правовые науки

УДК 343.131

DOI 10.24412/2072-9391-2024-169-17-27

Дата поступления статьи: 7 февраля 2024 г.

Дата принятия статьи в печать: 20 марта 2024 г.

Справедливость уголовного судопроизводства как условие его легитимности

The Fairness of Criminal Proceedings as a Condition of Its Legitimacy

Аннотация

Актуальность: с учетом современной геополитической ситуации особую важность приобретает задача обеспечения легитимности (поддержки, доверия народа) всех сфер государственной деятельности, среди которых внимания требует уголовное судопроизводство, как наиболее жестко ограничивающее конституционные права личности. Население России еще не в полной мере доверяет уголовному судопроизводству. Среди причин такого к нему отношения – недостаточная реализация в сфере уголовного процесса традиционных отечественных духовно-нравственных ценностей. До настоящего времени не изжиты представления об уголовном судопроизводстве как о технологичной, исключительно чиновничьей деятельности, в которой нет места такому фактору его формирования и критерию оценки, как справедливость. Отсюда и процессуальные процедуры, ненаправленные на установление истины и не обеспечивающие реализацию публичной функции уголовного процесса. Понятие справедливости, действительно, дискуссионно. Однако понимание людьми направленности тех действий, которые должны быть совершены государством для формирования убеждения жителей страны в справедливости уголовного процесса, а значит для обеспечения его легитимности, необходимо.

Постановка проблемы: народ оценивает уголовное судопроизводство прежде всего на справедливость, между тем ее сущность именно в народном

Aleksandr Viktorovich Pobedkin,
Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Criminal Policy,
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: apobedkin71@mail.ru

Scientific specialty:
5.1.4. Criminal Law Sciences

Abstract

Relevance: taking into account the current geopolitical situation, the task of ensuring the legitimacy (support, trust of the people) of all spheres of state activity, among which criminal proceedings require attention, as the most severely restricting the constitutional rights of an individual, is of particular importance. The Russian population does not yet fully trust criminal proceedings. Among the reasons for this attitude towards him is the insufficient implementation of traditional domestic spiritual and moral values in the field of criminal procedure. To date, the idea of criminal proceedings as a technological, exclusively bureaucratic activity has not been eliminated, in which there is no place for such a factor of its formation and an assessment criterion as justice. Hence the procedural procedures that are not aimed at establishing the truth and do not ensure the implementation of the public function of the criminal process. The concept of justice is indeed debatable. However, people's understanding of the direction of those actions that must be committed by the state in order to form the conviction of the inhabitants of the country in the fairness of the criminal process, and therefore to ensure its legitimacy, is necessary.

Statement of the problem: the people assess criminal proceedings primarily for justice, meanwhile, its essence in the popular understanding has not only not been identified, but is also ques-

понимании не только не выявлена, но и ставится под сомнение как предмет исследования в целях уголовного процесса. Между тем без обеспечения убежденности жителей страны в справедливости уголовного процесса вызывает сомнение его легитимность.

Методология: исследование основано на методе диалектического материализма (проблема обеспечения справедливости уголовного судопроизводства исследуется на основе материалистического подхода к уголовному процессу как части надстройки, проявлению политики, основанной на общественном строе, конкурирующем с духовно-нравственными ценностями жителей России). Справедливость рассматривается с философских, социологических, юридических позиций во взаимосвязи с целями уголовного процесса и доказывания, функцией публичности, ролью граждан в уголовном процессе, правилами толкования уголовно-процессуального права и аналогией в судопроизводстве. Использовались общие методы: анализ (отдельно рассматривались факторы, обеспечивающие справедливость), синтез (справедливость изучалась как целостная категория, обеспечиваемая комплексом составляющих), социологический (оценивались официальные данные об оценке правосудия на справедливость), исторический (обращение к причинам сформировавшегося отношения населения к справедливости судопроизводства, проистекающим из предшествующих этапов реформирования судопроизводства). Применялся формально-юридический метод (текст уголовно-процессуального закона оценивался с точки зрения отражения в нем определенных ценностей и оптимальности формулировок).

Результаты и ключевые выводы: по результатам исследования определена значимость справедливого понимания уголовного процесса как фактора обеспечения его легитимности, направления развития в уголовном судопроизводстве духовно-нравственных ценностей в виде неперемennого условия оценки уголовного процесса населением страны в качестве справедливого.

Легитимность уголовного судопроизводства, обеспечение которой в настоящее время приобретает особую значимость, определяется прежде всего ощущением жителями страны справедливости производства по уголовным делам. Именно справедливость – основа гуманизма. Она обеспечивается должной, вызывающей доверие, направленной на установление истины процедурой и правоприменительной деятельностью, реализуемой на уровне совестливого служения и применения уголовно-процессуального закона с учетом конкретных обстоятельств («контекста событий»). Государство обязано принимать меры, основанные на насыщении уголовного судопроизводства традиционными духовно-нравственными ценностями и направленными на убеждение жителей в справедливости судопроизводства.

tioned as a subject of research for the purposes of criminal proceedings. Meanwhile, without ensuring the conviction of the country's residents in the fairness of the criminal process, its legitimacy is in doubt.

Methodology: the research is based on the method of dialectical materialism (the problem of ensuring the fairness of criminal proceedings is investigated on the basis of a materialistic approach to the criminal process as part of a superstructure, a manifestation of a policy based on a social system competing with the spiritual and moral values of the inhabitants of Russia). Justice is considered from philosophical, sociological, and legal positions in relation to the goals of the criminal process and evidence, the function of publicity, the role of citizens in the criminal process, the rules of interpretation of criminal procedure law and analogy in court proceedings. General methods were used: analysis (factors ensuring justice were considered separately), synthesis (justice was studied as an integral category provided by a set of components), sociological (official data on the assessment of justice for justice were evaluated), historical (addressing the reasons for the formed attitude of the population to the fairness of judicial proceedings arising from the previous stages of judicial reform). The formal legal method was used (the text of the criminal procedure law was evaluated from the point of view of reflecting certain values and optimal formulations in it).

Results and key conclusions: based on the results of the study, the importance of a fair understanding of the criminal process as a factor in ensuring its legitimacy, the direction of development of spiritual and moral values in criminal proceedings in the form of an indispensable condition for assessing the criminal process by the population of the country as fair.

The legitimacy of criminal proceedings, the provision of which is currently becoming particularly important, is determined primarily by the residents of the country's sense of the fairness of criminal proceedings. It is justice that is the basis of humanism. It is ensured by a proper, credible, truth-seeking procedure and law enforcement activities carried out at the level of conscientious service and the application of criminal procedure law, taking into account specific circumstances (the "context of events"). The State is obliged to take measures based on the saturation of criminal proceedings with traditional spiritual and moral values and aimed at convincing residents of the fairness of the proceedings.

Ключевые слова: справедливость уголовного судопроизводства; принципы уголовного процесса; истина в уголовном процессе; толкование уголовно-процессуального закона; аналогия в уголовном судопроизводстве.

Keywords: fairness of criminal proceedings; principles of criminal procedure; truth in criminal proceedings; interpretation of the criminal procedure law; analogy in criminal proceedings.

Современная наука отечественного уголовного процесса вновь активно обращается к фундаментальным проблемам. Это позитивная тенденция. Вряд ли стоит убеждать, что без решения принципиальных вопросов о том, каким должно быть производство по уголовным делам в России, решение частных, исключительно прикладных вопросов в конечном итоге заведет в тупик, превратит уголовно-процессуальное законодательство в несистемную совокупность разнонаправленных норм. Собственно эта беда и случилась с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее — УПК РФ). Будучи законом с нетрадиционной для России основой, содержащим ряд новелл, не прошедших теоретическое осмысление, он сразу после принятия потребовал срочных точечных исследований, носящих почти методический характер. Практика нуждалась в конкретных рекомендациях. Фундаментальные исследования оказались не ко времени. Однако вектор на исключительный прагматизм в науке уголовного процесса ошибочен и, как показало время, надолго доминирующим он не стал.

К сожалению, многие результаты фундаментальных научных изысканий советского периода оказались невостребованными или даже решительно отринутыми. Невзирая на глубокую научную проработку проблем истины, целей, задач уголовного процесса, его этических основ, функций (не только уголовно-процессуальных функций, но и функций уголовного судопроизводства), наука уголовного процесса была вынуждена «стартовать» по фундаментальной проблематике после принятия УПК РФ едва ли не заново. Между тем слабость фундаментальной науки — причина мелкотемья, несвязности научных результатов, рассредоточенности научного потенциала. Конечно, в условиях динамичного законодательного процесса меняются и формы научных работ: больше востребованы небольшие работы (тезисы, статьи), позволяющие оперативно среагировать на новеллы, снабдить практику рекомендациями, поставить проблему. Однако реальная потребность в фундаментальных исследованиях не становится меньше и требует поиска баланса между классическими и новейшими формами научной работы [18, с. 76], который в настоящее время в целом найден.

На текущий момент актуальность фундаментальных исследований уголовно-процессуальных проблем определяется не только важностью

возвращения им должной роли. На повестке — острая необходимость выработки форм насыщения уголовного судопроизводства традиционными отечественными духовно-нравственными ценностями, игнорирование которых, как показала жизнь, не позволяет эффективно решать задачи, стоящие перед государством по любым направлениям государственной политики. Относительно системы таких ценностей, конечно, могут и, наверное, должны вестись дискуссии. Вместе с тем в документах стратегического планирования основа этой системы определена, как представляется, верно. Едва ли есть основания отрицать, что уголовное судопроизводство должно строиться на таких ценностях, как служение Отечеству, ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм¹. Конкретные формы придания статуса идейной основы судопроизводства этим ценностям требуют серьезных научных исследований, однако забвение их как «идеалистических», а потому возможно не имеющих практического значения, лишит уголовный процесс доверия народа, без чего даже объективно идеальное судопроизводство (которого, безусловно, нет ни в одной стране) в России не способно выполнить своей главной функции. Главная же функция уголовного судопроизводства — обеспечение реализации социальной потребности жителей страны², которая формируется на основе стремления к реальности нравственных основ жизни народа.

С низким уровнем доверия народа судопроизводство нелегитимно. Легитимность нормативного акта, а значит и применения его норм, основывается на признании морального авторитета правотворца, права действовать от имени народа, одобрении народом его позиции. В этом залог «внутренней моральности права» [19, с. 6], без него оно нелегитимно, а легитимность, обе-

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27 (ч. 2). Ст. 5351; Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Рос. Федерации от 9 нояб. 2022 г. № 809 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

² Автор называет эту функцию публичностью уголовного судопроизводства (см., например: [23, с. 110–118]). Публичность, конечно, не исчерпывается обязанностью принятия предусмотренных законом мер по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления (ч. 2 ст. 21 УПК РФ), хотя такая обязанность и лежит в основе публичности.

спечиваемая в основном через доверие («самая распространенная форма легитимности — вера в нее» [13, с. 95]) — «существенная черта оправдания законности политико-правовой организации общества, конкретных ее институциональных и ментальных аспектов, включая элементы использования уголовно-правовых средств» [22, с. 58]. И. А. Ильин выразил это так: «Власть и народ должны быть согласны в понимании добра и зла и солидарны в волевом отвержении зла; вне этого обе стороны идут навстречу гибели» [16, с. 304].

В числе традиционных духовно-нравственных ценностей жителей России справедливость занимает ключевое, системообразующее, критериально значимое место. Парадокс: понимание справедливости многообразно и часто глубоко различно (люди спорят о справедливости с того момента, как научились говорить, а затем писать [17, с. 15]), однако вряд ли приходится сомневаться, что народ России выше всех остальных благ, сопровождающих повседневную жизнь общества и каждого его члена, ставит именно справедливость и жаждет ее. Неудивительно, что именно удовлетворение потребности в справедливости, справедливом суде неизменно называется Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации (далее — Уполномоченный) в числе главных стремлений россиян³. Между тем Уполномоченный с тревогой отмечает, что по данным социологических опросов значительная доля населения не считает уголовное судопроизводство справедливым (данные приводятся по отношению населения к приговорам судов, однако вряд ли могут возникнуть сомнения, что отвечавшие оценивали уголовное судопроизводство в целом).

Итак, справедливость — основной критерий оценки качества уголовного судопроизводства населением. Однако правомерно ли ставить перед населением вопрос об оценке судопроизводства по критерию, который четко не определен (предельно ясно, что имеется в виду не справедливость приговора в смысле ст. 297 УПК РФ, где она связывается исключительно с его законностью либо ч. 2 ст. 389¹⁸, где справедливость — правильное назначение наказания). Нет сомнений, что профессиональные юристы, которым в обязанности вменено оценивать порядок судопроизводства (именно порядок, а не ход и результаты конкретного процесса) на справедливость (речь прежде всего о судьях Конституционного Суда Российской Федерации (далее — Конституционный Суд РФ⁴)), вооружены правовыми

позициями как собственными, так и сформированными международной судебной практикой. Однако жители страны в целом оценивают судопроизводство на справедливость не по правовым позициям высших судебных органов. Имеет ли такая оценка существенное значение, стоит ли учитывать ее в законотворческой, правоприменительной и организационной деятельности в сфере уголовного процесса? На что именно ориентируются люди, оценивая уголовное судопроизводство по критерию справедливости?

С развитием человечества развивалось и осмысление справедливости, соответственно, набирали обороты дискуссии о ее понятии и содержании. Не отрицая мегавариантность подходов к справедливости, позволим усмотреть, что генеральной идеей все же является аристотелевское отношение к справедливости как равенству для равных и неравенству для неравных. Такое понимание справедливости близко и праву, принимается известными специалистами [9, с. 220; 28, с. 10].

«Право — есть искусство добра и справедливости» — такая его характеристика стала крылатой, хотя и не имеет однозначного толкования. Справедливость здесь связывается с добром, которое выступает противоположностью зла. Следовательно, справедливость — также антипод зла. Однако добро шире справедливости, оно справедливостью обеспечивается. Справедливость может быть жесткой, но и в этом случае для того, кто оказался в ее сфере, она объективно — добро. Понимание справедливости как пути, ведущему к добру, позволяет вложить в ее понятие содержание гораздо более широкое, чем идеи равенства и соразмерного воздаяния. Справедливость здесь связана с действиями и решениями, служащими добру. В уголовном судопроизводстве это уже *и благие цели, и соответствующая процедура, и должный правовой статус участника, и принуждение, минимально необходимое для достижения благих целей*.

Справедливость в таком понимании основа гуманизма, который почти всегда, к сожалению, неверно трактуется как некое снисхождение виновному, не учитывая, что гуманного отношения заслуживает и потерпевший, и общество, страдающее от преступности. Гуманизм должен быть справедлив, в противном случае он — не добро, а зло [26, с. 202–208].

И. А. Ильин, рассуждая о справедливости, делал акцент не на равенстве, а, напротив, на неравенстве. Справедливость, по его мнению, требу-

³ Доклады о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2019, 2020, 2021, 2022 годы // URL: <https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady> (дата обращения: 11.12.2023).

⁴ Конституционный Суд Российской Федерации видит справедливость разнопланово: как регулятивный принцип (морально-

нравственная оценка социального явления, определяемая соразмерностью разумной, обоснованной дифференциацией объема прав, гарантий различных категорий лиц); как соразмерность ограничения основных прав человека, юридической ответственности; как правовая определенность статуса участников общественных отношений (см.: [28, с. 10, 13, 14]).

ет предметно-обоснованного неравенства, является искусством неравенства, поскольку основывается на отношении к каждому с учетом его особенностей: физических, интеллектуальных, психических, творческих [17, с. 17–18]. В то же время такой акцент можно трактовать и как равенство для каждого, обладающего аналогичными человеческими и личностными особенностями. Однако установить такое равенство едва ли возможно, поскольку каждый человек уникален, а значит, требует к себе исключительно индивидуального подхода. В этом и суть справедливости. Каждый должен получать то, что он заслуживает. Рецептов правильного решения этого вопроса нет. Здесь снова обратимся к И.А. Ильину: в основе справедливости лежит «живая совесть и живая любовь к человеку» [17, с. 17–18]. Справедливость в отношении конкретного человека проявляется всегда в чутком индивидуальном подходе. Только «живая совесть и живая любовь к человеку» позволяет принять справедливое решение, которое индивидуально в каждом конкретном случае. «Справедливо, — пишет И.А. Ильин, — это значит в полном соответствии с реальным миром, потребностями добра, ожиданиями людей» [17, с. 17–18]. Речь здесь идет скорее уже не о понятии, а о чувстве справедливости, которое априорно присуще человеку, сообществам людей, и именно это чувство определяет отношение к законам, власти, действиям и решениям в конкретный момент и конкретным человеком, конкретным социальным слоем (может быть точнее все же «классом») как к справедливым или несправедливым. Определение справедливости, важное в научных дискуссиях и исследованиях [6, с. 15], все же не способно заметно повлиять на решения законодателя, правоприменителя, а равно и на народную оценку таких решений.

Вот почему опасны идеи на волне моды на цифровизацию уголовного судопроизводства заменить живую совесть судьи — основной фактор принятия справедливого решения по конкретному уголовному делу искусственным интеллектом или иными цифровыми технологиями. А. Н. Савенков и С. Б. Россинский по этому поводу замечают, что авторы идеи о цифровизации не в полной мере ее сами осознают, если предлагают заменить искусственным интеллектом способность судей к рациональному мышлению, формированию выводов, умозаключений [32, с. 7–28]. Это верно, однако главное, что цифровизация не способна заменить главные гарантии справедливости решения — совесть, способность почувствовать, ощутить справедливость.

Итак, первый промежуточный вывод — *справедливость в народном понимании, которая выступает основой оценки уголовного судопроизвод-*

ства на справедливость, не поддается строгому определению, она воспринимается на уровне ощущений и обеспечивается должной процедурой (право должно обеспечивать справедливость, а значит служить добру), правоприменительной деятельностью, основанной на совести и отношении к участникам уголовного процесса не только как к субъектам правоотношений, но и как к людям. Справедливость — основа гуманизма.

Существует в целом правильное мнение, что в основе справедливости лежит требование действовать с определенными нравственными императивами, а реальным выражением справедливости является отражение в нормах права нравственных требований [11, с. 10]. Вопрос о содержании нравственных императивов сложен. Однако он не может решаться без учета двух обстоятельств: существующей общественной формации; традиционных духовно-нравственных ценностей народа. Буржуазная мораль иная, чем мораль социалистическая, мораль собственника на средства производства отличается от морали рабочего, традиционные духовно-нравственные ценности народа всегда обладают своеобразием, отличающим его от других народов. Справедливость всегда противостоит несправедливости, является ее парной категорией и со временем «меняется не величина справедливости и несправедливости, а наше представление о том, что сегодня справедливо, а что несправедливо и каково их соотношение в конкретный период времени применительно к определенной сфере жизни» [6, с. 7]. Здесь нельзя согласиться с О. В. Васильевым, полагающим, что политическая окраска того или иного принципа вряд ли может изменить заключенную в нем закономерность (например, добавление к принципу законности слова «социалистическая») [7, с. 13]. Именно политическая окраска, порожденная общественным строем, и характеризует суть принципа. Право никогда не будет выражать волю абсолютно всего общества, всех социальных слоев и групп населения [6, с. 41].

Современный российский уголовный процесс страдает в связи с этим от концептуального противоречия: между традиционными отечественными духовно-нравственными ценностями (среди которых справедливость, приоритет духовного над материальным, коллективизм и др.) и сущностной характеристикой общественных отношений в капиталистическом обществе (власть материального, индивидуализм, максимальное удешевление как самоцель, приоритет личного над общественным и т. д.) [27, с. 30–31]. Увы, общественный строй определяет надстроечные явления, в том числе и уголовно-процессуальное право и уголовное судопроизводство. Право существует в неразрывной связи с общественными отношениями, с интересами господствующими

щих слоев, защищающих посредством права свои интересы. Задача политики, а значит, и права в том, чтобы своевременно и правильно вскрывать и воспринимать социальные потребности (речь в первую очередь, конечно, о потребностях господствующих в обществе слоев), а также принимать нормативные акты, которые бы этим потребностям соответствовали [12, с. 49].

Потому полностью снять обозначенное противоречие невозможно [34, с. 77]. В то же время его нейтрализация до уровня, позволяющего обеспечить справедливость, возможна лишь посредством максимального крена в сторону традиционных отечественных духовно-нравственных ценностей, поскольку народ в целом живет именно ими. Оценка населением страны уголовного судопроизводства на справедливость — это, не будет преувеличением, оценка его на развитость в уголовно-процессуальном праве традиционных отечественных духовно-нравственных ценностей, которые прокладывают себе дорогу в непримиримой борьбе с капиталистической основой общественных отношений.

В числе традиционных нравственных приоритетов россиян — стремление к истине, «искание правды» [4, с. 377]⁵. Истина как понятие и даже как термин, использовавшийся в советском уголовно-процессуальном законодательстве, в действующем УПК РФ не используется. Причина ясна: завершение работы над проектом УПК РФ шло под эгидой Американской ассоциации юристов, а американский процесс ориентирован на другие приоритеты, отсюда отсутствие преемственности УПК РФ с ранее действовавшим кодексом по ряду принципиальных позиций [21, с. 27–38]. Однако российский народ вряд ли примет решение как справедливое, если оно принято без установления истины. Такое видение связи истины и справедливости является преобладающим [2, с. 9; 7, с. 28; 11, с. 12–13; 31, с. 9] и, конечно, правильным. Так, например, О. В. Васильев полагает, что справедливость определяется тремя ипостасями: соответствие истине, распределительное уравнилельное начало, безусловная человеческая добродетель [7, с. 28], считая соответствие истине непременным признаком реальности принципа справедливости. При этом О. В. Васильев разграничивает материальную и формальную справедливость, называя материальной справедливостью установление истины, а формальной — соблюдение процедур [7, с. 41].

Вряд ли есть смысл вообще говорить о формальной справедливости, если соблюдение процедуры не ориентировано на установление истины при соблюдении достаточных гарантий

обеспечения прав и свобод человека, выступающего субъектом уголовно-процессуальных правоотношений. Справедливость может быть только одна и характеризоваться установлением истины (стремлением к ее установлению) в процедурах, не позволяющих опускаться до насилия, угроз, ограничения прав и свобод человека больше, чем это необходимо для защиты публичного интереса. Собственно, «живая совесть и живая любовь к человеку» (И. А. Ильин) и предполагают, что человек получает именно то, что заслуживает, а это ничто иное, как установление истины.

Вряд ли можно согласиться и с терминологическими паллиативами, выраженными во мнении, что в уголовном процессе устанавливается «процессуальная истина» и «процессуальная справедливость», за которыми стоит обоснование невозможности установления истины и обеспечения реальной справедливости в уголовном процессе [5, с. 15–18]. Оставим за скобками давнюю и острую дискуссию о возможности установления истины (а распространенное несколько десятилетий назад мнение об истине как причине нарушений закона не стоило бы даже упоминать). Заметим, не следует считать, что возможности человека «ничтожно малы» [1, с. 127–128] и не позволяют ставить вопрос об установлении истины. Тем более неправомерно связывать истину в уголовном процессе только с марксизмом, советским периодом развития страны, учитывая, например, что формула философской системы Канта основана, прежде всего, на истине. Для России здесь важнее другое: уголовный процесс, не имеющий целью установление истины, определенно не может получить народную оценку как справедливый. Не следует питать иллюзий относительно закрепления в тексте УПК РФ истины как принципа или как цели доказывания. Формальное включение термина «истина» в закон само по себе ничего не изменит, если не будет сопровождаться процедурами, направленными на ее установление. Однако без указания на истину как на цель доказывания не стоит и рассчитывать, что его процедура (которая в этом случае становится бесцельной) успешно пройдет народную оценку на справедливость.

Таким образом (второй промежуточный вывод), справедливость уголовного судопроизводства определяется проведением в жизнь традиционных отечественных духовно-нравственных ценностей, в числе которых ключевое место занимает стремление к истине.

Дискурс о справедливости не может не включать соотношение ее с законностью. Законность и справедливость, конечно, не антиподы. Уголовно-процессуальные процедуры должны отвечать требованиям справедливости (обеспечивать права и законные интересы личности, стремление к истине и принятие решений, единственно возмож-

⁵ Там же Н. А. Бердяев, рассуждая о качествах русского народа, уверенно констатировал, что «никогда русское царство не было буржуазным».

ных в отношении конкретного лица на основе правильно установленных обстоятельств). Однако Уголовно-процессуальное право — это не инструкция [24, с. 101–111; 30, с. 92–99], не может, да и не должно регламентировать действия при всех мыслимых уголовно-процессуальных ситуациях. Иначе говоря, применение уголовно-процессуального права немыслимо без толкования и аналогии. Правильное применение этих ординарных юридических приемов⁶ — важное средство обеспечения справедливости уголовного судопроизводства. Причем их использование не может быть индифферентно конкретным обстоятельствам (величайшей несправедливостью называл строгое право И. Кант, поскольку оно не позволяет учитывать различные обстоятельства, в которых применяется норма). Речь не о том, чтобы уголовно-процессуальное право перестало выполнять регулирующую функцию, позволяя в результате применения аналогии или толкования его отдельных норм различные варианты поведения субъектов в аналогичных обстоятельствах. В то же время разные обстоятельства могут потребовать и дифференциации в поведении. Конечно, в деятельности Конституционного Суда РФ учет «контекста событий» при толковании норм Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ) не только возможен, но и является единственно правильным средством, обеспечивающим реальную «работу» ее норм, а также «живой» характер в российской действительности [14]. Здесь адаптация смысла конституционных норм как положений максимального уровня абстракции (предположим, достигающей уровня философских обобщений) к конкретным меняющимся обстоятельствам — практика ординарная и верная. Не так очевидна эта необходимость при применении уголовно-процессуальных норм, в целом строго и достаточно детально регулирующих порядок производства. Однако диалектические закономерности существуют и в сфере уголовного судопроизводства. Применение правовых норм без учета конкретных обстоятельств в ряде случаев не позволит учесть особенности конкретного случая, что будет несправедливо. Так, например, вопрос о допустимости доказательств в случае одного и того же нарушения требований УПК РФ (п. 3 ч. 2 ст. 75) должен решаться по-разному в зависимости от обстоятельств (неразъяснение предъявляемому для опознания права занять любое место следует оценивать с учетом результатов опознания, отсутствие подписей в протоколах следственных

действий — его причин, непривлечение специалиста при изъятии электронных носителей информации — реальной значимости специальных знаний в конкретных условиях и т. д.).

Правоприменитель, увы, склонен толковать закон исключительно буквально. С аналогией на правоприменительном уровне дело обстоит еще хуже, чему, к сожалению, способствует отсутствие в УПК РФ (в отличие от иных процессуальных отраслей права) прямого указания на допустимость ее применения. Отрицание аналогии в уголовном процессе — прямой путь к несправедливости. При этом аналогия права вообще немыслима без учета принципов уголовного процесса [35, с. 157] (сформулированных в УПК РФ, к сожалению, не как общие положения, а как регулятивные нормы), которые ввиду их более высокого уровня общности требуют неперменного учета «контекста событий».

Третий промежуточный вывод — справедливость уголовного судопроизводства обеспечивается правоприменительной практикой, основанной на правильном толковании норм права, применении аналогии с обязательным учетом конкретных обстоятельств и базируется на принципах уголовного судопроизводства, которые необходимо сформулировать как общие положения, выражающие основные идеи, строящие уголовное судопроизводство.

Уголовный процесс — продолжение государственной политики и его следует строить так, чтобы он отвечал ее целям. Достижение их возможно только при условии доверия народа государственной власти. Недоверие народа органам, осуществляющим уголовное судопроизводство, его содержанию, результатам не позволит, во-первых, достичь цели самого уголовного процесса (он не выполнит свое публичное предназначение), во-вторых, осложнит поддержание доверия государственной власти, учитывая, что уголовный процесс — сфера, позволяющая жестко ограничивать конституционные права и свободы человека и потому вызывающая понятную острую реакцию людей.

Выше отмечалось, что даже справедливый по сути уголовный процесс не всегда вызывает доверие народа, а значит, не реализует функцию публичности, то есть не формирует уверенность людей в том, что выявляются действительно виновные, а права человека при производстве строго соблюдаются. Тем не менее публичность обеспечивается прежде всего справедливостью. Согласиться с О.Л. Васильевым, полагающим, что справедливость должна иметь приоритет перед публичностью [7, с. 65], можно только в том смысле, что справедливость требует публичности — правильного установления обстоятельств по уголовному делу, выявления виновных, привлечения их к ответственности, обеспечения прав и законных интересов личности. Игно-

⁶ Точки зрения о недопустимости применения аналогии (права и закона) в уголовном судопроизводстве (см., например: [8, с. 36]) с учетом ряда правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, которыми применение процессуальной аналогии признано не просто допустимым, а в определенных ситуациях необходимым, можно считать преодоленными.

рирование публичности в уголовном процессе не может быть справедливым, поскольку основная функция уголовного процесса в России — публичность, которая и реализуется через справедливость судопроизводства.

Однако массовое восприятие уголовного процесса как результата исключительно справедливого производства по конкретным уголовным делам достигается (если вообще достигается) в течение длительного времени, измеряемого не одним десятилетием. Функция же публичности должна реализовываться всегда. Следовательно, народ следует убеждать в справедливости уголовного судопроизводства и доказывать ее сегодня. Средства такого убеждения условно можно классифицировать на внутренние и внешние. Внутренние средства — это и есть справедливое судопроизводство по конкретным уголовным делам. Без этого в справедливости уголовного процесса народ не убедить, однако этого недостаточно. Важно обеспечить главное условие доверия — понимание людьми целей деятельности, ее содержания, форм и средств. Для этого необходимо задействовать «внешние» средства. Прежде всего, следует навсегда отказаться от подхода к уголовному судопроизводству исключительно как к технологии, которая имеет результат, но не имеет цели [20, с. 72]. Во-первых, бесцельная уголовно-процессуальная технология может позволять правильно устанавливать обстоятельства, а может и нет. Зависит от того, какова технология, а без цели она может быть любой. Во-вторых, и это главное — признание на государственном уровне, что уголовный процесс всего лишь технология понижает эту сферу служения (не службы, а именно служения) до бездушного производства, не одухотворенного ощущением особой ответственности за судьбы людей и страны. Сам такой подход является несправедливым, поскольку исключает совесть как ключевое условие справедливости.

Народ должен активнее привлекаться к уголовному судопроизводству. Без этого оно превращается в замкнутую корпоративную сферу, территорию исключительно профессиональных юристов, присвоивших народное право решать судьбы себе равных. Правосудие (уголовное судопроизводство) — ничто иное, как форма реализации народного права на справедливость, пришедшая на смену самосуду и иным несанкционированным государством формам решения споров и наказания обидчиков (суд стариков, суд соседей, вечевого суд) [33, с. 229–239]. Российская история знает периоды крестьянского народного самосуда, вершимого по причинам недоверия официальным властям и даже на основании решения сельского схода, а не стихийно [33, с. 73–75]. Отношение народа к чиновничьему суду с яркой очевид-

ностью отражено в многочисленных известных пословицах. Народ отделял себя от чиновников, не считал их своими представителями, выражающими народное представление о справедливости, и, естественно, не доверял официальному уголовному процессу. «Пусть их царство и цветет — не нам место там — унижительно, опошлешь с ними — скверно, и плакать хочется и злоба берет» [3, с. 352], — так выразил отношение к чиновникам Д. И. Менделеев, будучи ими однажды обижен. Отношение к чиновничеству в России и в самом деле традиционно достаточно сложное, потому и уголовное судопроизводство при подходе к нему как к делу исключительно «профессионалов», ощущающих ложную элитарность, избегающих отождествления себя с народом, априори будет восприниматься как несправедливое. Формы привлечения общественности могут быть разные (некоторые доказали свою состоятельность в советском уголовном процессе [25, с. 44–54]) и над ними следует размышлять. Однако без этого жителей страны убедить в справедливости уголовного процесса сложно.

Уголовное судопроизводство должно быть понятно и доступно. Понятно не только по сути (народ должен ясно понимать какие процедуры используются властью, как можно защитить свои права, каким должностным лицам и в какой форме обращаться), но и по форме. Сегодня текст УПК РФ не всегда способен понять даже профессиональные юристы: он путанный, многословный, эклектичный, зачастую громоздкий).

Устанавливающий непонятные и сложные процедуры УПК РФ утверждает население в его отношении к судопроизводству как к явлению чуждому, а потому заранее несправедливому. Г. В. Ф. Гегель по этому поводу замечал, что народ будет считать законы благом и повиноваться им при условии, что они содержат простые и понятные для народа определения и терминологию, на родном для людей языке, с отчетливо и ясно сформулированными принципами [10, с. 262]. Язык закона — это язык, которым власть разговаривает с гражданами, которым она доводит до людей свои цели [36, с. 9], иначе говоря, которым она убеждает народ в необходимости, справедливости и разумности устанавливаемых правил, требований и процедур. В сфере уголовного судопроизводства ориентиром может служить Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (далее — Устав), формулировки статей которого «четки и достаточно лаконичны»⁷, что выгодно отличало новое процессуальное законодательство от дореформенного» [29, с. 120]. Заметим, что и советские уголов-

⁷ Высокое качество текста Устава — результат титанической работы профессионалов экстра-класса, воспитанных на традиционных отечественных духовно-нравственных ценностях, что позволило смягчить противоречия между общественным строем того времени и нравственностью народа России.

но-процессуальные кодексы восприняли и воплотили подход авторов Устава к формулировкам уголовно-процессуальных норм.

Публичность уголовного процесса реализуется не только в том, что народ уверен в его надежности как средстве выявления действительно виновных, но и в том, что процессуальные гарантии достаточны для любых участников конкретного процесса и позволяют не «подыскивать статью для человека», а по человечески справедливо разбираться. Текст закона здесь отнюдь не только вопрос законодательной техники, но и средство обеспечения публичности, уважения к власти, спокойствия населения, которое жаждет надежных и справедливых средств, позволяющих защищать от преступности. Конституционный Суд РФ даже возводит ясность закона на конституционный уровень⁸, а его председатель В.Д. Зорькин подчеркивает, что любые изменения законодателем установленных правил должны осуществляться при обеспечении поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, обеспечивать уверенность участников

правоотношений в стабильности прав, действенности их защиты [15, с. 153].

Итак, четвертый вывод — успешное государственное воздействие в сфере уголовного судопроизводства прежде всего зависит от общественной поддержки, которой нужно добиваться, а значит, следует действовать справедливо, осознавая служение, на уровне ощущений нравственно-здоровой части общества, воздействуя на колеблющихся, разочарованных, неопределившихся с ценностями, антиобщественно настроенных.

Легитимность уголовного судопроизводства, обеспечение которой в настоящее время приобретает особую значимость определяется прежде всего ощущением жителями страны справедливости производства по уголовным делам. Именно справедливость — основа гуманизма. Она обеспечивается должной, вызывающей доверие, направленной на установление истины процедурой и правоприменительной деятельностью, реализуемой на уровне совестливого служения и применения уголовно-процессуального закона с учетом конкретных обстоятельств («контекста событий»). Государство обязано принимать меры, ориентированные на насыщение уголовного судопроизводства традиционными духовно-нравственными ценностями и направленные на убеждение жителей в справедливости судопроизводства.

⁸ По делу о проверке конституционности положения абзаца первого пункта 1 статьи 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина О. В. Сухова : Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 18 июля 2019 г. № 29-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 30. Ст. 4411.

Список литературы:

1. Аверин А. В. Истина и судебная достоверность: (постановка проблемы). 2-е изд., доп. СПб., 2007. 463 с.
2. Аширова Л. М. Проблемы реализации принципа справедливости в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2006. 261 с.
3. Бельский М. Д. Менделеев. М., 2010. 469 с.
4. Бердяев Н. А. Судьба России: книга статей. М., 2007. 638 с.
5. Бозров В. М. О проблеме справедливости в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2005. № 4. С. 15–18.
6. Бытко Ю. И. Справедливость и уголовная политика : моногр. М., 2017. 211 с.
7. Васильев О. Л. Справедливость на досудебных стадиях уголовного процесса России : моногр. М., 2017. 341 с.
8. Власенко Н. А. Об аналогии в современном процессуальном праве // Российская юстиция. 2005. № 7. С. 32–36.
9. Володина Л. М. Требование справедливости в уголовном судопроизводстве // Библиотека криминалиста. 2015. № 5 (22). С. 220.
10. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. 524 с.
11. Гладышева О. В. Справедливость и законность в уголовном судопроизводстве Рос-

References:

1. Averin A. V. Istina i sudebnaya dostovernost': (postanovka problemy). 2-e izd., dop. SPb., 2007. 463 s.
2. Ashirova L. M. Problemy realizacii principa spravedlivosti v ugovolnom processe : dis. ... kand. jurid. nauk. Ufa, 2006. 261 s.
3. Belen'kij M. D. Mendeleev. M., 2010. 469 s.
4. Berdyaev N. A. Sud'ba Rossii: kniga statej. M., 2007. 638 s.
5. Bozrov V. M. On the problem of fairness in criminal proceedings // Russian Judge. 2005. № 4. S. 15–18.
6. Bytko Yu. I. Spravedlivost' i ugovolnaya politika : monogr. M., 2017. 211 s.
7. Vasil'ev O. L. Spravedlivost' na dosudebnyh stadiyah ugovolnogo processa Rossii : monogr. M., 2017. 341 s.
8. Vlasenko N. A. On the analogy in modern procedural law // Russian Justice. 2005. № 7. S. 32–36.
9. Volodina L. M. The requirement of fairness in criminal proceedings // The Criminologist's Library. 2015. № 5 (22). S. 220.
10. Gegel' G. V. F. Filosofiya prava. M., 1990. 524 s.
11. Gladysheva O. V. Spravedlivost' i zakonnost' v ugovolnom sudoproizvodstve Rossijskoj Feder-

- сийской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2009. 45 с.
12. Загородников Н. И. Советская уголовная политика и деятельность органов внутренних дел : учеб. пособие. М., 1979. 99 с.
 13. Зорькин В. Д. Право в условиях глобальных перемен. М., 2013. 495 с.
 14. Зорькин В. Д. Буква и дух Конституции // Рос. газ. 2018. 10 окт.
 15. Зорькин В. Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Documents/> (дата обращения: 17.03.2022).
 16. Ильин И. А. О сопротивлении злу силою. Поющее сердце. М., 2020. 416 с.
 17. Ильин И. А. О справедливости // Поющее сердце. О сопротивлении злу силою. М., 2020.
 18. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М., 2016. 1276 с.
 19. Мальцев Г. В. Нравственные основания права : моногр. М., 2016. 427 с.
 20. Мизулина Е. Б. О технологической теории уголовного процесса // Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие) : сб. ст. и материалов / под ред. Е. Б. Мизулиной и В. Н. Плигина. М., 2006. 847 с.
 21. Николук В. В. Почему УПК РФ не мог быть другим? (к 20-летию принятия кодекса) // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2001. Т. 2. № 1 (3). С. 27—38.
 22. Плигин В. Н. Уголовно-правовые средства государственного социального управления: легитимность и справедливость (теоретический аспект) // Уголовно-правовые средства государственного социального управления : материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. С. Джатиев. СПб., 2023. 295 с.
 23. Победкин А. В. Содержание уголовно-процессуального права как выражение объективной социальной потребности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 3 (26). С. 110—118.
 24. Победкин А. В. Уголовно-процессуальный кодекс: форма живого права или «бездушная инструкция» // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 3 (32). С. 101—111.
 25. Победкин А. В. Народ как источник власти в уголовном судопроизводстве // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 2 (84). С. 44—54.
 26. Победкин А. В. Повышение стандартов доказывания — основное средство гуманизации уголовной политики // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 202—208.
 - acii : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Krasnodar, 2009. 45 s.
 12. Zagorodnikov N. I. Sovetskaya ugolovnaya politika i deyatel'nost' organov vnutrennih del : ucheb. posobie. M., 1979. 99 s.
 13. Zor'kin V. D. Pravo v usloviyah global'nyh pere-men. M., 2013. 495 s.
 14. Zor'kin V. D. Bukva i duh Konstitucii // Ros. gaz. 2018. 10 okt.
 15. Zor'kin V. D. Konstitucionnoe pravosudie: procedura i smysl. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Documents/> (data obrashcheniya: 17.03.2022).
 16. Il'in I. A. O soprotivlenii zlu siloyu. Poyushchee serdce. M., 2020. 416 s.
 17. Il'in I. A. O spravedlivosti // Poyushchee serdce. O soprotivlenii zlu siloyu. M., 2020.
 18. Kurs ugolovnogo processa / pod red. L. V. Golovko. M., 2016. 1276 s.
 19. Mal'cev G. V. Nravstvennye osnovaniya prava : monogr. M., 2016. 427 s.
 20. Mizulina E. B. O tekhnologicheskoy teorii ugolovnogo processa // Uroki reformy ugolovnogo pravosudiya v Rossii (po materialam raboty Mezhvedomstvennoj rabochej gruppy po monitoringu UPK RF i v svyazi s pyatiletiem so dnya ego prinyatiya i vvedeniya v dejstvie) : sb. st. i materialov / pod red. E. B. Mizulinoj i V. N. Pligina. M., 2006. 847 s.
 21. Nikolyuk V. V. Pochemu UPK RF ne mog byt' drugim? (k 20-letiyu prinyatiya kodeksa) // Sovremennoe ugolovno-processual'noe pravo — uroki istorii i problemy dal'nejshego reformirovaniya. 2001. T. 2. № 1 (3). S. 27—38.
 22. Pligin V. N. Ugolovno-pravovye sredstva gosudarstvennogo social'nogo upravleniya: legitimnost' i spravedlivost' (teoreticheskij aspekt) // Ugolovno-pravovye sredstva gosudarstvennogo social'nogo upravleniya : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / отв. ред. В. С. Джатиев. СПб., 2023. 295 s.
 23. Pobedkin A. V. The content of criminal procedure law as an expression of an objective social need // The Criminologist's Library. Scientific Journal. 2016. № 3 (26). S. 110—118.
 24. Pobedkin A. V. The Code of Criminal Procedure: a form of living law or "soulless instruction" // The Criminologist's Library. Scientific Journal. 2017. № 3 (32). S. 101—111.
 25. Pobedkin A. V. People as a source of power in criminal proceedings // Bulletin of UFA Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 2 (84). S. 44—54.
 26. Pobedkin A. V. Raising the standards of evidence is the main means of humanizing criminal policy // Vestnik of economic security. 2021. № 2. S. 202—208.

27. *Победкин А. В.* Общие положения УПК России как система гарантий публичности уголовного судопроизводства. М., 2024. 328 с.
28. *Пресняков М. В.* Конституционный принцип справедливости: юридическая природа и нормативное содержание : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2010. 469 с.
29. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под ред. О. И. Чистякова. М., 1991. Т. 8. 495 с.
30. *Россинский С. Б.* Правилам о подследственности не место в Уголовно-процессуальном кодексе // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 6 (29). С. 92–99.
31. *Рудич В. В.* Справедливость в уголовном судопроизводстве: теоретический и прикладной аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 274 с.
32. *Савенков А. Н., Россинский С. Б. М. С.* Строгович: теоретик советского уголовного процесса // Государство и право. 2023. № 11. С. 7–28.
33. *Смирнов А. М.* Народное правосудие в России : моногр. М., 2014. 396 с.
34. *Сырых В. М.* Российские правоведы на перепутье: материалистический рационализм или субъективный идеализм? // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 75–89.
35. *Тихомирова В. В.* Применение аналогии закона и аналогии права в уголовном судопроизводстве России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 208 с.
36. Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. М., 1990. 189 с.
27. *Pobedkin A. V.* Obshchie polozheniya UPK Rossii kak sistema garantij publichnosti ugolovnogo sudoproizvodstva. M., 2024. 328 s.
28. *Presnyakov M. V.* Konstitucionnyj princip spravedlivosti: yuridicheskaya priroda i normativnoe sodержanie : dis. ... d-ra yurid. nauk. Saratov, 2010. 469 s.
29. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov : v 9 t. / pod red. O. I. Chistyakova. M., 1991. T. 8. 495 s.
30. *Rossinskij S. B.* The rules on investigation have no place in the Code of Criminal Procedure // The Criminologist's Library. Scientific Journal. 2016. № 6 (29). S. 92–99.
31. *Rudich V. V.* Spravedlivost' v ugolovnom sudoproizvodstve: teoreticheskij i prikladnoj aspekty : dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2013. 274 s.
32. *Savenkov A. N., Rossinskij S. B. M. S.* Strogovich: theorist of the Soviet Criminal Procedure // State and Law. 2023. № 11. S. 7–28.
33. *Smirnov A. M.* Narodnoe pravosudie v Rossii : monogr. M., 2014. 396 s.
34. *Syryh V. M.* Russian Jurists at the Crossroads: Materialistic Rationalism or Subjective Idealism? // Journal of Russian Law. 2016. № 1. S. 75–89.
35. *Tihomirova V. V.* Primenenie analogii zakona i analogii prava v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii : dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2012. 208 s.
36. Yazyk zakona / pod red. A. S. Pigolkina. M., 1990. 189 s.

Для цитирования:

Победкин Александр Викторович. Справедливость уголовного судопроизводства как условие его легитимности // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 1 (69). С. 17–27.

For citation:

Pobedkin Aleksandr Viktorovich. The Fairness of Criminal Proceedings as a Condition of Its Legitimacy // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1 (69). P. 17–27.

Репьев Артем Григорьевич,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры государственно-
правовых дисциплин,
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

ORCID 0000-0003-0718-698X

E-mail: rejev-artem@yandex.ru

Стрелкова Ольга Валентиновна,
слушатель 2-го факультета (подготовки
руководителей (начальников) территориальных
органов внутренних дел МВД России),
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

Научная специальность:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

УДК 340

DOI 10.24412/2072-9391-2024-169-28-35

Дата поступления статьи: 9 января 2024 г.

Дата принятия статьи в печать: 20 марта 2024 г.

Правовой статус личности сотрудника органов внутренних дел в специальных правовых режимах: теория и юридическая техника

The Legal Status of the Personality of an Employee of the Internal Affairs Bodies in Special Legal Regimes: Theory and Legal Technique

Аннотация

Актуальность исследования: статья посвящена исследованию особенностей нормативного правового закрепления в законодательстве Российской Федерации специальных правовых режимов. Последние объективируются в тексте законодательных актов посредством юридических лексем: «особые условия», «специальные меры» и пр., что приводит к последующему изменению юридического положения сотрудников органов внутренних дел, проходящих службу в нестандартных, исключительных обстоятельствах.

Постановка проблемы: базируясь на содержательных позициях правовой доктрины о спе-

Artyom Grigor'evich Rep'ev,
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of State and Legal
Disciplines,
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8

ORCID 0000-0003-0718-698X

E-mail: rejev-artem@yandex.ru

Ol'ga Valentinovna Strelkova,
Listener of the 2nd Faculty (Training
Chiefs (Heads) of the Territorial Bodies of Internal Affairs
of the Interior Ministry of Russia),
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8

Scientific specialty:

5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences

Abstract

Relevance of the research: the article is devoted to the study of the features of the normative legal consolidation of special legal regimes in the legislation of the Russian Federation. The latter are objectified in the text of legislative acts by means of legal lexemes: "special conditions", "special measures", etc., which leads to a subsequent change in the legal status of employees of internal affairs bodies serving in non-standard, exceptional circumstances.

Problem statement: based on the substantive positions of the legal doctrine on special legal regulation, existing normative legal acts, as well as law enforcement decisions (including judicial au-

циальном правовом регулировании, действующих нормативных правовых актах, а также правоприменительных решениях (в том числе органов судебной власти) постулируется отсутствие унификации терминологии законодательства, регламентирующего особенности применения средств, методов правового воздействия в нестандартных условиях (природных, социальных, техногенных и др.). Приводятся аргументы относительно рисков, возникающих ввиду неоднозначного понимания и последующего применения нормативных правовых актов, регламентирующих допустимость применения специальных мер правового воздействия.

Цель исследования: выявить причины многообразия трактовок феномена «специальный правовой режим» и появление дисбаланса в содержании правового статуса сотрудника органов внутренних дел; установить риски, обусловленные излишне разнообразной интерпретацией положений законодательства и последующей его реализацией; предложить пути решения проблемы, обусловленной вариативностью юридической терминологии специального правового регулирования, приводящей к ослаблению правового положения сотрудников органов внутренних дел.

Методология: совокупность общенаучных и частнонаучных методов познания, описание и интерпретация; теоретические методы формальной и диалектической логики.

Результаты и ключевые выводы: доказыва-ется, что, выступая тенденциозным явлением, вызванным усложнением общественных отношений, специальный правовой режим регулирования особенных, нестандартных обстоятельств и условий жизни является адекватным актом реагирования законодательства, но при отсутствии конкретизирующих формально-юридических элементов может привести к отрицательным последствиям, в том числе искажению, ущемлению правового положения личности. Среди факторов, снижающих определенность правового регулирования, служащих рискогенными обстоятельствами, является использование в положениях нормативных правовых актов оговорки «без уважительных причин». Обращено внимание на оценочный характер данной формулировки, снижающий полноту правового регулирования, приводящий к упущениям интерпретационного характера и ошибкам правоприменения. В качестве заключения авторами аргументируются предложения по унификации законодательства, регламентирующего специальный правовой режим службы сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации при помощи закрепления родового понятия. Констатиру-

thorities), the lack of unification of the terminology of legislation regulating the specifics of the use of means, methods of legal influence in non-standard conditions (natural, social, man-made, etc.) is postulated. Arguments are given regarding the risks arising due to the ambiguous understanding and subsequent application of regulatory legal acts regulating the admissibility of the use of special legal measures.

The purpose of the study: to identify the causes of the diversity of interpretations of the phenomenon of "special legal regime" and the appearance of an imbalance in the content of the legal status of an employee of internal affairs bodies; to identify risks caused by an excessively diverse interpretation of the provisions of legislation and its subsequent implementation; to propose ways to solve the problem caused by the variability of the legal terminology of special legal regulation, leading to a weakening of the legal status of employees of internal affairs bodies cases.

Methodology: a set of general scientific and private scientific methods of cognition, description and interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic.

Results and key conclusions: it is proved that, acting as a tendentious phenomenon caused by the complication of public relations, a special legal regime for regulating special, non-standard circumstances and living conditions is an adequate act of legislative response, but in the absence of specifying formal legal elements can lead to negative consequences, including distortion, infringement of the legal status of the individual. Among the factors that reduce the certainty of legal regulation, serving as risky circumstances, is the use of the clause "without good reason" in the provisions of regulatory legal acts. Attention is drawn to the evaluative nature of this formulation, which reduces the completeness of legal regulation, leading to interpretative omissions and mistakes in law enforcement. As a conclusion, the authors argue for proposals for the unification of legislation regulating the special legal regime of the service of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation by consolidating the generic concept. The need to harmonize the elements of the special legal status of the personality of an employee of the internal affairs bodies of the Russian Federation by balancing restrictive elements and legal advantages is stated.

ется потребность гармонизации элементов специального правового статуса личности сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации за счет сбалансирования ограничительных элементов и правовых преимуществ.

Ключевые слова: правовой статус; органы внутренних дел; специальный правовой режим; норма-оговорка; уважительные причины.

Keywords: legal status; internal affairs bodies; special legal regime; reservation rule; valid reasons.

Введение. Современное состояние окружающей нас действительности характеризуется весьма сложными, неоднозначными процессами и соответствующими им оценками. Экономика испытывает на себе влияние санкционного давления, политическая сфера подвержена недружественным актам поведения ряда государств и их лидеров. Сообразно этому правовая сфера адаптируется к вызовам, все больше тяготея к особым, нетипичным методам, формам и приемам воздействия. В современном российском законодательстве и юридической литературе обобщены форматы правового регулирования, укладываемые в понятие «специальный правовой режим». К примеру, «специальный правовой режим Особой экономической зоны»¹, «правовой режим специального административного района»², «экспериментальный правовой режим»³, «зоны опережающего экономического развития со специальным правовым режимом»⁴ и др.

В большей степени указанные специальные правовые режимы нацелены на создание условий максимального благоприятствования деятельности участников правоотношений, предусматривая общедозволительные (стимулирующие, поощрительные и пр.) методы воздействия, мотивирующие на поиск новых форм социально-активного правомерного поведения:

достижение повышенных результатов производства, ускорение процессов импортозамещения, оптимизацию затрат за счет использования достижения цифровизации и искусственного интеллекта и др.

Вместе с тем геополитическая обстановка, усложняемая недружественным поведением приграничных и иных государств, природными и техногенными обстоятельствами, подталкивает органы публичной власти на установление нормативной основы для введения специальных правовых режимов иного свойства. Магистральными задачами в таком случае будут являться защита и обеспечение фундаментальных, государствообразующих ценностей: сохранение суверенитета, пресечение попыток подрыва основ конституционного строя, организация охраны общественного порядка. Речь идет как о хорошо всем известных специальных правовых режимах: «особо охраняемых территорий», «повышенной готовности», «чрезвычайной ситуации», «военного положения», «контртеррористической операции», так и относительно новых, находящихся в том числе в стадии разработки, — «особого положения»⁵, «карантина (изоляции)»⁶, «специальных мер в целях обеспечения безопасности»⁷.

В русле обозначенной нормативной правовой основы осуществляется организационно-штатное обеспечение деятельности ключевых элементов государственного механизма в лице соответствующих министерств, ведомств и служб. Например, преобразование правоохра-

¹ Об Особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 10 янв. 2006 г. № 16-ФЗ : в ред. от 4 авг. 2023 г. : принят Гос. Думой 23 дек. 2005 г. : одобрен Советом Федерации 27 дек. 2005 г. (ст. 22) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 3. Ст. 280.

² О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края : Федер. закон от 3 авг. 2018 г. № 291-ФЗ : в ред. от 4 авг. 2023 г. : принят Гос. Думой 26 июля 2018 г. : одобрен Советом Федерации 28 июля 2018 г. (ст. 14) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 32 (ч. 1). Ст. 5084.

³ Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации : Федер. закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ : в ред. от 2 июля 2021 г. : принят Гос. Думой 22 июля 2020 г. : одобрен Советом Федерации 24 июля 2020 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5017.

⁴ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 28 дек. 2009 г. № 2094-р : в ред. от 10 июня 2023 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 4. Ст. 421.

⁵ О дополнительных мерах по защите основ конституционного строя, прав, законных интересов и личной безопасности граждан при чрезвычайных обстоятельствах в пределах одного или нескольких субъектов Российской Федерации : проект федер. закона № 90028222-3. Документ снят с рассмотрения // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 27.12.2023).

⁶ Об обеспечении режима изоляции в целях предотвращения распространения COVID-2019 : постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 18 марта 2020 г. № 7 : в ред. от 8 авг. 2023 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.12.2023).

⁷ О применении в целях обеспечения безопасности Российской Федерации специальных экономических мер в сфере внешнеэкономической деятельности : Указ Президента Рос. Федерации от 8 марта 2022 г. № 100 : в ред. от 20 июля 2023 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 11. Ст. 1671.

нительных органов в целом и органов внутренних дел в частности проходит по пути укрепления подразделений, испытывающих основную нагрузку по оперативному реагированию на осложнение правопорядка. Следствием этого, как думается, стало создание Главного управления оперативного реагирования⁸ (далее – ГУОР МВД России) – ведущее подразделение в осуществлении функций МВД России по выработке и реализации государственной политики и нормативному правовому регулированию организационного обеспечения участия органов и организаций системы МВД России в мероприятиях по обеспечению специальных правовых режимов: «военного положения», «чрезвычайного положения», «контртеррористической операции», а также «комплексного применения сил и средств в подразделениях, функционирующих в особых условиях».

Между тем нормативное правовое регулирование деятельности органов внутренних дел в нестандартных условиях и обстоятельствах до конца не проработано: отсутствует не только первоначально необходимый дефинитивный аппарат относительно содержания родового понятия «специальный правовой режим», но и не установлены аспекты, касающиеся правового положения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, проходящих службу в различных особых условиях. Остановимся на обозначенных аспектах более детально.

Специальный правовой режим в законодательстве, правоприменительной практике и юридической доктрине. Тематика специального правового регулирования в нестандартных жизненных обстоятельствах и условиях далеко не сегодня начала интересовать профессиональное юридическое сообщество. В частности, Г.С. Беляева на монографическом уровне рассматривала, например, правовые режимы, основанные на ограничениях [2, с. 119–147], профессора Н.И. Матузов и А.В. Малько пытались через конструкцию правового режима продемонстрировать функциональную модель права [6, с. 17–18], В.Ю. Туранин с коллегами по авторскому коллективу изучал льготные правовые режимы [9]. Однако одним из тех, кто в числе первых кристаллизировал данный феномен в рамках исследования общих вопросов правового регулирования, тем самым заложив фундамент исследова-

ния правовых режимов, по нашему убеждению, был С.С. Алексеев [1, с. 66, 186].

Рассмотрение особенностей деятельности полиции в специальных условиях и режимах является предметом оживленной дискуссии ученых и практических работников не первый год [3, с. 60; 7, с. 59; 8, с. 44; 10, с. 189]. Однако доктринальное обсуждение, к сожалению, не приблизило унификацию юридического тезауруса касаясь специальных правовых режимов. Законодательство, регламентирующее данный аспект, по-прежнему оперирует относительно устойчивыми словосочетаниями «специальный правовой режим», «особые условия», «специальные условия» и т. д., зачастую не только не имея четкой понятийной конструкции, но и в определенном смысле жонглируя указанными лексемами, ненавязчиво склоняя правоприменителя к пониманию их в синонимичном значении, допуская подмену одного словосочетания другим.

Отметим, что в законодательстве Российской Федерации, нормативных правовых актах министерств и ведомств для отражения сущности специального правового регулирования чаще других применяется словосочетание «особые условия». Статья 146 Трудового кодекса Российской Федерации «Оплата труда в особых условиях» предполагает работы «с вредными и (или) опасными условиями труда»⁹. В ст. 85 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации представлен исчерпывающий перечень нестандартных ситуаций, при возникновении которых в исправительных учреждениях может быть введен «режим особых условий», без возможности его расширительного толкования (приведем здесь лишь некоторые основания: захват заложников; массовые беспорядки; групповое неповиновение осужденных)¹⁰.

Сообразно обозначенному посылу регламентирует вопрос о сущностном понимании феномена «особые условия» и законодательство, регламентирующее службу в органах внутренних дел. Укажем некоторые доводы относительно сказанного. Начать полагаем уместным с того, что отправной нормативный правовой акт, регламентирующий правовой статус органов внутренних дел, – Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» – применяет фигуру умолчания относительно понимания особых условий несения службы¹¹. В тексте ст. 35 Феде-

⁸ О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 4 Указа Президента Российской Федерации от 24 декабря 2009 г. № 1468 «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации»: Указ Президента Рос. Федерации от 6 июня 2022 г. № 353 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 24. Ст. 4030.

⁹ Трудовой кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ: в ред. от 4 авг. 2023 г.: принят Гос. Думой 21 дек. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 26 дек. 2001 г. (ст. 146) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

¹⁰ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ: в ред. от 24 июня 2023 г.: принят Гос. Думой 18 дек. 1996 г.: одобрен Советом Федерации 25 дек. 1996 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 2. Ст. 198.

¹¹ О полиции: Федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ: в ред. от 4 авг. 2023 г.: принят Гос. Думой 28 янв. 2011 г.: одобрен Советом

рального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 342-ФЗ) законодатель определяет перечень особых условий в деятельности органов внутренних дел: «период действия военного положения или чрезвычайного положения, период проведения контртеррористической операции, специальных и иных определенных Президентом Российской Федерации операций и выполнения задач в области территориальной обороны, в условиях вооруженного конфликта, при ликвидации последствий аварий, катастроф природного и техногенного характера и других чрезвычайных ситуаций, при пресечении массовых нарушений общественного порядка и угроз общественной безопасности и в иных подобных, критических по степени опасности и последствиям для граждан, общества и государства особых условиях природного, биологического, техногенного или социального характера»¹².

Вышеуказанный перечень «особых условий», думается, далеко не исчерпывающий, в том числе в силу неоднократного использования законодателем особенного технико-юридического средства — нормативных оговорок: «и иных операций», «и других чрезвычайных ситуаций», «и в иных подобных условиях».

С одной стороны, подобный технико-юридический подход (нормативное предписание с оговорками) в условиях разноплановости угроз и вызовов государственной безопасности весьма оправдан. Конкретизация перечня ситуаций, детерминирующих необходимость принятия органами внутренних дел специальных мер реагирования, может быть не только излишней, но и губительной для общества и государства. Как показывает практика, работа в полиции непредсказуема, ежедневно сопряжена с риском при исполнении служебных обязанностей. В повседневных условиях складываются обстоятельства, которые могут быть не предусмотрены действующими нормативными правовыми актами либо их отдельными положениями. Внезапно спровоцированный межличностный (межгрупповой) конфликт на пике эскалации может приобрести форму вооруженного столкновения с представителями власти. Так, на фоне обострения ситуации на Ближнем Востоке 29 октября 2023 г. в аэропорту г. Махачка-

лы произошли массовые беспорядки из-за прибытия регулярного рейса из Тель-Авива. Несколько сотен человек зашли в здание аэропорта и на летное поле, устроили беспорядки и позднее были задержаны сотрудниками правоохранительных органов. В результате пострадали более 20 человек, включая полицейских¹³. Противостояние сотрудников полиции и местных жителей длилось несколько часов, в результате чего возникла реальная угроза введения специальных правовых мер реагирования.

С другой стороны, вопрос конкретизации содержания «особых условий» деятельности для сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации далеко не праздный в силу возникающего впоследствии в отношении них изменения правового статуса. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 35 Федерального закона № 342-ФЗ период действия особых условий может отразиться на следующих элементах специального правового статуса сотрудника:

- субъективные права (к примеру, на отдых — путем изменения режима его служебного времени);

- юридические обязанности (за счет возложения дополнительных или выделения среди существующих — приоритетных обязанностей (первостепенных, неотложных), например, командирование в другую местность);

- ограничения, запреты, ответственность (как правило, повышенная и не только юридическая, но и социально-нравственная). Установление этих и иных особых условий путем изменения правового статуса сотрудника законодатель допускает возможным без его согласия на срок до шести месяцев в течение календарного года и устанавливает ответственность за отказ без уважительных причин нести службу в особых условиях в виде увольнения со службы.

При этом норма, устанавливающая изъятие из содержания ст. 35 Федерального закона № 342-ФЗ, выполненная в виде стандартной для отечественного законодательства оговорки «без уважительных причин», также не раскрыта и не детализирована. Даже без детального ее анализа можно заключить, что она имеет ярко выраженную оценочную природу, наполнена не только формально-юридическим свойством, но и нравственным, морально-этическим, духовным и иными составляющими.

Помимо прочего, отдельные обстоятельства прохождения службы в особых условиях, влекущие изменение правового статуса сотрудника, определены в иных статьях Федерального закона № 342-ФЗ: отсутствие возможности изменить условия контракта (ст. 23), допустимость

Федерации 2 февр. 2011 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

¹² О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 30 нояб. 2011 г. № 342-ФЗ : в ред. от 4 авг. 2023 г. : принят Гос. Думой 17 нояб. 2011 г. : одобрен Советом Федерации 25 нояб. 2011 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.

¹³ Полицией задержаны более 200 участников беспорядков в аэропорту Махачкалы // Рос. газ. 2023. 5 нояб.

принудительного прерывания отпуска (ст. 64), запрет одностороннего расторжения контракта по инициативе сотрудника (ст. 84). Ведомственные нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность органов внутренних дел в особых условиях, идут еще дальше, предусматривая возможность установления в структуре специального правового статуса дополнительных ограничений и запретов, не оговоренных в Федеральном законе № 342-ФЗ: «возложение на сотрудника обязанности уведомлять непосредственного руководителя о своем местонахождении в свободное от выполнения служебных обязанностей время; приостановление предоставления дней отдыха за выполнение обязанностей сверх установленной нормальной продолжительности служебного времени, а также в ночное время, в выходные и нерабочие праздничные дни и выплаты денежной компенсации взамен дополнительных дней отдыха; ограничение выезда в свободное от выполнения служебных обязанностей время за пределы территории, обслуживаемой территориальным органом МВД России»¹⁴ и др.

Как можно заметить, изменение правового статуса сотрудника в условиях специальных правовых режимов носит одноплановый характер, то есть направлено на сужение свободы поведения, возложение дополнительных обременений. При этом правовые преимущества как элемент правового статуса сотрудника, компенсирующие выполнение служебных задач в нестандартной обстановке, сопряженной с риском для здоровья и жизни, фактически не предусмотрены. Тем самым создается дисбаланс соотношения элементов юридической конструкции специального правового статуса личности сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации.

Приведенные доводы, безусловно, могут быть восприняты критически в ракурсе как минимум двух контраргументов. Мы видим их и укажем на них самостоятельно, не дожидаясь реакции научных оппонентов. Первый из них — интерпретация норм законодательства (в том числе осуществляемая Конституционным Судом Российской Федерации), касающихся прохождения службы в правоохранительных органах (органах внутренних дел, Следственного комитета Российской Федерации и др.), предполагает особые требования к личным и деловым качествам граждан и, как следствие, «особые обязанности, обусловленные задачами государственных органов, а также специфическим характером деятельности указанных лиц»¹⁵.

Второй контраргумент — в рамках правовой и социальной защищенности сотрудников, проходящих службу в условиях специальных правовых режимов, предполагается установление льготного исчисления выслуги лет (лишь на период участия в проведении контртеррористической операции).

Непосвященному человеку вышевысказываемые доводы о дисбалансе элементов правового статуса также могут показаться надуманными еще и в силу того, что постановлением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 1021¹⁶, приказом МВД России от 25 июля 2017 г. № 522 установлена выплата ежемесячной надбавки за особые условия службы¹⁷. Вместе с тем перечень должностей сотрудников, которым устанавливается надбавка, позволяет сделать вывод об оплате несения службы хотя и в непростых, но все же фактически повседневных условиях. Они обусловлены следующими обстоятельствами: географическим положением территориального органа, климатическими факторами пребывания либо самим характером службы в органах внутренних дел в целом, требующим напряжения моральных, психологических ресурсов человека. Все-таки традиционный смысл словосочетания «особые условия» заключается в отличии условий от стандартных, означает необычность, исключительность обстановки, в которой что-либо происходит (в том числе за счет скоротечности событий). В связи с этим будем объективны — вышеуказанный ведомственный нормативный правовой акт является по своей сути современным аналогом ранее действовавшего приказа МВД России от 16 апреля 2002 г. № 360, устанавливающего надбавку за сложность, напряженность службы органов внутренних дел в целом, но не применительно к особым условиям.

На помощь законодательству традиционно должна прийти юридическая доктрина. В научной литературе ранее предпринимались попытки дефинировать исследуемый нами феномен «особые условия». К примеру, весьма содержательным определением можно признать дефиницию, предложенную профессором А. Ф. Май-

прав пунктом 3 части 2 статьи 30 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации»: Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 15 сент. 2015 г. № 1829-О // Вестник Конституционного Суда Рос. Федерации. 2016. № 1.

¹⁶ О ежемесячной надбавке к должностному окладу за особые условия службы сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющим специальные звания полиции: постановление Правительства Рос. Федерации от 8 дек. 2011 г. № 1021 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 51. Ст. 7532.

¹⁷ Об утверждении Перечня должностей сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, при замещении которых выплачивается ежемесячная надбавка за особые условия службы, и размеров надбавки по этим должностям: приказ МВД России от 25 июля 2017 г. № 522.

¹⁴ Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 1 февр. 2018 г. № 50.

¹⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бородина Максима Александровича на нарушение его конституционных

дыковым. По его мнению, особые условия применительно к деятельности органов внутренних дел — это «повышенная по степени опасности и последствиям для жизни и здоровья людей, сохранности материальных и духовных ценностей, нормальной деятельности предприятий, организаций и учреждений обстановка (состояние), вызываемая событиями (явлениями) природного, биологического, техногенного и социального характера (свойства) и требующая от органов внутренних дел для ее нормализации специальных правовых, организационных, тактических мер и специального ресурсного обеспечения» [5, с. 5–6]. В схожем ключе на эту тему высказывается Б. П. Кондрашов с одним лишь существенным различием. В понимании автора «особые условия» это не обстановка повышенной степени опасности, а обстановка «создающая угрозу» такой опасности [4, с. 247].

Не углубляясь в дискуссию, отметим, что, по нашему мнению, более фундаментально к рассмотрению данного вопроса подошел И. В. Слышалов, который предлагает рассматривать «особые условия» в двух аспектах: в рамках содержательного подхода как «особые условия деятельности» и в русле процедурного аспекта — «особые условия как специальный ведомственный режим функционирования ОВД, вводимый при определенных нестандартных ситуациях». Для определения последнего автор вводит понятие «режим особых условий» — это «специальный ведомственный режим деятельности органов внутренних дел, вводимый в соответствии с установленной процедурой в период действия военного положения или чрезвычайного положения, в период проведения контртеррористической операции, в условиях вооруженного конфликта, при ликвидации последствий аварий, катастроф природного и техногенного характера и других чрезвычайных ситуаций на срок не более шести месяцев и предполагающий возможность установления особых условий службы и дополнительных ограничений в отношении сотрудника органов внутренних дел» [8, с. 38].

Выводы. Мы убеждены, что для унификации специального законодательства необходима выработка родового понятия, которое впоследствии может наполняться видовыми признаками. В качестве операционного, рамочного определения родового понятия «специальный правовой режим деятельности органов внутренних дел» предлагаем использовать следующее — это *определяемая федеральным законодательством система средств и способов воздействия на осложненную обстановку в целях ее упорядочения и стабилизации, характеризующаяся изменением правовых статусов участников общественных отношений ввиду установления особых прав,*

приоритетных обязанностей, ограничений, запретов, дополнительной юридической ответственности и правовых преимуществ.

Далее, следует предпринять меры по конкретизации видов специального правового режима деятельности органов внутренних дел в зависимости от решаемых задач (проведение контртеррористической операции, противодействие распространению эпидемии и пр.).

В свою очередь, специальный правовой статус сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в ходе выполнения обязанностей в рамках специальных правовых режимов должен включать четко конкретизированный перечень дополнительных элементов (ограничения, запреты, ответственность, правовые преимущества), содержащийся в едином законодательном акте, что структурирует изложение норм, упростит их последующее применение. Названные элементы должны быть сбалансированы между собой, не допуская крена в сторону ухудшения правового положения, предусматривая достойный уровень социальной защиты за счет правовых преимуществ (льготы, компенсации, пособия и пр.).

Заключение. Кардинальные изменения международной жизни, смена вектора во внешнеполитическом курсе государства, миграционная политика последних пяти лет привели к тому, что деятельность органов внутренних дел все чаще связана со специальными правовыми режимами. Негативные последствия COVID-19 привели к введению с марта 2020 г. во всех субъектах Российской Федерации режима повышенной готовности. В условиях пандемии органы внутренних дел, являясь элементом Единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, оказывали содействие региональным органам исполнительной власти, органам здравоохранения и санитарно-эпидемиологического надзора. Сопровождающие режим повышенной готовности ограничения и запреты в большей мере были связаны с карантинными мерами (изоляция и самоизоляция) и меняющийся государственный уклад внес свои коррективы в деятельность всех государственных органов, переводя их на особый режим функционирования. Начиная с первых ограничительных мер, связанных с пандемией, сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации ежедневно выполняли государственную функцию охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, невзирая на опасность заражения смертельным вирусом.

Начало специальной военной операции, сопровождающееся введением в ряде субъектов Российской Федерации военного положения и режима повышенной готовности, так-

же существенно трансформировало сущностные и структурные составляющие конструкции специального правового статуса сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации. Появились не только дополнительные ограничения по службе, запреты, меры ответственности, но и правовые преимущества. В связи с этим для последующей эффективной реали-

зации задач, стоящих перед органами внутренних дел в рамках возникающих вызовов, необходима унификация законодательства, регламентирующего специальные правовые режимы, закрепляющего статус сотрудников, несущих службу в указанных условиях, а также адекватные правоинтерпретационные и правоприменительные меры.

Список литературы:

1. Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. 286 с.
2. Беляева Г. С. Правовой режим в общетеоретическом измерении : моногр. М., 2013. 238 с.
3. Княжев В. Б., Майдыков А. Ф. О некоторых особенностях правового регулирования деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в особых условиях // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 3 (47). С. 91–96.
4. Кондрашов Б. П. Общественная безопасность и административно-правовые средства ее обеспечения : моногр. М., 1998. 296 с.
5. Майдыков А. Ф. Актуальные проблемы управления органами внутренних дел МВД России в особых условиях. М., 1999. 154 с.
6. Матузов Н. И., Малько А. В. Правовые режимы: вопросы теории и практики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1996. № 1 (212). С. 16–29.
7. Салтыков А. А. Правовые проблемы участия органов внутренних дел в защите населения и личного состава от радиационной и химической опасности // Труды Академии управления МВД России. 2013. № 4 (28). С. 59–61.
8. Слышалов И. В. Особые условия в деятельности органов внутренних дел: подходы к пониманию // Право и политика. 2019. № 5. С. 33–39.
9. Туранин В. Ю., Беляева Г. С., Подольский А. В. Льготные правовые режимы : моногр. М., 2021. 174 с.
10. Шурухнова Д. Н. Система социальных гарантий сотрудников органов внутренних дел, выполняющих служебные обязанности в особых условиях // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 6. С. 185–188.

Для цитирования:

Репьев Артем Григорьевич, Стрелкова Ольга Валентиновна. Правовой статус личности сотрудника органов внутренних дел в специальных правовых режимах: теория и юридическая техника // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 1 (69). С. 28–35.

References:

1. Alekseev S. S. Obshchie dozvoleniya i obshchie zaprety v sovetskom prave. M., 1989. 286 s.
2. Belyaeva G. S. Pravovoj rezhim v obshcheteoreticheskom izmerenii : monogr. M., 2013. 238 s.
3. Knyazhev V. B., Majdykov A. F. Some Specifics about Legal Control of Activity of Internal Affairs Bodies of the Russian Federation in Special Conditions // Proceedings of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2018. № 3 (47). S. 91–96.
4. Kondrashov B. P. Obshchestvennaya bezopasnost' i administrativno-pravovye sredstva ee obespecheniya : monogr. M., 1998. 296 s.
5. Majdykov A. F. Aktual'nye problemy upravleniya organami vnutrennih del MVD Rossii v osobyh usloviyah. M., 1999. 154 s.
6. Matuzov N. I., Mal'ko A. V. Legal Regimes: Issues of Theory and Practice // Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie. 1996. № 1 (212). S. 16–29.
7. Saltykov A. A. Legal issues of participation of internal affairs agencies' in protection of civilians and internal affairs agencies' personnel from radiation-chemical threats // Proceedings of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2013. № 4 (28). S. 59–61.
8. Slyshalov I. V. Special conditions in the activities of internal affairs bodies: approaches to understanding // Law and Politics. 2019. № 5. S. 33–39.
9. Turanin V. Yu., Belyaeva G. S., Podol'skij A. V. L'gotnye pravovye rezhimy : monogr. M., 2021. 174 s.
10. Shuruhnova D. N. The system of social guarantees for employees of internal affairs bodies performing official duties in special conditions // Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 6. S. 185–188.

For citation:

Rep'ev Artyom Grigor'evich, Strelkova Ol'ga Valentinovna. The Legal Status of the Personality of an Employee of the Internal Affairs Bodies in Special Legal Regimes: Theory and Legal Technique // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1 (69). P. 28–35.

ИСТОРИЯ государственно-правовой мысли

Грошева Виктория Константиновна,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры государственных
и гражданско-правовых дисциплин,
Донецкий филиал
Волгоградской академии МВД России,
Российская Федерация, 283050,
Донецкая Народная Республика,
г. Донецк, пр-кт Богдана Хмельницкого, д. 84

Viktoriya Konstantinovna Groshevaya,
Candidate of Law, Associate Professor,
Head of the Department of State
and Civil Law Disciplines,
Donetsk Branch of the Volgograd Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Russian Federation, 283050,
Donetsk People's Republic,
Donetsk, Bogdan Khmelnytsky Av., 84

ORCID 0000-0002-4554-8657

E-mail: vik-groshevaya@mail.ru

ORCID 0000-0002-4554-8657

E-mail: vik-groshevaya@mail.ru

Научная специальность:
5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Scientific specialty:
5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences

УДК 351.74:172.15

DOI 10.24412/2072-9391-2024-169-36-45

Дата поступления статьи: 21 ноября 2022 г.
Дата принятия статьи в печать: 20 марта 2024 г.

Органы внутренних дел УССР в борьбе с националистическими формированиями на территории Украины (1939 – вторая половина 1940-х гг.)

The Internal Affairs Bodies of the Ukrainian SSR in the Fight Against Nationalist Formations on the Territory of Ukraine (1939 – the Second Half of the 1940s)

Аннотация

Актуальность исследования: события, происходящие сегодня на территории бывшей «Советской Украины», объективно свидетельствуют о чудовищной трансформации современного украинского государства, превратившегося после антиконституционного переворота 2014 г. в антидемократическое, русофобское образование с ярко выраженной нацистской идеологией и политикой. Реабилитация нацизма и его лидеров, использование запрещенной символики, факельные шествия, героизация бандеровцев,

Abstract

The relevance of the study: the events taking place today on the territory of the former "Soviet Ukraine" objectively testify to the monstrous transformation of the modern Ukrainian state, which turned into an anti-democratic, Russophobic entity with pronounced Nazi ideology and politics after the unconstitutional coup of 2014. The rehabilitation of Nazism and its leaders, the use of prohibited symbols, torchlight processions, the glorification of Bandera, whose followers are also cracking down on the opposition population of some parts

последователи которых также и сегодня расправляются с оппозиционным населением некоторых частей Украины, обусловили драматические процессы гражданского и военного противостояния, дезинтеграции и распада страны.

Активными маркерами этого процесса служат признание в феврале 2022 г. Россией независимости Донецкой и Луганской народных республик, а также последующее вхождение в состав Российской Федерации в октябре 2022 г. республик Донбасса, Запорожской и Херсонской областей.

Постановка проблемы: в числе важнейших событий отечественной истории особое место занимают проблемы, связанные с деятельностью радикальных националистических формирований на территории Украины в 1939 – второй половине 1940-х гг. в контексте их последующего влияния на характер общественно-политических процессов. В результате современное общество столкнулось с опасностью возрождения неонацизма, на изучении механизмов противодействия которому сосредоточена современная правовая наука.

Целью исследования является изучение вопросов организации противодействия националистическим формированиям на территории Украины со стороны органов внутренних дел УССР в 1939 – второй половине 1940-х гг., а также представление оценки значимости данных событий в контексте современной историко-правовой реальности.

Методы исследования: исторический, аксиологический, формально-логический, компаративистский.

Результаты и ключевые выводы: значительная часть усилий в деятельности органов внутренних дел УССР в 1939 – второй половине 1940-х гг. на территории Украины была направлена на противодействие националистическим проявлениям, представленным в историческом контексте в виде лоббируемых гитлеровской Германией радикально настроенных вооруженных подпольных формирований Организации украинских националистов и Украинской повстанческой армии. Указанную деятельность невозможно переоценить в контексте современной историко-правовой реальности. Проведенная органами внутренних дел масштабная работа по ликвидации вооруженных оуновских группировок и различных уголовно-бандитских антисоветских формирований позволила отвоевать важный в идеологическом плане плацдарм для построения гражданского общества и укрепления советской государственности.

Ключевые слова: органы внутренних дел; милиция; противодействие; националистические формирования; УССР; Организация украинских националистов; Украинская повстанческая армия; бандитизм.

of Ukraine today, led to dramatic processes of civil and military confrontation, disintegration and disintegration of the country.

Active markers of this process are Russia's recognition of the independence of the Donetsk and Lugansk People's Republics in February 2022, as well as the subsequent entry into the Russian Federation in October 2022 of the republics of Donbass, Zaporozhye and Kherson regions.

Problem statement: among the most important events of national history, a special place is occupied by problems related to the activities of radical nationalist formations on the territory of Ukraine in 1939 – the second half of the 1940s in the context of their subsequent influence on the nature of socio-political processes. As a result, modern society is faced with the danger of the revival of neo-Nazism, on the study of the mechanisms of counteraction to which modern legal science is focused.

The purpose of the study is to study the issues of organizing counteraction to nationalist formations on the territory of Ukraine by the internal affairs bodies of the Ukrainian SSR in 1939 – the second half of the 1940s, as well as to present an assessment of the significance of these events in the context of modern historical and legal reality.

Research methods: historical, axiological, formal-logical, comparative.

Results and key conclusions: a significant part of the efforts in the activities of the internal affairs bodies of the Ukrainian SSR in 1939 – the second half of the 1940s on the territory of Ukraine was aimed at countering nationalist manifestations presented in the historical context in the form of radical armed underground formations of the Organization of Ukrainian Nationalists and the Ukrainian Insurgent Army lobbied by Nazi Germany. This activity cannot be overestimated in the context of modern historical and legal reality. The large-scale work carried out by the internal affairs bodies to eliminate armed OUN groups and various criminal and bandit anti-Soviet formations made it possible to win back an ideologically important springboard for building civil society and strengthening Soviet statehood.

Keywords: internal affairs bodies; police; counteraction; nationalist formations; Ukrainian SSR; Organization of Ukrainian Nationalists; Ukrainian Insurgent army; banditry.

Всесторонний ретроспективный анализ деятельности органов внутренних дел УССР, направленной на борьбу против членов Организации украинских националистов (далее — ОУН), сегодня является актуальной задачей отечественной историко-правовой науки, решение которой позволит воссоздать картину прошлого и прогнозировать ход современных исторических процессов.

В современной отечественной историко-правовой науке деятельность работников органов внутренних дел Украинской Советской Социалистической Республики (далее — УССР) в исследуемый период освещали многие ученые, в том числе П. П. Михайленко, А. П. Тимченко, М. М. Войцеховский, В. А. Греченко, И. М. Логвиненко и др. Вместе с тем, несмотря на представленные труды по исследуемой проблеме, борьба работников органов внутренних дел УССР против украинских националистов остается не до конца раскрытой и требует более глубокого и основательного анализа с учетом введения в научный оборот оригинальных источников, долгие годы имевших гриф секретности. В незначительной степени изученность этой проблемы и ее актуальность явились поводом для проведения настоящего исследования.

После развала Советского Союза стараниями некоторых политиков и масс-медиа события, связанные с украинским национализмом, переинтерпретируются, действия бандитских формирований ОУН, Украинской повстанческой армии (далее — УПА) оправдываются, а их лидеры-коллаборанты признаются героями современной Украины. Например, подобные квазинаучные и реакционные выводы характеризуют труды некоторых современных исследователей Западной Украины, которые представляют ОУН и УПА «украинским национально-освободительным формированием, оказавшим вооруженное сопротивление врагу» [12, с. 24].

Высказывается пропагандистское мнение, что на сегодня в украинском обществе (и не только в украинском) «все еще не сформировано однозначное отношение к деятельности ОУН — УПА и это объясняется удачными попытками представителей советской власти дискредитировать подполье в глазах населения» [17, с. 120, 122–123]. Также современные украинские авторы в рамках заявленной темы рассматривают деятельность органов внутренних дел в западных областях УССР против украинского вооруженного подполья исключительно в негативном контексте, отмечая, что, по их мнению, на государственном уровне отдельными политическими и общественными деятелями, современными учеными, преимущественно пророссийской ориентации, пе-

реписывается советская история, в которой представителям украинского национально-освободительного движения 30–50-х гг. XX в. отводилось место предателей, немецких пособников, бандитов.

Некоторые украинские исследователи пытались и пытаются убедить себя и общественность в том, что УПА в равной степени боролась с гитлеровскими захватчиками и с оккупационными, как считали члены УПА, советскими властями. Также авторы отмечают, что в течение многих лет на Украине и за границей были опубликованы издания, содержащие интересную информацию о деятельности ОУН и УПА, включая документы как антисоветского движения сопротивления, так и органов советской власти (например, «Літопис УПА»). При этом указывается, что архивные документы, представленные в данных изданиях, имеют общую обличительно-обвинительную направленность относительно ОУН и УПА в целом и отдельных ее членов в частности, но вместе с тем содержат много нейтрально-объективной информации [16, с. 51].

Осенью 1939 г. после юридического вхождения Западной Украины в состав СССР на территории региона начинается активный процесс создания системы советских органов управления, среди которых особая роль отводилась органам внутренних дел. В начале ноября 1939 г., согласно приказу Народного комиссариата внутренних дел (далее — НКВД) СССР № 001359 «Об организации органов НКВД Западной Украины», были образованы управления НКВД Тернопольской, Станиславской, Львовской и Луцкой (с декабря 1939 г. — Волынской) областей [7, с. 416].

Накануне Великой Отечественной войны обстановка в УССР была сложной и неоднородной: если в восточных областях республики сотрудники органов внутренних дел вели борьбу с такими видами преступлений, как кражи, грабежи, мошенничество, хищения социалистической собственности, то в западных областях, в основном, боролись с политическим и уголовным бандитизмом, который был представлен сторонниками радикального украинского национализма, опекаемого фашистской Германией.

Еще задолго до вхождения Западной Украины в состав СССР радикально настроенные участники ОУН последовательно использовались внешними силами, прежде всего Берлином, с целью превращения западноукраинских земель в плацдарм для нападения на Советский Союз [1, с. 134–135].

В 1929 г. в Вене под руководством Е. Коновальца была создана ОУН, которая стала координирующим центром консолидации наиболее радикальных, антисоветских националистических

сил, отстаивавших идею «возрождения украинской самостийности» под патронатом Германии. В начальный период Второй мировой войны данная организация разделилась на два крыла (направления): ОУН-М (мельниковцы) и ОУН-Б (бандеровцы). В 1943 г. по инициативе ОУН и под ее руководством на территории Украины, которая пребывала во временной оккупации, создавались вооруженные националистические банды — УПА. В послевоенный период часть банд УПА перешла на нелегальное положение и стала совершать террористические и диверсионные акты. Банды ОУН, орудовавшие на территории западных областей Украины, прилагая все усилия, создавали препятствия восстановлению советской власти в регионе, совершая устрашающие террористические действия, которые были направлены на грабеж населения, наказание лиц, одобряющих советскую власть, на расправу и уничтожение советских и партийных работников [3, с. 206–207]. Также бандиты всячески препятствовали восстановлению народного хозяйства, уничтожая предприятия и учреждения, мосты и железные дороги [10, с. 222].

На Нюрнбергском процессе один из руководителей гитлеровской военной разведки «Абвер» Э. Штольце показал: «Мною лично было дано указание руководителям украинских националистов германским агентам Мельнику (кличка «Консул-1») и Бандере организовать сразу после нападения Германии на Советский Союз провокационные выступления на Украине с целью подрыва ближайшего тыла советских войск» [6, с. 18].

На оккупированной территории Украины немецко-фашистские захватчики старались уничтожить «советское наследие» во всех сферах жизни. В процессе разрушения «советского уклада» активными пособниками оккупантов выступили украинские буржуазные националисты, главы которых первоначально рассчитывали при поддержке немцев «возродить Украинскую самостийную державу» и «национальное правительство». Однако гитлеровцы не стремились к созданию даже марионеточного украинского правительства, что в качестве прецедента было провозглашено ранее, в 1918 г., кайзеровскими оккупантами. Украинским националистам, большая часть которых прибыла на Украину вместе с гитлеровскими захватчиками, была отведена роль прислужников, коллаборантов, помогающих истреблять и поработать украинский народ, а также сеять ненависть украинцев к трудящимся других национальностей и в первую очередь к русским с целью ослабления дружбы народов СССР [15, с. 89].

Усилили свою диверсионную и шпионскую деятельность оуновцы накануне вероломного нападения Германии на СССР [1, с. 135].

В этих условиях в целях противоборства националистическому подполью после разделения в феврале 1941 г. НКВД СССР на два наркомата: НКВД СССР и Народный комиссариат государственной безопасности (далее — НКГБ) СССР НКВД СССР в апреле 1941 г. издается приказ «Об организации отделов и отделений по борьбе с бандитизмом Главного управления милиции НКВД СССР и его периферийных органов» для «усиления борьбы со всеми видами политического и уголовного бандитизма на территории Союза ССР». Главным управлением милиции НКВД СССР был организован отдел по борьбе с бандитизмом. Народным комиссарам внутренних дел республик, начальникам управлений НКВД краев и областей необходимо было принять меры к укомплектованию отделов и отделений по борьбе с бандитизмом [14, с. 16].

Приказом НКВД СССР от 30 сентября 1941 г. в НКВД УССР был создан отдел по борьбе с бандитизмом, немного позже — отделения в областных управлениях НКВД УССР [11, с. 12].

Согласно приказу НКВД/НКГБ СССР № 001240/00380 от 9 октября 1944 г. для повышения качества и совершенствования руководства работой областных управлений НКВД Украины по борьбе с бандитизмом отдел по борьбе с бандитизмом НКВД УССР был реорганизован в Управление [7, с. 339].

Отметим, что противодействие националистическим формированиям на территории УССР, осуществлявшееся согласованными оперативными мероприятиями органов НКВД — МВД, НКГБ — МГБ, способствовало достижению поставленных целей в работе данных ведомств по указанному направлению и позволяло добиваться положительных результатов.

Борьбу с националистическим подпольем и бандитизмом в органах НКВД проводили: милиция, внутренние войска НКВД, пограничные войска НКВД, отделы по борьбе с бандитизмом, истребительные батальоны. В НКГБ — первый отдел, называющийся разведывательным, и второй отдел, осуществляющий борьбу с антисоветскими элементами и агентурой иностранных разведок внутри страны [9].

Как обращает внимание Е.В. Килимник, «органы внутренних дел, особенно милиция, часто были единственными представителями Советской власти в сельской местности и стали своеобразным символом неравной и героической борьбы с национал-сепаратистами» [4, с. 47].

В ходе вооруженного противостояния с националистами органы внутренних дел непрерывно развивали и совершенствовали свою работу, вследствие чего приспособляли свои методы работы и настраивали организационные структуры.

Оперативные соединения и части внутренних войск, которые занимали значительное место в борьбе с политическим бандитизмом и обеспечении правопорядка, плотно взаимодействовали с органами внутренних дел и органами государственной безопасности.

Внутренние войска НКВД считались силовым звеном в борьбе с националистическим подпольем украинских националистов. Для более продуктивного применения внутренних войск был создан Украинский округ внутренних войск НКВД СССР.

Боевой деятельностью войск НКВД по борьбе с националистическим подпольем и его вооруженными формированиями руководили НКВД СССР и НКГБ СССР, республиканские НКВД и НКГБ, областные управления этих министерств через отделы по борьбе с бандитизмом, а также Главное управление внутренних войск посредством Управления внутренних войск НКВД Украинского округа [8, с. 152].

В начале 1944 г. совместно с органами внутренних дел и государственной безопасности СССР войсками НКВД Украинского округа было ликвидировано 77 националистических формирований [5, с. 92].

Весной и летом 1944 г. ключевой формой деятельности внутренних войск были чекистско-войсковые операции по поиску и ликвидации банд. Эти операции большей частью были идентичны с операциями, которые проводились по очистке тыла фронтов и армий. Так, устойчивая, безопасная работа тыловых учреждений и местных органов власти обеспечивалась основной задачей операций — ликвидация банд. Указанные операции, проводимые войсками, включали в себя: преследование, окружение, атаку, поиск или прочесывание местности, перекрытие направлений перемещения банды.

В промежуток времени с февраля по первую половину апреля 1944 г. войсками НКВД Украинского округа по ликвидации банд было проведено 52 операции. А с начала августа по начало сентября этого же года частями и соединениями внутренних войск на Украине было проведено 853 чекистско-войсковых операции, в которых также совместно принимали участие сотрудники милиции и органов госбезопасности, войска НКВД по охране тыла 1-го и 4-го Украинских фронтов, пограничные войска [2, с. 198].

В то время когда наркоматы были преобразованы в министерства, центральному подразделению Министерства государственной безопасности были подчинены внутренние войска, которые использовались в областях и некоторых регионах Западной Украины.

Важным элементом борьбы с националистическими формированиями в годы Великой

Отечественной войны стала деятельность истребительных батальонов НКВД, в состав которых входили местные жители и бывшие партизаны. Истребительные батальоны служили резервом внутренних войск, это заметно подтверждалось при выявлении стоянок, схронов националистов, а также при организации блокад и рейдов [4, с. 46].

В работу по борьбе с украинским националистическим подпольем войска НКВД активно привлекали группы специального назначения, которые, играя роль, выдавали себя за националистические формирования ОУН — УПА [9].

В условиях освобождения Правобережной и Западной Украины от немецко-фашистских захватчиков в первой половине 1944 г. в УССР произошел значительный рост бандитизма, особенно на территориях западных областей Украины, где активно начали действовать банды украинских националистов [7, с. 425]. Так, наиболее ожесточенная борьба с националистическими бандами проводилась в Ровенской, Волынской, Львовской, Тернопольской, Станиславской и Черновицкой областях. Работники милиции как совместно с органами государственной безопасности, так и самостоятельно участвовали в ликвидации банд ОУН — УПА (за шесть месяцев 1944 г. органами милиции было ликвидировано 26 групп) [1, с. 170].

Осенью 1944 г. после освобождения УССР от немецко-фашистских захватчиков украинские националисты стали усиливать свою вражескую деятельность. Однако подпольные группы украинских националистов, созданные в период немецкой оккупации, были вскрыты и ликвидированы органами НКВД. Так, ликвидация националистов проводилась в Киевской, Полтавской, Запорожской, Житомирской, Днепропетровской, Сталинской и других восточных областях Украины.

С целью повышения качества и совершенствования агентурно-оперативной работы УНКВД — УНКГБ в западные области УССР отделом кадров НКВД и НКГБ СССР направлялись оперативные работники. Помимо этого, действующие в этих областях районные отделения НКВД и НКГБ реорганизовывались в районные отделы, где было предусмотрено увеличение штата.

Проводимая органами НКВД — НКГБ и войсковыми частями НКВД борьба с антисоветским подпольем и бандитизмом в западных областях Украины возглавлялась по Станиславской, Дрогобычской, Черновицкой и Львовской областям УССР народным комиссаром внутренних дел УССР комиссаром госбезопасности 3-го ранга тов. Рясным; по Волынской, Тернопольской и Ровенской областям УССР — заместителем наркома внут-

ренных дел УССР генерал-лейтенантом тов. Строкачем [7, с. 143].

В период немецко-фашистской оккупации оуновцам удалось сформировать в ряде городов Восточной Украины свои руководящие центры. Например, в Киеве был создан специальный «провод ОУН восточных Украинских земель», ставший основным оуновским центром на территории восточных областей и сформировавший разветвленную сеть областных и окружных организаций, которым, в свою очередь, подчинялись районные и сельские ячейки ОУН. Основной целью оуновская подпольная структура ставила распространение своего влияния среди националистически настроенной части населения. Так, подчиненные вышеупомянутому специальному «проводу» областные центры-«проводы» были созданы в Полтавской, Сумской и Черниговской областях. После освобождения советскими войсками части территорий Украины девять из указанных проводов были вскрыты и ликвидированы правоохранительными органами в Киевской, Кировоградской и Сумской областях, также областной провод ОУН — в г. Сталино, городские проводы ОУН — в Одессе и Запорожье.

Вторым по значимости оуновским центром на оккупированных землях УССР (после специального «провода ОУН восточных Украинских земель») являлся краевой провод ОУН на Днепропетровщине так называемый «провод ОУН Южного края».

После того как части Красной Армии освободили территории Украины верхушка ОУН — УПА продолжала действовать, работая по созданию в восточных областях Украины своих периферийных структур и формированию бандитских групп, направленных на борьбу с советской властью путем проведения диверсионной и террористической деятельности, вербовочной работы, установления связей с местными кадрами националистов, организации нападений на сельсоветы и общественные учреждения, ограбления колхозных и кооперативных магазинов и складов, распространения среди населения националистической литературы.

Ряд захваченных оуновских документов и агентурно-следственные материалы свидетельствовали, что националисты использовали всевозможные каналы для проникновения на территорию восточных областей и создания на востоке УССР своих подпольных организаций. Подтверждением активной антисоветской деятельности подпольных ячеек ОУН — УПА в восточных областях УССР являются данные о совершенных ими бандитских преступлениях. Только за 1946 г. советскими органами правопорядка было зарегистрировано 44 факта осуществления бандитских действий. При этом

указывалось, что тактика антисоветских действий оуновцев на территориях восточных областей резко отличалась от тактики действий в западных регионах. Если в западных областях основным направлением деятельности оуновцев являлись открытые выступления диверсионно-террористического характера, осуществляемые действующими диверсантами, то в условиях восточных областей Украины оуновцы применяли, прежде всего, латентные формы борьбы, направленные на создание местного подполья, преимущественно из коренного населения, и подготовку его для широких диверсионно-террористических действий в будущем. Об этом свидетельствовали перехваченные документы оуновских главарей.

В связи с изложенным в директиве «Об усилении агентурно-оперативных мероприятий по вскрытию и разработке оуновского подполья на территории восточных областей Украины» предлагалось пересмотреть все имеющиеся в УМВД, городских и районных отделах МВД следственные и агентурные материалы о деятельности украинских националистов, учесть всех галичан, прибывших в восточные области в разное время и устроившихся на работу на промышленные и транспортные предприятия, в учебные и научно-исследовательские заведения, прочие учреждения. Начальникам УМВД восточных областей УССР указывалось на необходимость коренным образом перестроить деятельность аппаратов подчиненных им отделов по борьбе с бандитизмом.

Особое внимание уделялось глубокой агентурной разработке украинско-националистического подполья как прибывшего из западных областей, так и местного, среди интернированных и специального контингента, то есть тех, кто работал на важнейших объектах угольной, металлургической, химической и оборонной промышленности¹. Кроме того, указывалось на проявление особой бдительности милицейским подразделениям накануне больших государственных праздников — 1 мая, 7 ноября и др. Так, например, 14 мая 1946 г. начальником УМВД по Сталинской области (в марте 1946 г. в результате реорганизации НКВД и НКГБ они были преобразованы в МВД и МГБ) была издана директива № Д\31 «Об активизации агентурно-оперативной работы по вскрытию и разработке оуновского подполья и разработке лиц, прибывших из Польши в порядке переселения в районы Сталинской области»². В директиве отмечалось, что согласно ориентировке МВД УССР руководство ОУН — УПА продолжает ак-

¹ Директива начальника УНКВД Сталинской области от 6 апр. 1945 г. // Арх. МВД ДНР. Ф. 23. Арх. 17. Д. 18. Л. 9.

² Директива начальника УМВД Сталинской области № Д\31 от 14 мая 1946 г. // Арх. МВД ДНР. Ф. 23. Арх. 24. Д. 28. Л. 39, 40.

тивизировать подпольную националистическую деятельность в восточных областях УССР и в этих целях формирует и направляет из западных областей специальные вооруженные группы для проведения диверсионной и террористической работы.

Для сохранения направляемых кадров от разгрома руководство ОУН — УПА рекомендовало участникам бандгрупп уходить в глубокое подполье, принимать меры к легализации, использовать оуновские родственные связи, фальшивые документы и другие возможности.

В первый период войны, как известно, оуновцы, пользуясь привилегированным положением у немцев, развернули большую работу в Сталинской области по созданию своих организаций и руководящих окружных центров. Для этой цели ими были направлены специальные эмиссары «головного провода» и кадровые оуновцы, имеющие практический опыт диверсионно-террористической деятельности, направленной, прежде всего, против советско-партийных активистов и сотрудников аппаратов МВД — МГБ.

Большинство из переброшенных бандгрупп успели развернуть агитационно-пропагандистскую работу среди населения восточных областей и создать сеть оуновских ячеек. Данная информация подтвердилась в процессе вскрытия и ликвидации органами МВД целого ряда оуновских подпольных организаций и участников ОУН — УПА, действовавших на территориях Полтавской, Днепропетровской, Винницкой, Житомирской и Киевской областей.

В то же время были зафиксированы факты, подтверждающие, что «среди украинцев, прибывших на территорию Сталинской области из Польши в порядке преследования, имелось большое количество участников ОУН — УПА, немецких ставленников и пособников, лиц, длительное время проживающих в Германии и не прошедших фильтрацию, а также прочего кулацкого и враждебного элемента». Указывалось, что «данный контингент в районах Сталинской области за последнее время значительно активизировал свою враждебную деятельность по направлениям: а) распространение среди переселенцев клеветнических измышлений по адресу советской власти, ее руководителей и, главным образом, против колхозного строя; б) отказ от работы в колхозах, выполнения хлебопоставок государству и других проводимых сельхоз полит кампаний; в) организация подрывной деятельности по срыву мероприятий партийных и советских органов по трудовому и бытовому благоустройству переселенцев, путем проведения агитации за самовольный выезд переселенцев из мест поселения в другие районы и области Укра-

ины, в том числе западные, а также обратно в Польшу»³.

Также было установлено, «что оуновцы из числа переселенцев, наряду с проведением антисоветской деятельности, проявляют стремления к налаживанию организованных связей как с участниками ОУН — УПА, прибывшими в порядке переселения, так и местными националистами и прочим антисоветским элементом»⁴.

Отмечалось, что «несмотря на ряд конкретных указаний УМВД, в городских и районных органах МВД области агентурно-оперативная работа по вскрытию и разоблачению оуновского подполья, а также и среди переселенцев, прибывших из Польши, находится на чрезвычайно низком уровне. Имеющиеся агентурные дела по оуновцам — «Бульбовцы» (Мариуполь), «Лесные братья» (Доброполье), «Просвитяне» (Краматорск) и другие лежат без движения». В результате было предложено максимально активизировать агентурно-оперативную работу по выявлению и ликвидации оуновского подполья.

К концу 1946 г. остатки бандеровских банд трансформировались в диверсионно-террористические и шпионские группы и были вынуждены уйти в глубокое подполье, прячась в лесах, и при этом продолжая вести свою подрывную деятельность. В связи с чем в западных областях Украины борьба с бандитизмом приобрела более сложный характер [1, с. 213].

МВД УССР старалось всемерно поощрять работников органов милиции, боровшихся с оуновским бандитизмом. Так, например, за активное участие в выполнении боевых заданий по борьбе с оуновским бандитизмом приказом МВД УССР № 00189 от 4 декабря 1946 г. рядовому и младшему начальствующему составу органов милиции МВД Западных областей Украины объявлена благодарность и выдано вознаграждение в размере до 600 рублей⁵.

В октябре 1947 г. по решению Центрального комитета Коммунистической партии (большевиков) Украины для ликвидации членов Центрального провода ОУН и краевых проводников создаются семь общих оперативных групп в составе руководящих работников МВД, МГБ УССР, которые были специально откомандированы в западные регионы республики.

Участие органов внутренних дел в борьбе с подпольем ОУН и УПА предполагало следующие активные формы действий: проведение

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ О выдаче денежного вознаграждения рядовому и младшему начальствующему составу органов милиции МВД Западных областей Украины за активное участие в выполнении боевых заданий по борьбе с ОУНовским бандитизмом: приказ МВД УССР от 4 дек. 1946 г. № 00189 // Арх. МВД ДНР. Ф. 23. Арх. 24. Д. 28. Л. 26.

разведывательных, военных операций; ликвидацию отдельных групп повстанцев силами милиции, аресты одиночных боевиков и их сторонников; создание аппарата подсобных сил, агентурно-информаторской сети и направление их на выявление и «разработку» подпольщиков; выселение семей повстанцев и их сторонников [13, с. 271, 274].

Таким образом, противодействие националистическим формированиям на территории Украины в 1939 – второй половине 1940-х гг. осуществлялось силами органов внутренних дел УССР в соответствии со складывающейся на тот момент оперативной обстановкой. В связи с активизацией деятельности националистического подполья с целью усиления борьбы с бандитизмом в апреле 1941 г. в составе Главного управления милиции НКВД СССР был организован отдел по борьбе с бандитизмом. В сентябре 1941 г. такой отдел был создан в составе НКВД УССР, а позднее были образованы и отделения в подразделениях на областном уровне. Позже отдел по борьбе с бандитизмом НКВД УССР был реорганизован в Управление. Принимая во внимание характер и значение борьбы с националистическими формированиями на территории западной части УССР, абсолютно закономерным следует считать реорганизацию районных отделений западных областей УССР НКВД и НКГБ в районные отделы с увеличением их штата.

Опасность националистического движения в западных областях Украины в 1939 – вто-

рой половине 1940-х гг. была связана с наличием мощного подполья, стремительным разрастанием тайных оуновских коммуникаций, открытыми выступлениями диверсионно-террористического характера. В рамках борьбы с оуновским подпольем в исследуемый период активно проводились мероприятия, направленные на ликвидацию антисоветских организаций ОУН и вооруженных банд с участием войск НКВД, дислоцировавшихся в западных областях УССР. Агентурно-оперативное сопровождение борьбы с националистическим подпольем обеспечивали откомандированные в западные области УССР для оказания поддержки УНКВД – УНКГБ оперативные работники.

В восточных областях Украины отделы по борьбе с бандитизмом и подчиненные им аппараты перестраивали свою работу с учетом негласности и неочевидности националистических бандитских проявлений. Значительное внимание здесь уделялось агентурной разработке лиц, работающих на важнейших объектах угольной, металлургической, химической и оборонной промышленности.

Следует отметить, что органами МВД УССР в 1939 – второй половине 1940-х гг. была проведена масштабная работа по противодействию националистическому радикальному движению на территории Украины, сопровождавшаяся ликвидацией крупных вооруженных групп и уголовно-бандитских формирований, нанесен значительный удар оуновским и другим антисоветским формированиям.

Список литературы:

1. Из истории милиции советской Украины / Ю. В. Александров, Б. А. Воронин, И. А. Гельфанд ; под ред. П. П. Михайленко. Киев, 1965. 399 с.
2. Исмаилов А. М., Климов А. А. Войска НКВД в борьбе с националистическим подпольем в 1944–1945 годах: исторический опыт // Научное мнение. 2014. № 4. С. 196–201.
3. История советской милиции: советская милиция в период социализма (1936–1977 гг.) : в 2 т. / С. М. Крылов, С. В. Биленко, В. С. Гольдман [и др.] ; под. ред. Н. А. Щелоква. М., 1977. Т. 2. 338 с.
4. Килимник Е. В. Деятельность министерства внутренних дел против ОУН – УПА в послевоенные годы на территории Западной Украины // Полицейская деятельность. 2021. № 5. С. 38–48.
5. Климов А. А. Особенности деятельности органов и войск НКВД СССР по борьбе с украинскими националистами на территории западных областей Украинской

References:

1. Iz istorii milicii sovetsoj Ukrainy / Yu. V. Aleksandrov, B. A. Voronin, I. A. Gel'fand ; pod red. P. P. Mihajlenko. Kiev, 1965. 399 s.
2. Ismailov A. M., Klimov A. A. NKVD troops in the fight against the nationalist underground in 1944–1945: historical experience // Scientific opinion. 2014. № 4. S. 196–201.
3. Istoriya sovetsoj milicii: sovetsoj miliciya v period socializma (1936–1977 gg.) : v 2 t. / S. M. Krylov, S. V. Bilenko, V. S. Gol'dman [i dr.] ; pod. red. N. A. Shchelokova. M., 1977. T. 2. 338 s.
4. Kilimnik E. V. Activities of the Ministry of Internal Affairs against the Organization of Ukrainian Nationalists-Ukrainian Insurgent Army in post-war years on the territory of Western Ukraine // Police activity. 2021. № 5. S. 38–48.
5. Klimov A. A. Features of the Activities of the Bodies and Troops of the NKVD of the USSR in the Fight against Ukrainian Nationalists on the Territory of the Western Regions of the Ukrainian SSR (1944–1945) // Vestnik of Mos-

- СССР (1944–1945) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 1 (846). С. 91–94.
6. *Логвиненко И. М.* Участие работников милиции в Великой Отечественной войне // Труды Киевской высшей школы МВД СССР. Киев, 1975. Вып. 9. С. 13–19.
 7. НКВД – МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939 – 1956) : сб. документов / сост.: Н. И. Владимирцев, А. И. Кокурин. М., 2008. 640 с.
 8. *Руденко А. В.* Особенности применения войск НКВД в борьбе с националистическими формированиями в 1944–1946 гг. // Вестник Екатеринбургского института. 2012. № 4 (20). С. 152–155.
 9. *Руденко А. В.* Применение войск НКВД на территории Западной Украины и Западной Белоруссии в третьем периоде Великой Отечественной войны // Армия и общество. 2015. № 2 (45). С. 86–89.
 10. Советская милиция: история и современность (1917–1987) / А. П. Косицын, Р. С. Мулукаев, С. В. Биленко [и др.] ; под ред. А. В. Власова. М., 1987. 335 с.
 11. *Тимченко А. П.* Организация и деятельность милиции Советской Украины в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : учеб. пособие. Киев, 1989. 45 с.
 12. *Боровикова В. С.* Актуальність об'єктивного осмислення діяльності радянських ОВС західних областей УРСР у 40-х рр. XX ст.: історично-правовий аспект // Проблеми правової реформи та розбудови громадянського суспільства в Україні : тези доповідей на Всеукраїнській науковій конференції ад'юнктив, аспірантів та здобувачів 28 вересня 2007 р. Львів, 2007. С. 22–25.
 13. *Войцеховський М. М.* Діяльність органів міліції в боротьбі з націоналістичним підпіллям ОУН – УПА в повоєнний період // Вісник Запорізького юридичного інституту. 1999. № 4 (9). С. 264–275.
 14. *Греченко В. А.* 1941 рік (довоєнне півріччя): зміни у структурі НКВС УРСР // Вісник ХНУВС. 2018. № 3 (82). С. 9–19.
 15. Історія держави і права Української РСР : в 2 т. 1917–1967 рр. Т. 2: 1937–1967 рр. / ред. колегія: Б. М. Бабій [і др.]. Київ, 1967. 428 с.
 16. *Кульгавець Х. Ю.* Діяльність радянських органів внутрішніх справ проти українського збройного підпілля у 1944–1950 рр.: історіографія наукової проблеми // Університетські наукові записки. Хмельницький, 2011. № 1 (37). С. 47–55.
 17. *Кульгавець Х. Ю.* Оsmisleniya diyal'nosti radyans'kih OVS zahidnih oblastej URSS u 40-h rr. XX st.: istorichno-pravovij aspekt // Problemi pravovoї reformi ta rozbudovi gromadyans'kogo suspil'stva v Ukraїni : tezi dopovidej na Vseukraїns'kij naukovej konferencії ad'yunktiv, aspirantiv ta zdobuvachiv 28 veresnya 2007 r. L'viv, 2007. S. 22–25.
 18. *Vojcekhovskij M. M.* Diyal'nist' organiv milicії v borot'bi z nacionalistichnim pidpilljam OUN – UPA v povoennij period // Visnik Zaporiz'kogo yuridichnogo institutu. 1999. № 4 (9). S. 264–275.
 19. *Grechenko V. A.* 1941 rik (dovoenne pivrichchya): zmini u strukturi NKVS URSS // Visnik HNUVS. 2018. № 3 (82). S. 9–19.
 20. Istorija derzhavi i prava Ukraїns'koї RSR : v 2 t. 1917–1967 rr. T. 2: 1937–1967 rr. / red. kolegiya: B. M. Babij [i dr.]. Kiїv, 1967. 428 s.
 21. *Kul'gavec' H. Yu.* Diyal'nist' radyans'kih organiv vnutrishnih sprav proti ukraїns'kogo zbrojno-go pidpillja u 1944–1950 rr.: istoriografiya naukovoi problemi // Universitets'ki naukovі zapiski. Hmel'nic'kij, 2011. № 1 (37). S. 47–55.
 22. *Kul'gavec' H. Yu.* Osnovni metodi borot'bi organiv vnutrishnih sprav proti ukraїns'kogo nacionalistichnogo pidpillja u zahidnih oblastyah URSS (1944–1950 rr.) // Problemi pravovoї reformi ta rozbudovi gromadyans'kogo

17. *Кульгавець Х.Ю.* Основні методи боротьби органів внутрішніх справ проти українського націоналістичного підпілля у західних областях УРСР (1944 – 1950 рр.) // Проблеми правової реформи та розбудови громадянського суспільства в Україні: Тези доповідей на Всеукраїнській науковій конференції ад'юнктів, аспірантів та здобувачів 26 вересня 2008 р. Львів, 2008. С. 119–123.

suspil'stva v Ukraïni: Tezi dopovidej na Vseukraïns'kij naukovej konferenciji ad'yunktiv, aspirantiv ta zdobuvachiv 26 veresnya 2008 r. L'viv, 2008. S. 119–123.

Для цитирования:

Грошева Виктория Константиновна. Органы внутренних дел УССР в борьбе с националистическими формированиями на территории Украины (1939 – вторая половина 1940-х гг.) // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 1 (69). С. 36–45.

For citation:

Groshevaya Viktoriya Konstantinovna. The Internal Affairs Bodies of the Ukrainian SSR in the Fight Against Nationalist Formations on the Territory of Ukraine (1939 – the Second Half of the 1940s) // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1 (69). P. 36–45.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ строительство в России и за рубежом

Кабышев Сергей Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент,
заслуженный юрист Российской Федерации,
председатель Комитета Государственной Думы
Федерального Собрания Российской Федерации
по науке и высшему образованию,
Российская Федерация, 103265,
г. Москва, ул. Охотный ряд, д. 1;
профессор кафедры конституционного
и муниципального права,
Московский государственный юридический
университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: shs@duma.gov.ru

Научная специальность:
5.1.2. Публично-правовые
(государственно-правовые) науки

УДК 342.7

DOI 10.24412/2072-9391-2024-169-46-53

Дата поступления статьи: 2 февраля 2024 г.
Дата принятия статьи в печать: 20 марта 2024 г.

Российская конституционная концепция правового статуса человека и гражданина: обретение ценностей и смыслов гражданского согласия

The Russian Constitutional Concept of the Legal Status of Man and Citizen: the Acquisition of Values and Meanings of Civil Consent

Аннотация

Статья представляет собой развернутые тезисы выступления на состоявшейся в Академии МВД России 8 декабря 2023 г. международной конференции «Российское государство и вызовы XXI века» на тему «Права и обязанности личности: в поисках гражданского согласия».

Постановка проблемы: отчужденность правового понимания свободы и в целом правового статуса человека и гражданина от сложившегося общественного контекста, социокультурной

Sergej Vladimirovich Kabyshev,
Candidate of Law, Associate Professor,
Merited Lawyer of the Russian Federation,
Chairman of the Committee of the State Duma
of the Federal Assembly of the Russian Federation
on Science and Higher Education,
Russian Federation, 103265,
Moscow, Okhotny Ryad St., 1;
Professor at the Department
of Constitutional and Municipal Law,
Kutafin Moscow State
Law University (MSAL)

E-mail: shs@duma.gov.ru

Scientific specialty:
5.1.2. Public Law
(State Law) Sciences

Abstract

The article presents detailed abstracts of a speech at the international conference "The Russian State and the Challenges of the XXI Century" held at the Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia on December 8, 2023 on the topic "Rights and duties of the individual: in search of civil consent".

Problem statement: the alienation of the legal understanding of freedom and, in general, the legal status of a person and citizen from the prevailing social context, socio-cultural and historical

и исторической специфики приводит к серьезным дефектам и дисфункциям в праве, которое перестает рассматриваться как форма выражения суверенной воли и интересов народа, теряет легитимность и убедительность.

Цель исследования: в статье предпринимается попытка переосмысления стратегии развития российской государственности сквозь призму приоритета национальных идеалов, целей и ценностей, включая прежде всего обоснование национальной модели правового статуса человека и гражданина, исходя из понимания преемственности цивилизационного, государственно-правового развития страны.

Результаты и ключевые выводы: отчужденность правового понимания свободы и в целом правового статуса человека и гражданина от сложившегося общественного контекста, социокультурной и исторической специфики приводит к серьезным дефектам и дисфункциям в праве, которое перестает рассматриваться как форма выражения суверенной воли и интересов народа, теряет легитимность и убедительность. Российская юриспруденция долгое время находилась в плену и до сих пор еще не избавилась от иллюзорного научно-гуманитарного превосходства Запада.

Квинтэссенция национальной модели прав человека заключается в идеях доминантной ценности Родины, благополучие которой является основой и условием для самореализации каждого ее члена, органической связи свободы и долга, прав и обязанностей, нравственной детерминации свободы, идеи государства как основной силы, хранящей и обеспечивающей свободу, равенство, справедливость.

Ключевые слова: правовой статус человека и гражданина; социокультурная обусловленность прав человека; конституционная идентичность; правовое воспитание; пределы педагогической свободы.

specifics leads to serious defects and dysfunctions in law, which ceases to be considered as a form of expression of the sovereign will and interests of the people, loses legitimacy and credibility.

The purpose of the study: the article attempts to rethink the development strategy of Russian statehood through the prism of the priority of national ideals, goals and values, including, first of all, the justification of the national model of the legal status of a person and a citizen, based on an understanding of the continuity of civilizational, state-legal development of the country.

Results and key conclusions: the alienation of the legal understanding of freedom and, in general, the legal status of a person and citizen from the prevailing social context, socio-cultural and historical specifics leads to serious defects and dysfunctions in law, which ceases to be considered as a form of expression of the sovereign will and interests of the people, loses legitimacy and credibility. Russian jurisprudence has been in captivity for a long time and has not yet got rid of the illusory scientific and humanitarian superiority of the West.

The quintessence of the national model of human rights lies in the ideas of the dominant value of the Motherland, the well-being of which is the basis and condition for the self-realization of each of its members, the organic connection of freedom and duty, rights and duties, the moral determination of freedom, the idea of the state as the main force preserving and ensuring freedom, equality, justice.

Keywords: legal status of a person and a citizen; socio-cultural conditionality of human rights; constitutional identity; legal education; limits of pedagogical freedom.

Среди стоящих перед Российским государством на современном этапе его развития основных, системных вызовов следует особым образом выделить имеющий концептуальное, ценностно-мировоззренческое и одновременно общее практическое значение вопрос о месте человека в конституционном строе, с решением которого связано гармоничное законодательное и правоприменительное согласование интересов личности, общества и государства во всех сферах.

При всей, казалось бы, широте охвата данной проблематики в нашей юридической доктрине стоит признать серьезные методологиче-

ские дефекты и упущения, связанные с разрывами преемственности, не только забвением, но и нередко прямым отрицанием ценности, идейно-философского юридического осмысления правового статуса человека и гражданина в опыте прежних эпох, особенно советского времени, и, как следствие, недостаточной научно-теоретической разработанностью в актуальных исторических реалиях социокультурной, цивилизационной обусловленности прав и свобод человека и гражданина в их неразрывной взаимосвязи с обязанностями личности, нравственно-религиозными императивами в российской среде. Справедливо ставится

вопрос о том, что уже более тридцати лет мы находимся в рамках подходов, которые лишили нас инициативы и самостоятельности не только в правовой, но и социально-идеологической сфере, и создавшаяся пауза в развитии национальной доктрины правового статуса личности не может не влиять на темпы прогресса общества [4, с. 75–85].

Расхождение между возобладавшим в нашей юриспруденции под влиянием неолиберализма доктринальным образом правового статуса человека и гражданина и его восприятием и фактическим осуществлением в российской социально-исторической практике, отражающей укоренные в общественном сознании представления о свободе, справедливости, об ответственности и иных подобных категориях, создает предпосылки для утраты веры в само право, которое, отрываясь от национальной почвы, приобретает отчужденный характер, подрывает эффективность нормативно-правового регулирования и реализации с его помощью научно-технологических, социально-экономических и иных публично значимых задач.

В этом плане имеет принципиальное значение тот факт, что в логике действующей Конституции Российской Федерации¹ (далее — Конституция) (преамбула) права и свободы человека и гражданина утверждаются в неразрывном идейно-смысловом единстве с гражданским миром и согласием, что позволяет акцентировать внимание, по крайней мере, на следующем:

— во-первых, без достижения определенности в вопросе о правовом статусе человека и гражданина и сбалансирования прав и обязанностей не может быть обеспечен прочный конституционный правопорядок, суверенитет и благополучие России;

— во-вторых, права и обязанности человека и гражданина лишь в том случае могут служить действенным фактором социальной интеграции, если сама их юридическая трактовка и конкретный режим сбалансирования адекватно отражают фактические предпосылки гражданского согласия, то есть принципиально соответствуют особенностям национальной социокультурной среды, традиционным российским духовно-нравственным ценностям;

— в-третьих, на каждом этапе исторического развития российской государственности должна обеспечиваться актуализация конкретного содержательного наполнения правового статуса человека и гражданина и гармонизированное соотношение прав, свобод, обязанностей лич-

ности, исходя из ценностных и смысловых основ российского конституционного гуманизма в его философском, этическом и публично-политическом измерении.

Мы прошли точку невозврата в доверии к спекулятивным неолиберальным доктринам, которые в значительной степени выхолостили изначальное христианское и гуманистическое существо западной правовой традиции. В Конституции с учетом поправки, внесенной в 2020 г. (ч. 2 ст. 67.1), и стратегических документах государственной политики, в частности в п. 4 Концепции внешней политики Российской Федерации², нашел свое закрепление подход, в соответствии с которым Россия определяется как самобытное тысячелетнее государство-цивилизация, обширная евразийская и евро-тихоокеанская держава. Согласно п. 1 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации «только гармоничное сочетание сильной державы и благополучия человека обеспечит формирование справедливого общества и процветание России»³.

Перед современной российской юриспруденцией стоит двуединая задача.

1. Прежде всего, нужно в полной мере преодолеть инерцию интеллектуального западничества, избавиться от иллюзорного ощущения западного научно-гуманитарного превосходства, вследствие чего наши почвенные идеи нередко априорно числятся по разрядам ортодоксальной архаики или неуклюжего эпигонства. Очевидно, что в кривом зеркале навязываемых в качестве глобальных стандартов либеральной демократии и прав человека мы никогда самих себя не узнаем и не поймем, а будем видеть только запрограммированные уничижительные картинки. Данный подход ни в коем случае не подразумевает некую идейно-философскую автаркию, но означает принципиальный отказ от ущербного подражательства и ориентацию на объективно-критическое осмысление опыта западной правовой цивилизации с учетом приоритета национальных ценностей.

Как подчеркнул Президент Российской Федерации В. В. Путин, «Россия вышла из состава ряда международных правозащитных организаций. Однако это не означает, что мы отказываемся от принципов, заложенных в Декларации» (имеется в виду Всеобщая декларация прав человека. — С. К.). «Напротив, готовы сотрудничать со всеми заинтересованными странами

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.12.2023).

² Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 14. Ст. 2406.

³ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27 (ч. 2). Ст. 5351.

и партнерами, находить решения для формирования эффективной, справедливой, равной для всех системы обеспечения прав человека»⁴.

При определении содержательной стороны международного диалога о правах человека следует учитывать, что используемый в качестве средства глобальной гегемонии западно-либеральный подход к их пониманию, по сути, игнорирует принципиальные положения Всеобщей декларации прав человека⁵ (далее — Декларация), в частности:

- о принятии Декларации в целях «содействия развитию дружественных отношений между народами» и в качестве «задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы» (преамбула), а не в качестве директивного шаблона;

- о признании свободными и равными всех людей, имея в виду при этом, что «они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства» (ст. 1), то есть с соблюдением рациональных и нравственных пределов и ограничений свободы и в целях достижения солидарности;

- о признании именно за мужчинами и женщинами (и ни за кем иным) права вступать в брак и основывать семью (п. 1 ст. 16), которая, в свою очередь, объявляется «естественной и основной ячейкой общества», имеющей «право на защиту со стороны общества и государства» (п. 3 ст. 16);

- о признании того, что «каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности» (п. 1 ст. 29).

2. Вместе с тем развитие российской конституционной юриспруденции, в том числе применительно к позиционированию человека в обществе и государстве, не может замыкаться в негативно-охранительных (оборонительных) рамках, а должно носить главным образом позитивный, смыслообразующий и целеполагающий характер. Верно замечено, что в современном мире в целом главным является поиск баланса между ценностями публичного характера, с одной стороны, и личными, частными ценностями — с другой, а в формализованном, нормативно-правовом выражении это проблема соотношения суверенной государственной власти и свободы, которая прямо или косвенно пронизывает всю систему конституционного регулирования, присутствует в каждом конституци-

онном институте, каждой норме и статье Конституции [2, с. 172]. В этом плане одна из важнейших задач отечественной конституционной юриспруденции состоит в последовательном системном обосновании национальной парадигмы прав человека с учетом российских традиционных духовно-нравственных ценностей и культурно-исторического типа связей личности, общества и государства и, что исключительно важно, исходя из безусловного уважения к Конституции и конституционному строю.

В последнее время особенности геополитического контекста и рост национального самосознания служат поводом для научной дискуссии в отношении судьбы Конституции, прежде всего по мотиву потребности в изменении подходов к правовому статусу человека. Существующую критику в отношении конституционного регулирования прав человека, включая призывы внести конституционные уточнения [1, с. 19–22], нельзя игнорировать. Однако при анализе такого рода критических подходов и связанных с ними предложений конкретно-практического плана нужно учитывать, что, как было верно замечено, «пытаясь разрешить те или иные социально-политические конфликты путем бесконечного конституционного процесса, мы скорее всего получим новые, более сложные и неразрешимые проблемы и коллизии <...>. Конституция РФ не панацея от всех наших бед, она не может абсолютно заменить собой все остальные институты», а потому «наука конституционного права должна сосредоточить свои усилия на анализе причин того, почему не реализуются или недостаточно реализуются те или иные конституционные новеллы» и одновременно «следует работать на опережение конституционных реформ» [3, с. 95–96]. Необходимо сфокусироваться на последовательном раскрытии нормативного, ценностно-смыслового содержания действующей Конституции, к чему существенной предпосылкой должна быть ее идейно-мировоззренческая демифологизация, отказ от ее искаженных трактовок.

В данном вопросе нужно руководствоваться медицинской аксиомой: «не навреди». Принципиальная стабильность конституционного строя при возможности определенных программно-целевых, организационно-структурных и процедурных уточнений служит основой для формирования уважения к Конституции, осознания ее верховенства и жизнеспособности в меняющихся социальных условиях. Борьба за умозрительную чистоту конституционных формулировок (своеобразный конституционно-филологический перфекционизм) не может быть оправданием пересмотра Конституции, служащей учредительным и системообразую-

⁴ Вступительное слово Президента Российской Федерации В. В. Путина на заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека 4 дек. 2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72905> (дата обращения: 15.12.2023).

⁵ Всеобщая декларация прав человека : принята Генеральной Ассамблеей ООН резолюцией 217 А (III) от 10 дек. 1948 г. // Рос. газ. 1998. 10 дек.

щим источником всей национальной правовой жизни. «Не стоит менять, если можно верно понять и применять» — вот, пожалуй, рабочий метод при оценке целесообразности конституционных новаций.

Вопреки распространенным представлениям, Конституция не абсолютизирует ни индивида, ни коллектив. Коллективизм, пишет Б.С. Эбзеев, пришел к «осознанию права личности на общество, которое обязано заботиться о ее нуждах и способствовать ее развитию», что «вылилось в конституционное провозглашение принципа социального государства, а также экономических, социальных и культурных прав граждан», а индивидуализм «удовлетворился провозглашением принципа правового государства». Ставшее итогом такого согласия демократическое социальное правовое государство явилось «ответом на вызовы социальной практики, повелительно требующей соединения свободы личности и силы государства» [6, с. 134–135]. Соответственно, выражаясь метафорически (если пользоваться образной аналогией из сферы обеспечения безопасности в управлении транспортными средствами), Конституция закрепляет своеобразную «систему курсовой устойчивости» так называемую «противозаносную систему». Иными словами, позволяет сохранить собственную траекторию цивилизационного движения страны, стабилизировать ее положение при выполнении маневров на высокой скорости и предотвратить одинаково опасные, жизнеугрожающие «заносы» в сторону как анархического либерализма, так и тоталитарного деспотизма.

В этом контексте важно отметить ошибочность трактовки ст. 2 Конституции с позиции доминирующего в западной правовой традиции подхода к пониманию прав человека, тогда как в действительности речь в ней идет о закреплении высшей ценности человека и в силу именно этого — ценности его юридических атрибутов, то есть прав и свобод. При этом уровень признаваемой за человеком ценности (высшего порядка) сам по себе не свидетельствует о превосходстве любых его интересов и потребностей, об отсутствии смысловых ориентиров, определяющих реализацию этой ценности, как и сами ее основания и пределы.

Нужно иметь в виду, что в ст. 2 Конституции речь идет, по сути, о двух типах ценностей: онтологической, каковой выступает сам человек, и инструментальной, каковыми являются его права и свободы. Это предполагает, что права человека легитимируются постольку, поскольку они служат целям человека в единстве его личностно-индивидуальных, общественно-социальных и публично-государственных проявлений.

При этом, констатируя, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью», Конституция в этой же структурной единице своего текста (то есть в прямом смысловом единстве) определяет содержательные характеристики осуществления данной ценности, предусматривая, что «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». Следовательно, социальный и юридический потенциалы прав и свобод в наиболее полной мере раскрываются для «человека и гражданина», то есть в конечном счете именно через обладание гражданством, которое характеризует устойчивую политико-правовую связь человека с государством, объективную ценность Родины и определяет целевые установки признания, соблюдения и защиты прав.

Предлагая четче подходить к разграничению прав человека и прав гражданина, И.Е. Фарбер отмечал, что «права человека не носят юридического характера до тех пор, пока их не признает государство» [5, с. 38]. В свою очередь, «государственное признание основных прав человека, внесение их в законодательство придает им новое свойство, отраженное в понятии права гражданина... В отличие от прав человека как общесоциологической категории, права гражданина есть политико-юридическая категория. Она отражает прежде всего практику государственного признания элементарных, основных прав человека и превращения их в конституционные права, практику предоставления гражданину политических прав» [5, с. 38].

Конституция утверждает ценность прав человека не в отрыве от государства и не в противовес ему, а в системе российской государственности, исходит из необходимости государственно-властного нормативного оформления (признания) прав и свобод. Права гражданина — те права человека, которые признаются и гарантируются государством вследствие государственно-правового качества человека, его причастности к данному государственно-политическому сообществу, долга и ответственности перед ним, они являются по существу высшей формой прав человека.

Важно учитывать также, что ценностной характеристикой человека в Конституции предшествует установление признаков Российского государства (ст. 1), а далее следуют нормы, закрепляющие основы народовластия (ч. 1 ст. 3). Соответственно, в правах и свободах получают человеческое измерение атрибуты российской государственности, и одновременно свободная индивидуальность утверждается не для себя самой, а для деятельного участия в делах своего Отечества.

Для верного понимания системы конституционных ценностей важно напомнить первые слова преамбулы Конституции: «Мы, многонациональный народ...». Стало быть, именно российский народ в единстве своей истории, культуры, жизненного пространства и судьбы поставлен на первое место, является источником и целью Конституции, той определяющей ценностью, в отрыве от которой утрачивают свое значение все другие конституционные ценности. Текст преамбулы Конституции дает ясное, недвусмысленное представление о том, что утверждение прав и свобод человека в единстве с гражданским миром и согласием служит выражением «общей судьбы на своей земле» ради «сохранения исторически сложившегося государственного единства», «возрождения суверенной государственности России», «обеспечения благополучия и процветания России».

Хотя идея народного блага, восходящая к римской формуле *salus populi suprema lex esto* (благо народа — высший закон), не нашла прямого текстового закрепления в Конституции, представляется очевидным в свете приведенных конституционных положений, что она должна рассматриваться как наиболее концентрированная и общая предметно-целевая, ценностная характеристика итогового выражения всех форм реализации народовластия и осуществления конституционно-правового статуса личности. Достижением блага народа непосредственно предопределяются национальные интересы, связанные со сбережением народа России, развитием человеческого потенциала, повышением качества жизни и благосостояния граждан, обуславливаются в конечном счете все национальные цели развития России. Принципиально важно подчеркнуть, что народное благо должно раскрываться в отечественной правовой системе не только как элемент мировоззренческой системы и функционально-целевой атрибут российской государственности, но и как содержательный аспект взаимоотношений личности, общества и государства, определяющий ориентацию свободы человека в сфере публично-властных и иных общественных отношений.

Общий смысл конституционного регулирования состоит в создании правовых условий, при которых наиболее полная самореализация личности сопрягается с общим благом и определяет развитие общества и суверенной российской государственности, характеризующих, в свою очередь, реальное — экономическое, социальное, политическое и иное — пространство для осуществления и умножения свободы.

Национальная модель правового статуса человека должна включать в себя, по крайней

мере, следующие вытекающие из Конституции идеи:

- доминантная ценность Родины как политического и цивилизационного единства, благополучие которой является основой и условием для самореализации каждого ее члена;

- понимание свободы не в фокусе культивируемого выбора, а прежде всего с точки зрения возможности следования своим склонностям, характеру, предназначению, то есть возможности наиболее полно осуществить свой потенциал;

- органическая связь свободы и долга, прав и обязанностей, так что субъективные притязания человека не противопоставляют его общественному целому, а характеризуют меру его самостоятельности для достижения общего блага;

- нравственная детерминация свободы, которая не может подрывать идею гуманизма, то есть служить целям или использоваться с последствиями, которые являются разрушительными для человека как биологического и социального существа;

- идея государства как основной силы, хранящей и обеспечивающей свободу, равенство, справедливость.

Для уяснения конституционной концепции прав человека важно учитывать неразрывную связь в ней свободы и ответственности, имея в виду то, что ответственность в данном случае включает в себя не только претерпевание неблагоприятных последствий за допущенное правонарушение (ответственность в строгом смысле слова), но и необходимость осознанного, добросовестного, благоразумного и осмотрительного пользования свободой (ответственность в значении серьезного подхода к осуществлению прав и свобод). Понимаемая как юридически определенная мера возможного поведения, правовая свобода не подразумевает одобрения социального безразличия, легкомыслия и не предполагает произвольного, неограниченного усмотрения даже в тех случаях, когда законодательство явным образом исходит из принадлежности тех или иных отношений к сфере индивидуальной автономии, а также установление конкретного порядка (процедурного механизма) реализации соответствующего интереса, то есть оставляет выбор моделей поведения самому субъекту.

Так, предусмотренные в Конституции право на свободу экономической деятельности и право на свободу труда, хотя и исключают обязательную (принудительную) занятость, вместе с тем предполагают во взаимосвязи с конституционным принципом социального государства, что трудоспособные граждане должны собственными усилиями достигать нормального материального достатка для себя и своей семьи, а на необходимую поддержку от го-

сударства и общества могут рассчитывать лишь те категории граждан, которые обычно в любом обществе признаются социально уязвимыми (инвалиды, старики, дети и т. д.). В то же время самостоятельный выбор гражданином конкретной формы профессиональной деятельности (реализация права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной экономической деятельности) влечет определенные последствия, которые ложатся на гражданина: согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации граждане, осознанно избравшие своим занятием создание коммерческой организации и участие в ее деятельности своим капиталом, самостоятельно принимают на себя и бремя заботы о собственном благополучии, в силу чего они несут риск неэффективности экономической деятельности общества, в том числе в случае отсутствия у него дохода либо его получения в размере, не обеспечивающем достойный уровень жизни участников общества. Законодатель не обязан дополнять правовой статус таких лиц гарантиями социальной защиты на случай отсутствия у общества дохода⁶.

Сформулированные подходы к пониманию национальной модели правового статуса человека и гражданина относятся к важнейшим элементам конституционной идеологии, которая определяет ценностные и нормативные рамки правового поведения, должна служить источником воспитательной деятельности в сфере образования. Неслучайно Конституция прямо установила, что дети являются важнейшим приоритетом государственной по-

литики России, а государство создает условия для их всестороннего развития и воспитания в них патриотизма, гражданственности (ч. 4 ст. 67.1). Привитие детям этих качеств требует формирования уважения к Конституции и закону, освоения системы конституционных ценностей в единстве свободы и ответственности, формирования установки на добросовестное пользование правами и свободами и неукоснительное исполнение обязанностей, на нетерпимое отношение к любым противоправным проявлениям.

Правовое воспитание предполагает, что педагог должен проявлять особую ответственность и сдержанность в критических оценках, избегая всего того, что могло бы привести к подрыву авторитета и дискредитации Конституции и основанного на ней законодательства, не допускать суждений, способных дезориентировать обучающихся. Педагогическая деятельность, служащая целям формирования патриотизма, гражданственности и в конечном счете единого суверенного народа, юридически скрепленного верховенством Конституции, не может рассматриваться как допускающая то же пространство плюрализма мнений, которое объективно свойственно научной (академической) свободе. Особенно важно обеспечить принципиальную согласованность образовательных программ по конституционному праву Российской Федерации в части, касающейся изучения основ конституционного строя Российской Федерации.

Таким образом, необходима концентрация усилий российской конституционной юриспруденции на более глубоком понимании национальной специфики правового статуса человека и гражданина, раскрытие его сущности и идейно-ценностного значения во взаимосвязи с иными институтами суверенной российской государственности.

⁶ По делу о проверке конституционности абзаца десятого статьи 2 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Н. И. Гущина : Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 25 мая 2010 г. № 11-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 23. Ст. 2934.

Список литературы:

1. *Авакьян С. А.* Статус человека и гражданина: необходимы конституционные уточнения // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 8. С. 19–22.
2. *Бондарь Н. С.* Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. 2-е изд., доп. М., 2014. 184 с.
3. *Кабышев В. Т.* С Конституцией по жизни: избранные научные труды. М., 2013. 318 с.
4. *Синюков В. Н.* Личность в российской правовой системе: поиск новых подходов // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 5. С. 75–85.

References:

1. *Avak'yan S. A.* Human and citizen status: constitutional clarifications are needed // Constitutional and Municipal Law. 2023. № 8. S. 19–22.
2. *Bondar' N. S.* Aksiologiya sudebnogo konstitucionalizma: konstitucionnye cennosti v teorii i praktike konstitucionnogo pravosudiya. 2-e izd., dop. M., 2014. 184 s.
3. *Kabyshv V. T.* S Konstituciej po zhizni: izbrannye nauchnye trudy. M., 2013. 318 s.
4. *Sinyukov V. N.* Individuals in the Russian Legal System: Search for New Approaches // Journal of Russian Law. 2023. T. 27. № 5. S. 75–85.

5. Фарбер И. Е. Свобода и права человека в советском государстве. Саратов, 1974. 189 с.
6. Эбзеев Б. С. Конституционное право России. М., 2019. 768 с.
5. Farber I. E. Svoboda i prava cheloveka v sovet-skom gosudarstve. Saratov, 1974. 189 s.
6. Ebzeev B. S. Konstitucionnoe pravo Rossii. M., 2019. 768 s.

Для цитирования:

Кабышев Сергей Владимирович. Российская конституционная концепция правового статуса человека и гражданина: обретение ценностей и смыслов гражданского согласия // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 1 (69). С. 46–53.

For citation:

Kabyshev Sergej Vladimirovich. The Russian Constitutional Concept of the Legal Status of Man and Citizen: the Acquisition of Values and Meanings of Civil Consent // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1 (69). P. 46–53.

Корабельникова Юлия Леонидовна,
кандидат юридических наук, доцент,
докторант 3-го факультета (подготовки научных
и научно-педагогических кадров),
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: korable79@yandex.ru

Научная специальность:
5.1.2. Публично-правовые
(государственно-правовые) науки

УДК 342.5

DOI 10.24412/2072-9391-2024-169-54-64

Yuliya Leonidovna Korabel'nikova,
Candidate of Law, Associate Professor, Doctoral
Candidate of the 3rd Faculty (Training of Scientific
and Scientific-Pedagogical Personnel),
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: korable79@yandex.ru

Scientific Specialty:
5.1.2. Public Law
(State Law) Sciences

Дата поступления статьи: 14 февраля 2024 г.
Дата принятия статьи в печать: 20 марта 2024 г.

Понятие и структура публично-правового механизма обеспечения безопасности в городе

The Concept and Structure of the Public Law Mechanism for Ensuring Security in the City

Аннотация

Актуальность: в современной юридической науке проблема обеспечения безопасности является одной из наиболее востребованных и дискуссионных, поскольку имеет как теоретический, так и прикладной характер. Это обусловлено значимостью, фундаментальным характером вопросов обеспечения безопасности личности, а также различных социальных систем. Причем речь может идти об обеспечении безопасности в разных социальных системах: государство, общество, город. Безопасность является комплексным институтом, включающим правовые, организационные и иные аспекты, что предполагает разработку соответствующего механизма, при помощи которого будет осуществляться обеспечение безопасности. Для нашего исследования представляет интерес категория «публично-правовой механизм обеспечения безопасности в городе» как к особой социальной системе, объединяющей большинство населения российского государства. Речь не идет об умалении или покушении на значимость национальной, государственной и иных видов безопасности. Однако сегодня безопас-

Abstract

Relevance: in modern legal science, the problem of ensuring security is one of the most in-demand and controversial, since it has both a theoretical and an applied nature. This is due to the importance and fundamental nature of the issues of personal security, as well as various social systems. Moreover, we can talk about ensuring security in different social systems: the state, society, and the city. Security is a complex institution that includes legal, organizational and other aspects, which implies the development of an appropriate mechanism by which security will be ensured. For our research, the category of “public law mechanism for ensuring security in the city” is of interest as a special social system uniting the majority of the population of the Russian state. We are not talking about diminishing or encroaching on the importance of national, state and other types of security. However, today, security in the city and the public legal mechanism for ensuring it can claim to develop a separate concept for the reasons outlined above.

Problem statement: the category of “public law security mechanism” has not yet been widely used in science. This can be explained by the fact that the term “public authority” was enshrined in the Constitution of the Russian Federation relatively

ность в городе и публично-правовой механизм ее обеспечения могут претендовать на разработку отдельной концепции по обозначенным выше причинам.

Постановка проблемы: категория «публично-правовой механизм обеспечения безопасности» пока не получила широкого распространения в науке. Это можно объяснить тем, что термин «публичная власть» закреплён в Конституции Российской Федерации относительно недавно, в 2020 г., когда в ее положения было внесено дополнение о том, что органы государственной власти и местного самоуправления составляют единую систему публичной власти. Безусловно, ученые и до внесения поправок признавали единство системы государственной и муниципальной власти, ее публично-правовой характер, проводили исследования в данной сфере. Тем не менее относительно механизма обеспечения безопасности освещение получили такие категории, как «механизм обеспечения национальной безопасности», «государственно-правовой механизм обеспечения безопасности», «государственно-правовой механизм обеспечения права на безопасность», «конституционно-правовой механизм обеспечения безопасности», «механизм обеспечения юридической (правовой) безопасности» и др. Исследование данных категорий и их обобщение позволит сформулировать понятие и определить структурные элементы публично-правового механизма обеспечения безопасности в городе.

Цель исследования: на основе различных научных подходов к пониманию механизма обеспечения безопасности сформулировать концептуальные основы публично-правового механизма обеспечения безопасности в городе.

Методы исследования: методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и частнонаучных методов, выработанных в юридической науке: сравнительно-правовой, системный, анализ и синтез. Основным методом является материалистическая диалектика, позволяющая раскрыть содержание публично-правового механизма обеспечения безопасности в городе в единстве и многообразии его проявлений.

Результаты и ключевые выводы: во-первых, в результате проведенного исследования обосновывается, что публично-правовой механизм обеспечения безопасности в городе может рассматриваться в узком и широком значении. Представляется, что определение данной категории в широком смысле, включая институциональную и инструментальную основы, а также комплекс юридических средств, объединенных понятием юридической (правовой) безопасности, позволят сформировать целостное представление о ней. Во-вторых,

recently, in 2020, when an addition was made to its provisions stating that state and local government bodies constitute a single system of public authority. Of course, even before the amendments were made, scientists recognized the unity of the system of state and municipal authorities, its public-legal nature, and conducted research in this area. Nevertheless, regarding the security mechanism, such categories as “the mechanism for ensuring national security”, “the state-legal mechanism for ensuring security”, “the state-legal mechanism for ensuring the right to security”, “the constitutional-legal mechanism for ensuring security”, “the mechanism for ensuring legal (legal) security”, etc. received coverage. The study of these categories and their generalization will make it possible to formulate the concept and define the structural elements of the public law mechanism for ensuring security in the city.

The purpose of the study: on the basis of various scientific approaches to understanding the security mechanism, to formulate the conceptual foundations of the public law mechanism for ensuring security in the city.

Research methods: the methodological basis of the study was a set of general scientific and private scientific methods developed in legal science: comparative legal, systemic, analysis and synthesis. The main method is materialistic dialectics, which makes it possible to reveal the content of the public law mechanism for ensuring security in the city in unity and diversity of its manifestations.

Results and key conclusions: firstly, as a result of the conducted research, it is substantiated that the public-legal mechanism for ensuring security in the city can be considered in a narrow and broad sense. It seems that the definition of this category in a broad sense, including the institutional and instrumental foundations, as well as a set of legal means united by the concept of legal (legal) security, will allow us to form a holistic view of it. Secondly, the static and dynamic sides are distinguished in the public-legal mechanism for ensuring security in the city, which is justified and necessary for the formation of an integral concept of the public-legal mechanism for ensuring the security of the city. Thirdly, the public law mechanism is considered as a security process and as a result of the activity of an integrated system of elements aimed at creating conditions for normal functioning and guaranteeing the development of the city in the event of hazards and threats. Fourthly, the purpose of ensuring security is recognized as the creation of conditions in which the city, urban society and its inhabitants carry out normal functioning against the background of negative factors, as well as develop, realizing their own and common interests. In general, a generalized conclusion is made aimed at de-

в публично-правовом механизме обеспечения безопасности в городе выделяются статическая и динамическая стороны, что оправданно и необходимо для формирования целостной концепции публично-правового механизма обеспечения безопасности города. В-третьих, публично-правовой механизм рассматривается как обеспечивательный процесс и как результат деятельности целостной системы элементов, направленной на создание условий для нормального функционирования и гарантирующей развитие города при возникновении опасностей и угроз. В-четвертых, целью обеспечения безопасности признается создание условий, в которых город, городской социум и его жители осуществляют нормальное функционирование на фоне действия негативных факторов, а также развиваются, реализуя собственные и общие интересы. В целом делается обобщенный вывод, направленный на определение содержания концептуальной основы публично-правового механизма обеспечения безопасности в городе.

Ключевые слова: безопасность; город; публично-правовой механизм обеспечения безопасности.

termining the content of the conceptual framework of the public law mechanism for ensuring security in the city.

Keywords: security; city; public legal mechanism for ensuring security.

Социальная природа публично-правового механизма обеспечения безопасности в городе обусловлена потребностью человека в гарантировании безопасных условий жизнедеятельности, что, как показывает история развития человечества, возможно достичь посредством объединения людей и организации их проживания на общей территории с целью коллективного противодействия угрозам, исходящим прежде всего от окружающей природной среды, а равно других социальных образований. Древние государства зарождались в городах. Достаточно вспомнить города-полисы Древней Греции — Афины, Спарта, Фивы, Олимпия, города-государства Шумерской цивилизации — Урук, Эриду и др. В связи с чем можно сделать вывод, что города играли преобладающую роль в развитии государств, поскольку они стали в определенной степени их прообразами. Города представляют собой сложные системы, в которых требуется слаженная система управления, включающая в том числе внешнюю и внутрисистемную безопасность. Так как в современных государствах процесс урбанизации имеет достаточно высокие темпы, можно сделать вывод о том, что безопасность городов существенно влияет на безопасность государств в целом. В результате формирования концеп-

ции публично-правового механизма обеспечения безопасности в городе имеет не только теоретическое, но и прикладное значение.

Совершенно справедливо отметил Е. В. Киричк, что вопросы обеспечения безопасности никогда не относились к сугубо академической проблематике, однако их последовательное научное разрешение всегда имело существенное методологическое значение для политической системы общества. Каждое государство стремится к переменам, тем не менее для улучшения качества жизни необходимо не только разработать проект действенной системы, но и эффективный механизм воплощения его в жизнь [11, с. 85].

Формирование концепции публично-правового механизма обеспечения безопасности в городе имеет две тесно взаимосвязанные стороны: научную и законодательную. Правовое обеспечение, с одной стороны, должно иметь проработанную и четко сформулированную в результате научных исследований теоретическую основу, создание которой, с другой стороны, без учета практического опыта и действующего законодательства невозможно [12, с. 111–112].

Понятие «механизм» широко используется в теоретико-правовой науке, а также в пу-

блично-правовых исследованиях. В теории права данная категория раскрывается как совокупность юридических средств, логически выстроенных и действующих поэтапно по определенной нормативно заданной схеме. Важной характеристикой правового механизма является то, что все его элементы взаимосвязаны [24, с. 83]. При этом под юридическими (правовыми) средствами понимается не только совокупность правовых установлений (инструментов), но и форм реализации права, с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права и обеспечивается достижение социально-полезных целей [17, с. 94–102].

Понятие «механизм» связывается в теоретико-правовой науке не только с правом, но и с государством, организацией, функционированием и взаимодействием его институтов, получившем название «механизм государства». При этом следует отметить, что при рассмотрении данной категории в теории права выделяют, как правило, статическую сторону, которую называют «аппарат государства», а также динамическую (функциональную), когда характеризуют деятельность, взаимодействие, взаимозависимость органов государственной власти. Одним из первых необходимость исследования категории «механизм» не только в статике, но и в динамике обосновал известный ученый-правовед С. С. Алексеев, указав, что данный термин оттеняет целостность аппарата, его нацеленность на деятельность, достижение результата [1, с. 34]. В дальнейшем исследователи в целом базировались на данной позиции, дополняя и развивая ее [15, с. 57]. Для отраслевых юридических наук также характерно аналогичное использование данных терминов. Например, О. А. Кузнецов утверждает, что для осуществления государственного регулирования в развитых странах сложился соответствующий механизм, являющийся по своей внутренней структуре государственным, а по способу регламентации — правовым [14, с. 9].

Следует отметить, что наряду с понятием «механизм обеспечения безопасности» некоторые авторы применяют термин «система обеспечения безопасности», которые в большинстве случаев рассматриваются как тождественные или близкие или определяются посредством друг друга. В связи с чем представляется целесообразным проанализировать в том числе данные исследования. И. Б. Кардашова выделяет такие особенности системы обеспечения национальной безопасности, как многочисленные и разные по типу связи между элементами системы, наличие у системы общей функции, которой нет у ее составных ча-

стей. При этом обращает внимание на себя тот факт, что новые функции присущи именно связям между элементами [10, с. 86]. Е. В. Киричёр, в свою очередь, определяет механизм как сложную, целостную, многостороннюю и многоуровневую систему и выделяет в ней взаимосвязанные и взаимодействующие элементы, между которыми существуют структурно-функциональные связи [12, с. 129]. Данные определения содержат общие признаки. В связи с чем обоснованным представляется уточнение С. Ю. Чапчикова о том, что любой механизм представляет собой систему, но не каждая система является механизмом [23, с. 246]. Таким образом, механизм и система обеспечения безопасности являются взаимосвязанными понятиями, но не синонимичными, в связи с чем представляется целесообразным рассмотреть каждое из них в преломлении к механизму обеспечения безопасности с целью формирования наиболее полного представления о его структуре.

Раскрывая теорию национальной безопасности, А. А. Прохожев, А. В. Возженников систему обеспечения национальной безопасности рассматривают в качестве организационной системы органов, сил, средств, различных организаций, призванных решать задачи по обеспечению национальной безопасности [19, с. 28]. Следует отметить, что авторы основываются на легальном понимании системы обеспечения национальной безопасности, которое закреплялось в Концепции национальной безопасности Российской Федерации¹ (далее — Концепция), действующей до 2009 г. В целом такая точка зрения является обоснованной, однако не единственной и не бесспорной, поскольку организационная система закрепляется в указанной Концепции в качестве основы системы обеспечения безопасности, а не единственного элемента. Тем не менее необходимо отметить, что действующая в настоящее время Стратегия национальной безопасности Российской Федерации определяет данную категорию именно как совокупность осуществляющих реализацию государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности органов публичной власти, но дополняет организационную структуру важным элементом — инструментами, необходимыми для осуществления рассматриваемой деятельности².

¹ Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 17 дек. 1997 г. № 1300: утратил силу // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.12.2023).

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 (подп. 6 п. 5) // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.12.2023).

И. Б. Кардашова систему обеспечения национальной безопасности, с одной стороны, рассматривает как статичную организационную систему органов публичной власти, общественных объединений и граждан, в задачи которых входит обеспечение безопасности, а с другой — предусматривает скоординированную деятельность вышеуказанных субъектов, осуществляемую на основе действующего законодательства, и определяет порядок этой деятельности, то есть представляет функциональную (динамическую) сторону системы [10, с. 87–88].

Некоторые ученые определяют механизм обеспечения национальной безопасности как «единство организационно оформленных государством специальных органов, которые в соответствии с интересами человека, общества и государства решают задачи обеспечения безопасности страны и в этих целях осуществляют в строго определенных формах государственное руководство и практически реализуют в своей деятельности функции обеспечения национальной безопасности» [4, с. 176].

А. Ю. Зеленков также придерживается подхода, что основу рассматриваемого механизма составляет совокупность субъектов, объединенных целями и задачами по защите национальных интересов, которые осуществляют согласованную деятельность в правовом поле государства, в более узком понимании — защиту от внутренних и внешних угроз [8, с. 187].

Ф. Н. Удычак при формулировании понятия «государственно-правовой механизм обеспечения национальной безопасности» ограничивается областью публично-правового регулирования, в связи с чем включает в него систему только государственных институтов [22, с. 16, 17].

Данная позиция коррелирует с действующим законодательством, определяющим публичную власть. Так, в соответствии с Федеральным законом от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»³ в единую систему публичной власти входят только органы государственной власти, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности. Таким образом, негосударственные институты, несмотря на то, что могут принимать участие в обеспечении безопасности, не входят в публично-правовой механизм ее обеспечения. Это обусловлено тем, что на общественные объединения, институты гражданского общества не может быть возложено осуществление властных полномочий,

публично-значимых функций. Однако они могут содействовать органам публичной власти, взаимодействовать с ними, реализуя различные инициативы, направляя обращения, участвуя в публичных слушаниях и иных социально значимых мероприятиях.

В результате можно сделать вывод, что в юридической науке сформировался подход, сторонники которого за основу механизма обеспечения безопасности приняли систему субъектов, осуществляющих на основе законодательства скоординированную деятельность по обеспечению безопасности путем защиты от внешних и внутренних угроз, поддержания государства и общества на уровне, отвечающем национальным интересам и т. д. Справедливо отмечает В. А. Колокольцев, что данное понимание механизма характеризует его в узком смысле [13, с. 13]. Мы не возражаем против такого подхода, так как действительно важным элементом механизма являются субъекты обеспечения безопасности, они составляют его основу. И даже при таком подходе одни ученые рассматривают только его организационную структуру, но большинство выделяют статическую и динамическую стороны в механизме обеспечения безопасности. Данная позиция представляется нам более обоснованной и приемлемой для характеристики механизма обеспечения безопасности.

Основа публично-правового механизма обеспечения безопасности в городе определяется тем, что управление в городах осуществляется на всех трех уровнях публичной власти. В Российской Федерации можно выделить несколько видов городов в зависимости от их правового статуса: районного, регионального и федерального значения. Очевидно, что в большинстве городов основные функции по обеспечению безопасности возложены на органы государственной власти федерального и регионального уровня. Тем не менее публичная власть реализуется и муниципальными органами.

При исследовании конституционного механизма организации публичной власти в России И. В. Гончаров обращает внимание на существующие проблемы в разграничении полномочий между органами государственной власти и местного самоуправления, в том числе при передаче местным властям отдельных государственных полномочий. Особенно остро этот вопрос стоит в крупных городах, так как они являются центрами регионов, где сосредоточены мощные промышленные, финансовые, туристические, образовательные, научные ресурсы, и оказывают решающее влияние на формирование бюджета региона. На практике это неоднократно приводило к прямому противостоянию глав субъектов Российской Федера-

³ Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации : Федер. закон от 21 дек. 2021 г. № 414-ФЗ : принят Гос. Думой 14 дек. 2021 г. : одобрен Советом Федерации 15 дек. 2021 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 52 (ч. 1). Ст. 8973.

ции и властей крупных городов (Екатеринбург, Новосибирск и др.). В связи с чем предлагается внесение в федеральное и региональное законодательство соответствующих изменений, направленных на конкретизацию перечня вопросов, которые должны решаться только на местном уровне, а также уточнение порядка разграничения компетенции при передаче отдельных государственных полномочий местным властям [7, с. 14]. Таким образом, ученый признает, что правовое обеспечение, как уже отмечалось выше, является базовым элементом концепции публично-правового механизма обеспечения безопасности, на основе которого строится дальнейшая его конструкция.

В городах федерального значения в связи с сосредоточением в них высших органов государственной власти, их стратегическим назначением, плотностью населения и другими особенностями необходимо принятие беспрецедентных мер по обеспечению безопасности. Для этих городов характерна наиболее сложная организация публичной власти, где ведущую роль играют федеральные органы государственной власти, несмотря на то, что каждый из таких городов является субъектом Российской Федерации, в котором создана полноценная система региональных органов власти. Более того, в каждом из них функционируют местные органы власти, которые также действуют на основании законодательства и имеют свои предметы ведения и полномочия. В связи с чем важными являются вопросы разграничения полномочий, исключения их дублирования, налаживания взаимодействия, выстраивания структурно-функциональных связей с целью наиболее эффективного осуществления деятельности по обеспечению безопасности городов.

Таким образом, к субъектам публично-правового механизма обеспечения безопасности в городе относятся все три уровня публичной власти: федеральный, региональный и местный, которые составляют его институциональную основу. Как представляется, институциональная основа, несмотря на ее важность, является не единственной в механизме обеспечения безопасности. Соответственно, для полного и всестороннего исследования данного механизма целесообразно рассмотреть его также в широком смысле, выявить структуру и определить основные элементы.

При исследовании механизма обеспечения безопасности в широком смысле В. А. Колокольников к его элементам относит: органы власти, негосударственные организации, а также систему средств, в которую включает нормативно-правовую базу и различные инструменты (методы, способы, приемы), используемые субъектами обеспечения безопасности для решения стоящих перед ними задач

[13, с. 13]. С. Ю. Чапчиков, разделяя позицию В. А. Колокольцева, представляет механизм обеспечения безопасности в виде двух частей: институциональной, к которой относит субъекты обеспечения безопасности, и инструментальной, включающей нормативно-правовую базу, инструменты обеспечения безопасности и стадии осуществления функционирования механизма [23, с. 263–264]. Д. В. Степанков при рассмотрении государственно-правового механизма обеспечения финансовой безопасности государства включает те же элементы, но правовую основу отделяет от инструментальной [20, с. 8]. Данные позиции разделяют ряд ученых [5, с. 17–18]. По нашему мнению, базовый характер правового обеспечения для последующего формирования целостного механизма обеспечения безопасности позволяет выделять его в качестве отдельного элемента.

Таким образом, нормативно-правовая основа признается учеными обязательным элементом механизма обеспечения безопасности, поскольку с помощью правовых норм возможно задать границы поведения субъектов в сфере достижения состояния безопасности. Именно правотворческая деятельность, результатом которой становится нормативное правовое регулирование, позволяет закрепить уникальное содержание безопасности, определяющее основную цель ее обеспечения, установить правовую определенность в понимании существенных характеристик безопасности города и производных от нее понятий, а также взаимосвязь между интересами субъектов и объектов обеспечения безопасности. Правовое воздействие направлено на обеспечение юридической безопасности, предусматривающей не только упорядочение общественных отношений в сфере обеспечения безопасности города, но и их охрану, защиту и восстановление. Председатель Конституционного Суда Российской Федерации профессор В. Д. Зорькин справедливо отмечает, что правовая безопасность должна рассматриваться в самом широком смысле и быть положена в основу всех общественных отношений, а концепция правовой безопасности относиться как к отдельному человеку, так и к человечеству в целом [9, с. 155]. Таким образом, правовой безопасности придается основополагающий характер. В связи с чем нормативно-правовая основа в публично-правовом механизме обеспечения безопасности города должна быть расширена до правовой (юридической) безопасности в целом и рассматриваться не только как совокупность правовых норм, но и включать нормотворческую и правореализационную деятельность.

Важным звеном публично-правового механизма обеспечения безопасности являет-

ся инструментальная основа, которая используется для достижения цели. К ней традиционно относятся формы (правовые и неправовые) и методы (наиболее общими являются убеждение и принуждение), способы, которые происходят из методов (императивный или властно-распорядительный, когда принятие решения в сфере обеспечения безопасности и его реализация осуществляются с использованием средств государственного принуждения, и диспозитивный или консенсуальный, предполагающий обеспечение безопасности посредством координации интересов и определенных действий, использования согласительных процедур [23, с. 256]), средства обеспечения безопасности, стадии, посредством которых осуществляются функции механизма обеспечения безопасности, к ним причисляются также принципы и гарантии (общие (политические, экономические, социальные, культурные) и юридические) обеспечения безопасности.

Рассмотрение механизма обеспечения безопасности было бы неполным без исследования его функциональной стороны, которая выражается в движении, направленном на результат. Его достижение невозможно без длящегося во времени процесса обеспечения безопасности. Так, А. А. Тамодлин к обеспечительным относит меры охраны, которые являются средством недопущения возникновения угроз; защиту, пресекающую угрозы; восстановление и компенсацию, вступающие в действие в случае реализации угроз. К их общим чертам относится нормативно-правовая база и цель [21, с. 15–16]. И. С. Лапаев к обеспечивающей относит деятельность органов публичной власти и негосударственных структур по охране, защите и восстановлению юридической безопасности [16, с. 10].

Структура механизма обеспечения безопасности имеет свои особенности по сравнению с механизмом обеспечения прав и свобод человека. Тем не менее процесс обеспечения присущ правовому механизму, в связи с чем обращение к работам в сфере обеспечения прав и свобод человека позволит провести всестороннее исследование публично-правового механизма обеспечения безопасности в городе и дополнить его содержание. Содержание обеспечительного процесса достаточно подробно исследовано в теории прав человека и перекликается с вышеизложенными позициями. Не претендуя на всесторонний анализ, приведем лишь некоторые позиции, по нашему мнению, наиболее характерные для отражения данного механизма. Так, например, А. С. Мордовец к задачам механизма социально-юридического обеспечения прав человека относит охрану как состояние правомерной

реализации его прав и свобод под контролем социальных институтов, но без их вмешательства; защиту, когда осуществление прав затруднено, но они еще не нарушены, и восстановление нарушенных прав, а также выделяет их в качестве элементов подсистемы данного механизма. Более того, являясь их самостоятельными механизмами, которые одновременно находятся в диалектической взаимосвязи друг с другом, они в то же время создают целостную структуру механизма обеспечения прав человека и гражданина [18, с. 85, 86].

Некоторые ученые отождествляют охрану и защиту прав. Так, по мнению С. С. Алексеева, защита субъективного права осуществляется государственными органами в рамках особых правоохранительных отношений, которые начинают складываться с момента правонарушения, при их помощи осуществляются меры юридической ответственности и защиты субъективных прав [2, с. 280]. Е. В. Киричёр механизм охраны и механизм защиты прав и свобод включает в единый механизм реализации, а также к механизму обеспечения прав и свобод человека относит механизм юридической ответственности. По его мнению, обеспечительный процесс начинается от целеполагания и длится до достижения конечного результата, в связи с чем механизм целеполагания также относится к механизму обеспечения прав и свобод [12, с. 129]. В результате, признавая механизм единым, состоящим из ряда элементов, ученые выделяют в нем отдельные механизмы. Это представляется оправданным и обусловлено тем, что главным отличием отдельных элементов в социальных системах является их функциональная самостоятельность по сравнению с какими-либо техническими устройствами. В связи с тем, что социальным процессам, в отличие от технических, присуща изменчивость и подвижность, получить заранее запрограммированный результат здесь значительно сложнее. Элементы, с одной стороны, являются самостоятельными звеньями механизма, осуществляющими собственные функции, но с другой — именно взаимодействие элементов, возникающие между ними связи, приводящие к их взаимозависимости, направлены на качественную работоспособность механизма в целом для достижения конкретного результата. Таким образом, функциональная сторона механизма обеспечения безопасности позволяет рассмотреть механизм не только как результат, но и как процесс, который невозможен без структурно-функциональных связей между элементами механизма. Именно связи между элементами приводят в действие механизм и обеспечивают выполнение функций, для реализации которых он действует.

Р. Р. Алиуллов включает в механизм целевые характеристики [3, с. 90]. Е. В. Киричк также полагает, что определение цели является необходимой предпосылкой эффективности функционирования механизма [12, с. 119]. Мы склонны согласиться с этой позицией, поскольку, обращаясь к семантике категории «механизм», следует отметить, что он включает в себя не только совокупность элементов, но и целевое назначение. Механизм необходим, чтобы обеспечить эффективный переход от процесса к результату [6, с. 85]. По мнению И. С. Лапаева, цель механизма юридической безопасности — гарантировать реальность законодательно закреплённого правового статуса субъектов общественных отношений, обеспечивать правопорядок и определенность правоотношений, стабильность и возможность модернизации правовой системы общества [16, с. 9–10]. А. А. Тамодлин, рассматривая механизм обеспечения информационной безопасности, считает, что цель состоит в обеспечении нормального процесса реализации личностью своих прав [21, с. 15–16]. Е. В. Киричк к целям организационно-правового механизма относит создание оптимальных политических, экономических, социальных, духовных, правовых и иных условий для наиболее полного пользования человеком и гражданином социальными благами (эффективного обеспечения прав и свобод) [12, с. 133]. Следует согласиться с учеными, что целью механизма является гарантирование, создание условий, направленных на достижение результата — обеспечение безопасности, прав и свобод человека.

По нашему мнению, основная цель обеспечения безопасности может быть рассмотрена шире и состоит в том, чтобы создать такие условия жизнедеятельности города, при которых происходит процесс преобразования базовых потребностей людей в интересы, являющиеся «двигателем» развития. Несмотря на то, что интересы, ценности являются центральным звеном безопасности, мы разделяем поставленную А. А. Прохожевым проблему, связанную со слабой развитостью данной категории в российской общественной жизни. Это обусловлено тем, что в нашей стране, как правило, не признавались никакие другие интересы, кроме государственных, особенно это характерно для советской эпохи [19, с. 40]. Это привело к инфантильности индивидов в определении собственных потребностей и интересов. Более того, никто до последнего времени не занимался целенаправленной деятельностью по формированию интересов, кроме средств массовой информации в рекламных продуктах. В настоящее время все большее развитие в первую очередь в городах получают различные общественные

движения, деятельность которых направлена на развитие интересов и потребностей людей. К ним можно отнести различные любительские объединения, социальные программы (например, «Здоровое долголетие»), спортивные мероприятия (спартакиады, марафоны), дополнительные занятия самой разной направленности в дошкольных и школьных учреждениях, профориентацию детей и подростков и т. д., при том, что за рубежом в развитых странах такая работа с человеком начинается чуть ли не с момента его рождения.

По нашему мнению, необходимо внедрение на всех этапах жизни человека мероприятий, направленных на формирование его интересов: жизненных, профессиональных, культурных, экономических и др. Для этого они должны найти отражение в последовательной политике государства по формированию высокого уровня развития интересов во всех сферах жизнедеятельности индивида.

Политика определяет цели деятельности по реализации этих интересов, а вытекающая из этой политики стратегия определяет практику их реализации и достижения поставленных целей. Угрозы социальным интересам возникают только в процессе их реализации в практической деятельности личности, общества и государства, что порождает необходимость защиты интересов, а по сути — политики и стратегии их реализации от этих угроз [19, с. 40].

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать выводы, направленные на юридическое обоснование концепции публично-правового механизма обеспечения безопасности в городе.

Во-первых, распространенной в юридической науке является практика толкования терминов в узком и широком смысле слова. Представляется целесообразным применить этот подход в отношении рассматриваемого механизма, что будет способствовать уяснению различных аспектов его сущности.

Публично-правовой механизм обеспечения безопасности в городе в узком смысле слова представляет собой целостную статичную систему элементов, наделённых законодательством функциями по обеспечению безопасности в городе.

В широком смысле слова под публично-правовым механизмом обеспечения безопасности города предлагается понимать взятую в единстве целостную систему статических и динамических элементов, каждый из которых имеет свое функциональное предназначение, соответствующие вертикальные и горизонтальные связи, осуществляющую скоординированную деятельность, направленную на создание условий для нормального функционирования и га-

рантирующую развитие города в условиях возникающих опасностей и угроз.

Отличием понимания публично-правового механизма обеспечения безопасности в городе в широком смысле слова является выделение его статичной (организационной) и динамической (функциональной) стороны.

Во-вторых, в обеспечительный процесс следует включать ряд механизмов, которые приходят в движение в зависимости от действия опасностей и угроз. Иначе говоря, здесь речь идет о процессе превращения статической стороны механизма в функциональную, целью движения которого и является фактический результат. Движущей силой механизма являются потребности и интересы человека. При этом опасности носят потенциальный, возможный характер, в условиях существования которых действует механизм охраны. Таким образом, механизм охраны приводит в движение обеспечительный процесс. Механизм защиты начинает действовать в случае возникновения обстоятельств, переводящих потенциальный характер опасности в реально существующую угрозу, которая еще не реализована. Механизм восстановления включается в случае реализации угрозы и наступления последствий. Следует отметить, что реализация механизма защиты и охраны отличается формами деятельности субъектов обеспечения безопасности. Меры защиты предполагают их активное участие, тогда как охрана ограничивается совершенствованием законодательства в данной сфере, системы и средств обеспечения безопасности.

Обеспечительный процесс, являясь элементом публично-правового механизма обеспечения безопасности города, включает ряд последовательных действий (этапов)

и служит средством перевода законодательно закрепленного механизма обеспечения безопасности в конкретные меры, при помощи которых органы публичной власти осуществляют деятельность, направленную на охрану и защиту жизненно важных интересов и потребностей, восстановление состояния нормального функционирования системы при реализации возникающих угроз и их последствий, в условиях которого гарантируют развитие города.

В-третьих, основная цель обеспечения безопасности состоит не в том, чтобы достичь определенного уровня защищенности, так как безопасность обеспечивается не ради безопасности. Это необходимо для создания условий, в которых социальная система, в данном случае город, городской социум, житель города будет развиваться, реализуя собственные интересы, поднимаясь с базового уровня пирамиды потребностей по Маслоу, где удовлетворяется базовая потребность в безопасности, на более высокий — самореализация и развитие.

В результате можно сделать обобщенный вывод, что концептуальные основы публично-правового механизма обеспечения безопасности в городе можно определить как идеальную модель деятельности органов публичной власти федерального, регионального и муниципального уровня, предполагаемую и закрепленную в законодательстве, направленную на максимально эффективное достижение соответствующего результата — охрана и защита жизненно важных интересов и потребностей, восстановление нормального функционирования и гарантирование развития города в условиях действия негативных факторов, опасностей и угроз обеспечения безопасности.

Список литературы:

1. Алексеев С. С. Государство и право: начальный курс. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1994. 192 с.
2. Алексеев С. С. Общая теория права : курс в 2 т. М., 1981. Т. 1. 359 с.
3. Алиуллов Р. Р. Механизм управления органами внутренних дел: вопросы теории, методологии и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. 449 с.
4. Бабаев В. К., Баранов В. М. Общая теория права : краткая энциклопедия. Нижний Новгород, 1997. 203 с.
5. Бутова Е. В. Механизм административно-правового регулирования обеспечения экологической безопасности в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2018. 23 с.

References:

1. Alekseev S. S. Gosudarstvo i pravo: nachal'nyj kurs. 2-e izd., pererab. i dop. M., 1994. 192 s.
2. Alekseev S. S. Obshchaya teoriya prava : kurs v 2 t. M., 1981. T. 1. 359 s.
3. Aliullov R. R. Mekhanizm upravleniya organami vnutrennih del: voprosy teorii, metodologii i praktiki : dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2004. 449 s.
4. Babaev V. K., Baranov V. M. Obshchaya teoriya prava : kratkaya enciklopediya. Nizhnij Novgorod, 1997. 203 s.
5. Butova E. V. Mekhanizm administrativno-pravovogo regulirovaniya obespecheniya ekologicheskoy bezopasnosti v Rossijskoj Federacii : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Belgorod, 2018. 23 s.

6. *Бутылин В. Н.* Государственно-правовой механизм охраны конституционных прав и свобод граждан : моногр. М., 2001. 177 с.
7. *Гончаров И. В.* Конституционный механизм организации публичной власти в Российской Федерации в контексте взаимоотношений органов государственной власти и местного самоуправления // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 3 (77). С. 12–16.
8. *Зеленков А. Ю.* Основы теории национальной безопасности : учеб. М., 2015. 295 с.
9. *Зорькин В. Д.* Право против хаоса : моногр. 2-е изд., испр. и доп. М., 2018. 367 с.
10. *Кардашова И. Б.* Механизм обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: сущность, задачи и пути совершенствования // Право и политика. 2005. № 2. С. 86–93.
11. *Киричёр Е. В.* Национальная безопасность, национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации в контексте обеспечения прав человека // Пентитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2016. № 4 (10). С. 85–89.
12. *Киричёр Е. В.* Организационно-правовой механизм обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях взаимодействия полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 537 с.
13. *Колокольцев В. А.* Обеспечение государственных интересов России в контексте концепции национальной безопасности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005. 53 с.
14. *Кузнецов О. А.* Государственно-правовой механизм внешнеэкономических связей Японии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990. 24 с.
15. *Лазарев В. В.* Общая теория права и государства : учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2001. 520 с.
16. *Лапаев И. С.* Механизм обеспечения юридической безопасности в Российской Федерации: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 30 с.
17. *Малько А. В., Шундилов К. В.* Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003. 296 с.
18. *Мордовец А. С.* Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина / под ред. Н. И. Матузова. Саратов, 1996. 285 с.
19. *Общая теория национальной безопасности : учеб. / А. В. Возжеников [и др.]; под общ. ред. А. А. Прохожева. 2-е изд., доп. М., 2005. 344 с.*
6. *Butylin V. N.* Gosudarstvenno-pravovoj mekhanizm ohrany konstitucionnyh prav i svobod grazhdan : monogr. M., 2001. 177 s.
7. *Goncharov I. V.* Constitutional mechanism of organization of public authority in the Russian Federation in the context of relations between state authorities and local self-government // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2020. № 3 (77). S. 12–16.
8. *Zelenkov A. Yu.* Osnovy teorii nacional'noj bezopasnosti : ucheb. M., 2015. 295 s.
9. *Zor'kin V. D.* Pravo protiv haosa : monogr. 2-e izd., ispr. i dop. M., 2018. 367 s.
10. *Kardashova I. B.* The mechanism of ensuring the national security of the Russian Federation: the essence, tasks and ways of improvement // Law and Politics. 2005. № 2. S. 86–93.
11. *Kirichyok E. V.* Nacional'naya bezopasnost', nacional'nye interesy i strategicheskie nacional'nye priority Rossijskoj Federacii v kontekste obespecheniya prav cheloveka // Pentitenciarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimenitel'naya praktika. 2016. № 4 (10). S. 85–89.
12. *Kirichyok E. V.* Organizacionno-pravovoj mekhanizm obespecheniya konstitucionnyh prav i svobod cheloveka i grazhdanina v usloviyah vzaimodejstviya policii i institutov grazhdanskogo obshchestva v Rossijskoj Federacii : dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2014. 537 s.
13. *Kolokol'cev V. A.* Obespechenie gosudarstvennyh interesov Rossii v kontekste koncepcii nacional'noj bezopasnosti : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. SPb., 2005. 53 s.
14. *Kuznecov O. A.* Gosudarstvenno-pravovoj mekhanizm vneshneekonomicheskikh svyazej Yaponii : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1990. 24 s.
15. *Lazarev V. V.* Obshchaya teoriya prava i gosudarstva : ucheb. 3-e izd., pererab. i dop. M., 2001. 520 s.
16. *Lapaev I. S.* Mekhanizm obespecheniya yuridicheskoy bezopasnosti v Rossijskoj Federacii: voprosy teorii i praktiki : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2013. 30 s.
17. *Mal'ko A. V., Shundikov K. V.* Celi i sredstva v prave i pravovoj politike. Saratov, 2003. 296 s.
18. *Mordovec A. S.* Social'no-yuridicheskij mekhanizm obespecheniya prav cheloveka i grazhdanina / pod red. N. I. Matuzova. Saratov, 1996. 285 s.
19. *Obshchaya teoriya nacional'noj bezopasnosti : ucheb. / A. V. Vozzhenikov [i dr.]; pod obshch. red. A. A. Prohozheva. 2-e izd., dop. M., 2005. 344 s.*
20. *Stepankov D. V.* Gosudarstvenno-pravovoj mekhanizm obespecheniya finansovoj bezopasnos-

20. Степанков Д. В. Государственно-правовой механизм обеспечения финансовой безопасности (проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. 27 с.
21. Тамодлин А. А. Государственно-правовой механизм обеспечения информационной безопасности личности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 23 с.
22. Удычак Ф. Н. Государственно-правовой механизм обеспечения национальной безопасности: теоретико-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 20 с.
23. Чапчиков С. Ю. Концептуальные основания национальной безопасности и механизм ее обеспечения: теоретико-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. Курск, 2018. 412 с.
24. Шундилов К. В. Правовые механизмы: постановка проблемы // Вестник Саратовской государственной академии права. 2002. № 3. С. 82–86.
- ti (problemy teorii i praktiki) : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Nizhnij Novgorod, 2006. 27 s.
21. Tamodlin A. A. Gosudarstvenno-pravovoj mekhanizm obespecheniya informacionnoj bezopasnosti lichnosti : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2006. 23 s.
22. Udychak F. N. Gosudarstvenno-pravovoj mekhanizm obespecheniya nacional'noj bezopasnosti: teoretiko-pravovoj aspekt : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2011. 20 s.
23. Chapchikov S. Yu. Konceptual'nye osnovaniya nacional'noj bezopasnosti i mekhanizm ee obespecheniya: teoretiko-pravovoe issledovanie : dis. ... d-ra yurid. nauk. Kursk, 2018. 412 s.
24. Shundikov K. V. Legal mechanisms: problem statement // Bulletin of the Saratov State Academy of Law. 2002. № 3. S. 82–86.

Для цитирования:

Корабельникова Юлия Леонидовна. Понятие и структура публично-правового механизма обеспечения безопасности в городе // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 1 (69). С. 54–64.

For citation:

Korabel'nikova Yuliya Leonidovna. The Concept and Structure of the Public Law Mechanism for Ensuring Security in the City // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1 (69). P. 54–64.

Саидов Фархад Зирофович,
кандидат юридических наук,
слушатель 2-го факультета
(подготовки руководителей (начальников)
территориальных органов МВД России),
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

E-mail: saidovfz31@mail.ru

Научная специальность:
5.1.2. Публично-правовые
(государственно-правовые) науки

УДК 342

DOI 10.24412/2072-9391-2024-169-65-71

Дата поступления статьи: 16 января 2024 г.

Дата принятия статьи в печать: 20 марта 2024 г.

Институт Народного Курултая в Киргизской Республике: история, современность, перспективы

Institute of National Kurultai in the Kyrgyz Republic: History, Modernity, Prospects

Аннотация

Актуальность темы заключается в том, что в системе государственных органов Киргизской Республики появляется институт Народного Курултая, призванный обеспечить защиту прав и свобод человека и гражданина, а также прозрачность и подотчетность государственного управления обществу. Особенность деятельности института Народного Курултая и его роль в конституционном развитии Киргизии проанализирована с учетом культурно-исторических особенностей становления киргизского общества. Рассматриваются вопросы развития современного состояния и перспективы совершенствования института Народного Курултая в Киргизской Республике.

Постановка проблемы: вопрос организации эффективной деятельности системы защиты прав и свобод человека и гражданина, органов государственной власти и органов местного самоуправления стал приоритетным во всех постсоветских государствах, так как, начиная с 1991 г., в жизни общества произошли значительные перемены. Независимые государства, в том числе Киргизская Республика, объявили и закрепили в своих конституциях приверженность принципам международного права. Кроме того, в Киргизской Республике стремитель-

Farhad Zirofovich Saidov,

Candidate of Law,
Listener of the 2nd Faculty
(Training Chiefs (Heads)
of the Territorial Bodies of the Interior Ministry of Russia),
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: saidovfz31@mail.ru

Scientific specialty:
5.1.2. Public Law
(State Law) Sciences

Abstract

The relevance of the topic lies in the fact that the Institute of National Kurultai appears in the system of state bodies of the Kyrgyz Republic, designed to ensure the protection of human and civil rights and freedoms, as well as transparency and accountability of public administration to society. The peculiarity of the activity of the Institute of National Kurultai and its role in the constitutional development of Kyrgyzia is analyzed taking into account the cultural and historical features of the formation of Kyrgyz society. The issues of the development of the current state and prospects for improving the Institute of National Kurultai in the Kyrgyz Republic are considered.

Problem statement: the issue of organizing effective activities of the system for the protection of human and civil rights and freedoms, public authorities and local governments has become a priority in all post-Soviet states, since significant changes have taken place in the life of society since 1991. Independent States, including the Kyrgyz Republic, have declared and enshrined in their constitutions their commitment to the principles of international law. In addition, Western models of human rights bodies' activities have been rapidly developing in the Kyrgyz Republic, and today they are being transformed, which were introduced without taking

но развивались, а сегодня трансформируются западные модели деятельности правозащитных органов, которые внедрялись без учета культурных обычаев и традиций киргизского народа.

Цель исследования заключается в анализе становления современного состояния и выработке предложений по совершенствованию института Народного Курултая в Киргизской Республике.

Методы исследования: диалектический метод познания, а также сравнительно-правовой, системно-структурный, формально-юридический, историко-правовой и системный методы.

В результате проведенного исследования сформулированы выводы и предложения по совершенствованию правового статуса института Народного Курултая.

Ключевые слова: Народный Курултай; статус; совет; общественное обсуждение; законодательная инициатива; общественное управление.

into account the cultural customs and traditions of the Kyrgyz people.

The purpose of the study is to analyze the formation of the current state and develop proposals for improving the Institute of National Kurultai in the Kyrgyz Republic.

Research methods: dialectical method of cognition, as well as comparative legal, systemic structural, formal legal, historical legal and systemic methods.

As a result of the conducted research, conclusions and proposals have been formulated to improve the legal status of the Institute of National Kurultai.

Keywords: People's Kurultai; status; council; public discussion; legislative initiative; public administration.

Народный Курултай — это ранняя форма представительных органов тюркских и монгольских государств. Историки справедливо отмечают, что сначала XI–XII вв. Курултай представлял собой племенную сходку, с течением времени превратившуюся в имперское собрание знати [9, с. 150]. В состав Курултая входили представители ханского рода, военачальники, племенная знать и старейшины [8, с. 225].

Интересным представляется мнение монгольского ученого Ж. Гэрэлбадраха, что, кроме Курултая, существовал и еще один представительный орган — семейный совет Чингизидов, который функционировал параллельно с Курултаем [14, с. 11–15]. Так, на семейном совете Чингизидов разрабатывались политические инициативы, которые в дальнейшем согласовывались с членами правящего рода и затем выносились на обсуждение членов Курултая. Представители Курултая могли либо одобрить, либо отклонить эту инициативу [14, с. 11–15]. Решения Курултая исполнялись в полном объеме, что было обусловлено высоким авторитетом и безупречной репутацией его членов.

Следовательно, описанную систему можно условно охарактеризовать как парламент с двумя палатами: верхней (Курултай) и нижней (семейный совет Чингизидов).

Исторические летописи свидетельствуют о разнообразных полномочиях Курултая: избрание ханов; принятие решений о завоевательных походах; подведение итогов; рассмотрение споров между правителями улусов и разре-

ние конфликтов внутри правящего семейства какого-либо из улусов. Ярким примером разрешения конфликтов являются события 1269 г., развернувшиеся на Курултае в Таласской долине (на территории современной Киргизии), когда правитель Баян попросил разрешить его спор с племянником Куйлюком — претендент на трон Синей Орды [11, с. 143].

Стоит обратить внимание и на то, что с течением времени (XVI–XVII вв.) Курултай стал упоминаться только в связи с избранием хана. Таким образом, возведение хана на трон во время проведения Курултая являлось фактором легитимизации власти правителя. Эта процедура сохранялась и в Казанском ханстве [5] (показательным для нашего исследования является Курултай 1551 г., когда знать и духовенство утвердили мирный договор с Московским царством, признав вассальную зависимость ханства от Москвы [15, с. 527–758]); в Кокандском ханстве состав Курултая оставался прежним, но важную роль в нем играли представители мусульманского духовенства — муллы, хафизы и данишменды [2, с. 187]; в Казахском ханстве также существовал данный институт, однако он здесь был трансформирован в совет, правовой статус которого не был определен, в связи с чем функционировал лишь формально [9]; в Кара-Кыргызском ханстве Курултай имел важное значение: историки описывают, что в 1842 г. на нем родоплеменная киргизская знать обсуждала актуальную политическую ситуацию, сложившуюся вокруг ханства, возвела

на престол нового хана Ормон-хана, утвердила атрибуты государства (знамя, печать), структуру власти, штрафы, меры наказания за преступления и проступки, таможенные пошлины за прогон скота и прохождение караванов.

В эпоху родоплеменного построения общества у кочевого народа киргизов Курултай играл значимую роль, так как именно на нем принимались наиболее важные решения [1, с. 19]. Однако в связи с изменением родоплеменных отношений роль Курултая в жизни киргизского общества снизилась.

После событий 1991 г. идея его возрождения охватила общество, так как оно было недовольно работой органов публичной власти, коррупцией, бюрократией и плохой подотчетностью государственных органов народу [3, с. 49–52].

Исторический анализ полномочий Курултая позволяет утверждать, что его правовой статус с течением времени трансформировался с учетом геополитических подвижек.

В современном киргизском обществе Народный Курултай представляет собой институт общественного контроля за деятельностью должностных лиц органов государственной власти и органов местного самоуправления, который уходит своими корнями в историю, традиции и обычаи киргизского народа.

В Киргизской Республике Народный Курултай проводился много раз. Так, в 1992 г. прошел первый Курултай киргизов [16, с. 245], а в 2003 г., в 2010 г., 2022 г. и 2023 г. в его работе участвовали Президент Киргизской Республики и члены Кабинета Министров Киргизской Республики¹.

Первый Курултай состоялся 30 августа 1992 г., тогда было принято решение об учреждении Фонда возрождения киргизов, получившего международный статус.

Курултай, состоявшийся 29 августа 2003 г., ознаменовался тем, что на нем был принят Демократический Кодекс народа Киргизии², в котором были провозглашены принципы построения общества, приоритета прав и свобод человека и гражданина, семьи и институтов гражданского общества.

Курултай 23 марта 2010 г. проводился под лозунгом «Курултай Согласия»³. Его целью стало укрепление межнационального согласия, кон-

солидация общества и содействие социальной мобилизации.

Указом Президента Киргизской Республики 25 ноября 2022 г. был созван Народный Курултай⁴, на котором делегаты обсудили проблемы внешнего долга, демаркации и делимитации приграничных территорий с соседними государствами, кадровой политики государства, системы образования, здравоохранения, правоохранительных органов, вопросы научно-исследовательской деятельности; необходимости совершенствования системы воспитания подрастающего поколения.

Кроме того, в 2022 г. по итогам прошедшего Народного Курултая Жогорку Кенешу (парламенту) Киргизской Республики было рекомендовано до 2023 г. доработать проект Конституционного закона Киргизской Республики «О Народном Курултае». Стоит отметить, что в его доработке активно принимало участие киргизское общество: об этом свидетельствует обсуждение вышеуказанного проекта на Едином портале общественного обсуждения нормативных правовых актов Киргизской Республики⁵ (далее — Единый портал). Именно на Едином портале каждый гражданин Киргизской Республики вправе выразить свое мнение. Кроме того, как представляется, общественное обсуждение способствует «легитимизации» законопроекта. В целом процедура общественного обсуждения проектов законов влияет на качество и результативность правотворческой деятельности государства [6, с. 321–325].

Важно и то, что участие в общественном обсуждении принимают граждане, которые заинтересованы в качественной проработке законопроектов. Законотворчество — это дорогое «удовольствие» для налогоплательщиков, поэтому граждане имеют право предъявлять высокие требования к проектам нормативных правовых актов [13, с. 28–34], а институт общественного обсуждения является именно тем инструментом, который позволяет реализовать эту возможность [6, с. 321–325].

Жогорку Кенеш отреагировал на обращение делегатов Народного Курултая и 27 июля 2023 г. доработанный проект Конституционного закона Киргизской Республики «О Народном Курултае»⁶ был подписан Президентом Киргизской Республики.

¹ Народный Курултай подвел итоги развития Киргизии и заглянул в будущее. URL: <https://stanradar.com/news/full/53973-kurultaj-podvel-itogi-razvitija-kyrgyzstana-i-zagljanul-v-budushee.html> (дата обращения: 10.01.2024).

² Демократический Кодекс народа Киргизии. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30294060#sub_id=0 (дата обращения: 10.01.2024).

³ О созыве Курултая Согласия Киргизской Республики : Указ Президента Киргизской Республики от 21 янв. 2010 г. № 8 : утратил силу. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/202656/edition/388588/ru?ysclid=ltzhsnl2dr524266720> (дата обращения: 10.01.2024).

⁴ О созыве Народного Курултая : Указ Президента Киргизской Республики от 15 авг. 2022 г. УП № 284 : утратил силу. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/434800/edition/1277288/ru?ysclid=ltzhvv69qi682612386> (дата обращения: 10.01.2024).

⁵ Единый портал общественного обсуждения нормативных правовых актов Киргизской Республики. URL: <http://koomtalkuu.gov.kg/ru> (дата обращения: 10.01.2024).

⁶ О Народном Курултае : Конституционный закон Киргизской Республики от 24 июля 2023 г. № 146. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112626/edition/1275854/ru> (дата обращения: 10.01.2024).

Кроме того, ст. 7 Конституции Киргизской Республики (далее — Конституция) 2021 г.⁷ определила, что Народный Курултай — это общественно-представительное собрание, которое обладает правом направлять рекомендации должностным лицам органов государственной власти и органов местного самоуправления с целью улучшения общественного благосостояния государства.

Статья 52 Конституции в редакции 2010 г.⁸ предусматривала, что граждане Киргизии вправе проводить Народный Курултай по вопросам, имеющим государственное и общественное значение. Решения Народного Курултая направляются в соответствующие компетентные органы публичной власти. Попытки урегулирования его правового статуса предпринимались неоднократно, однако он так и не был определен. Депутаты Жогорку Кенеша Киргизской Республики подготовили проект Закона Киргизской Республики «О народных курултаях», который был вынесен на общественное обсуждение 2020 г. По результатам общественного обсуждения данного закона нужно было доработать, однако этого не произошло. По нашему мнению, его принятие препятствовало бы дестабилизации системы государственного управления, а также позволило бы выделить основные элементы правового статуса института Народного Курултая: организационные⁹, функциональные¹⁰ и гарантийные¹¹.

В настоящее время в обществе актуализировались вопросы о том, нужен ли государству институт Народного Курултая и какова его роль в механизме государственной власти? По нашему мнению, он может существенно улучшить систему государственного управления и сохранить самобытность Киргизии, консолидировать общество вокруг национальных интересов.

Впервые в истории Киргизии в целях укрепления статуса Народного Курултая был принят вышеуказанный Конституционный закон Киргизской Республики (далее — КЗ) «О Народном Курултае», который определил принципы

его деятельности, порядок избрания делегатов и полномочия, состоящего из 700 делегатов, избираемых на период проведения Курултая. Его делегатом может стать гражданин Киргизской Республики, который соответствует следующим требованиям: не моложе 21 года, свободно владеющий киргизским и русским языками, отсутствие судимости. Порядок организации выборов делегатов возложен на местные администрации и органы местного самоуправления.

Принимая во внимание историю развития киргизского общества, представляется целесообразным дополнить рассматриваемый закон перечнем требований к кандидатам на должность делегата: 1) познания в области управления; 2) высокий авторитет и безупречная репутация; 3) отсутствие иностранного гражданства.

Данные требования имеют важное значение для делегатов Народного Курултая, так как на них возложена обязанность осуществлять общественный контроль за деятельностью должностных лиц органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также защищать права и свободы человека и гражданина.

Организацию его деятельности осуществляет секретариат, состоящий из семи сотрудников, которые назначаются и освобождаются от должности распоряжением Президента Киргизской Республики по рекомендации Национального совета Народного Курултая (далее — НСНК).

В свою очередь, НСНК формируется из числа 17 делегатов, избранных на период проведения Народного Курултая, осуществляющие свою деятельность на общественных началах. Члены НСНК избирают председателя и двух заместителей, кандидатуры которых утверждаются делегатами Народного Курултая. На председателя НСНК возложено общее руководство секретариатом.

Анализ КЗ «О Народном Курултае» свидетельствует, что законодатель не предусмотрел случаев досрочного прекращения полномочий делегатов Курултая, входящих в состав секретариата Народного Курултая и НСНК, по состоянию здоровья и в случае возникновения личной заинтересованности.

Полномочия Народного Курултая заключаются в заслушивании ежегодного послания Президента Киргизской Республики, докладов Торага Жогорку Кенеша (спикера парламента), Председателя Кабинета Министров и его членов, а также других должностных лиц органов публичной власти; подготовке рекомендаций по совершенствованию правовых основ деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления; работе по восстановлению нарушенных прав и свобод человека и гражданина, а также совершенствованию национально-

⁷ Конституция Киргизской Республики (принята референдумом (всенародным голосованием) 11 апр. 2021 г.). URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112213/edition/1202952/ru?ysclid=ltzj3j4ng0546395173> (дата обращения: 10.01.2024).

⁸ Конституция Киргизской Республики от 26 июня 2010 г. (принята референдумом (всенародным голосованием) 27 июня 2010 г.): документ утратил силу. URL: https://hero-datkayim.kg/wp-content/uploads/2020/08/1.ru_konstitucziya_kyrgyzskoj_respubliki_ru.pdf (дата обращения: 10.01.2024).

⁹ Требования, предъявляемые к делегату Курултая; порядок назначения и освобождения от занимаемой должности делегата; ограничения, связанные с замещением должности делегата.

¹⁰ Цели и задачи деятельности, полномочия, функции института Народного Курултая.

¹¹ Принципы (законность, независимость, политическая нейтральность, открытость, инициативность и взаимодействие с органами публичной власти) и гарантии деятельности института Народного Курултая.

го законодательства в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права; внесении предложений Президенту Киргизской Республики относительно отставки членов Кабинета Министров и других должностных лиц органов государственной власти и органов местного самоуправления; избрании своего представителя в Совет по делам правосудия Киргизской Республики и реализации права законодательной инициативы.

Делегаты Народного Курултая 16 декабря 2023 г. впервые избрали своего представителя в Совет по делам правосудия Киргизской Республики. В целях объективного проведения выборов к их организации были привлечены сотрудники Центральной комиссии по выборам и проведению референдумов Киргизской Республики. Выборы прошли с использованием автоматических считывающих урн и идентификации личности делегатов Народного Курултая.

Кроме того, Президент Киргизской Республики, выступая на Народном Курултае в декабре 2023 г., отчитался о деятельности Кабинета Министров за 2023 г. и подробно изложил, на какой стадии реализации находится принятая резолюция Народного Курултая 2022 г.

Весьма интересными в аспекте изучения института прямой демократии являются полномочия Народного Курултая в сфере реализации права законодательной инициативы. Механизм реализации этого права принадлежит НСНК, который может созвать рабочую группу из делегатов Народного Курултая с привлечением необходимых специалистов. Согласно Закону Киргизской Республики «О нормативных правовых актах Киргизской Республики»¹² рабочая группа разрабатывает законопроект, который выносится для общественного обсуждения на Единый портал Министерства юстиции Киргизской Республики. После общественного обсуждения доработанный проект рассматривается представителями Народного Курултая, принимается большинством голосов его делегатов и направляется в профильный комитет Жогорку Кенеша Киргизской Республики.

Думается, согласиться с мнениями Ю. Л. Корабельниковой, А. Ю. Сунгурова, А. Шафранова, которые считают, что отсутствие права законодательной инициативы снижает результативность деятельности государственных органов по причине существования посредника в виде субъекта законодательной инициативы, к которому он обращается с предложениями и должен убедить в правильности своих доводов [7; 12; 17].

Необходимо признать, что в настоящее время Народный Курултай не имеет опыта и средств для обеспечения компетентной деятельности в области качественной разработки законопроектов. Так, опыт законодательной работы органов публичной власти свидетельствует, что подготовка качественного законопроекта требует больших финансовых и материальных затрат, вызванных необходимостью привлечения профессионалов. Сегодня Народный Курултай не обладает такими возможностями.

Общее собрание Народного Курултая осуществляется один раз в год для обсуждения общественно значимых вопросов. По итогам собрания открытым голосованием и большинством голосов от общего количества делегатов Народного Курултая принимается резолюция, которая направляется в компетентные органы государственной власти и органы местного самоуправления.

Таким образом, проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что Народный Курултай — коллегиальный орган, преимуществом которого является непосредственное участие гражданского общества в управлении государством. В истории киргизского общества Народный Курултай играл важную роль в принятии государственно значимых решений [4, с. 64–66], однако в настоящее время он полезен и в качестве площадки для дискуссий и обмена мнениями, а также обсуждения проблем общества и государства.

Очевидно, институт Народного Курултая Киргизской Республики развивается и его деятельность результативна. Тем не менее правовой статус института Народного Курултая требует совершенствования, что позволит повысить его эффективность. С этой целью, как представляется, КЗ «О Народном Курултае» целесообразно дополнить следующими положениями:

1) принципы деятельности института Народного Курултая — законность, независимость, политическая нейтральность, открытость, инициативность и взаимодействие с органами публичной власти;

2) делегат Народного Курултая должен обладать познаниями в области управления, высоким авторитетом и безупречной репутацией;

3) наличие второго (иностранного) гражданства для делегата Народного Курултая не допустимо;

4) учесть досрочное прекращение полномочий делегатов Народного Курултая, входящих в состав секретариата Народного Курултая и НСНК, по состоянию здоровья и/или в случае возникновения личной заинтересованности;

5) необходимо предусмотреть срок, в течение которого следует предоставлять информацию о выполнении резолюций Народного Курултая.

¹² О нормативных правовых актах Киргизской Республики: Закон Киргизской Республики от 20 июля 2009 г. № 241. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/202591/edition/1086595/ru?ysclid=ltzkio9mqe711860427> (дата обращения: 10.01.2023).

Список литературы:

1. Акаев А. А. Раздумья на судьбоносном этапе : моногр. Бишкек, 1994. 51 с.
2. Бабаджанов Б. М. Кокандское ханство: власть, политика, религия : моногр. Ташкент, 2010. 744 с.
3. Бакиров А. Ж. Правовое положение института курултая в Кыргызской Республике // European Research. 2016. № 3.
4. Бакиров А. Ж. Роль и место курултая в истории кыргызов в древнем периоде // Известия ВУЗов Кыргызстана. 2014. № 12. С. 64–66.
5. Исаков Д. М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань, 2009. 141 с.
6. Коробельникова Ю. Л. О роли гражданского общества в конституционном развитии России // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 2 А. С. 321–325.
7. Коробельникова Ю. Л. Сравнительно-правовой анализ статуса омбудсмена в современных демократических государствах // Право — явление цивилизации и культуры / отв. ред. М. В. Немытина. М., 2019. С. 163–171.
8. Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингис-Хана. М., 2006. 556 с.
9. Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсайцких, орд и степей / под общ. ред. М. К. Козыбаева. Алматы, 1996. 656 с.
10. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1685–1691 / сост. Г. И. Слесарчук. М., 2000. 215 с.
11. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей / пер. с перс. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова. М.; Л., 1960. Т. II. 248 с.
12. Сунгуров А. Ю. Региональный уполномоченный по правам человека — первые шаги в России // Развитие института Уполномоченного по правам человека в российских регионах. Региональный омбудсмен / под ред. А. Ю. Сунгурова. Приложение к журналу «Северная Пальмира». СПб., 1999. Т. 2. 226 с.
13. Тосунян Г. А., Санникова Л. В. Культура правотворчества в современной России // Государство и право. 2018. № 3. С. 28–34.
14. Трепавлов В. В. Джучиев улус в XV–XVI вв.: инерция единства // Золотоордынское наследие : материалы Междунар. науч. конф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». Казань, 2009. С. 11–15.
15. Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций: из опыта образования и распада империй X–XVI вв. М., 1996. 767 с.

References:

1. Akaev A. A. Razdum'ya na sud'bonosnom etape : monogr. Bishkek, 1994. 51 s.
2. Babadzhanov B. M. Kokandskoe hanstvo: vlast', politika, religiya : monogr. Tashkent, 2010. 744 s.
3. Bakirov A. Zh. Pravovoe polozhenie instituta kurultaya v Kyrgyzskoj Respublike // European Research. 2016. № 3.
4. Bakirov A. Zh. Rol' i mesto kurultaya v istorii kyrgyzov v drevnem periode // Izvestiya VUZov Kyrgyzstana. 2014. № 12. S. 64–66.
5. Iskhakov D. M. Tyurko-tatarskie gosudarstva XV–XVI vv. Kazan', 2009. 141 s.
6. Korabel'nikova Yu. L. On the role of civil society in the constitutional development of Russia // Matters of Russian and International Law. 2019. T. 9. № 2 A. S. 321–325.
7. Korabel'nikova Yu. L. Sravnitel'no-pravovoj analiz statusa ombudsmena v sovremennyh demokraticeskikh gosudarstvakh // Pravo — yavlenie civilizacii i kul'tury / отв. red. M. V. Nemytina. M., 2019. S. 163–171.
8. Kradin N. N., Skrynnikova T. D. Imperiya CHingis-Hana. M., 2006. 556 s.
9. Levshin A. I. Opisanie kirgiz-kazach'ih, ili kirgiz-kajsajckih, ord i stepej / pod obshch. red. M. K. Kozybaeva. Almaty, 1996. 656 s.
10. Materialy po istorii russko-mongol'skih otnoshenij. 1685–1691 / sost. G. I. Slesarchuk. M., 2000. 215 s.
11. Rashid-ad-Din. Sbornik letopisej / per. s pers. Yu. P. Verhovskogo i B. I. Pankratova. M.; L., 1960. T. II. 248 s.
12. Sungurov A. Yu. Regional'nyj upolnomochennyy po pravam cheloveka — pervye shagi v Rossii // Razvitie instituta Upolnomochennogo po pravam cheloveka v rossijskikh regionah. Regional'nyj ombudsmen / pod red. A. Yu. Sungurova. Prilozhenie k zhurnalу «Severnaya Pal'mira». SPb., 1999. T. 2. 226 s.
13. Tosunyan G. A., Sannikova L. V. The culture of law-making in modern Russia // State and Law. 2018. № 3. S. 28–34.
14. Trepavlov V. V. Dzhuchiev ulus v XV–XVI vv.: inerciya edinstva // Zolotoordnyskoe nasledie : materialy Mezhdunar. nauch. konf. "Politicheskaya i social'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoj Ordy (XIII–XV vv.)". Kazan', 2009. S. 11–15.
15. Hudyakov M. G. Ocherki po istorii Kazanskogo hanstva // Na styke kontinentov i civilizacij: iz opyta obrazovaniya i raspada imperij X–XVI vv. M., 1996. 767 s.
16. Chotonov U. Ch. Kyrgyzstan po puti suvereniteta // Istoriko-politicheskij analiz. Bishkek, 2007. 384 s.

16. Чотонов У. Ч. Кыргызстан по пути суверенитета // Историко-политический анализ. Бишкек, 2007. 384 с.
17. Шафранов А. Разграничение контрольной и надзорной деятельности в сфере исполнительной власти // Право и жизнь. 2006. № 91 (1).

Для цитирования:

Саидов Фархад Зирофович. Институт Народного Курултая в Киргизской Республике: история, современность, перспективы // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 1 (69). С. 65–71.

For citation:

Saidov Farhad Zirofovich. Institute of National Kurultai in the Kyrgyz Republic: History, Modernity, Prospects // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1 (69). P. 65–71.

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА России

Беляева Лариса Ивановна,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры уголовной политики,
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

E-mail: beliaeva_055@mail.ru

Мартыненко Наталия Эдуардовна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовной политики,
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8;
профессор кафедры правового
обеспечения рыночной экономики отделения
«Высшая школа правоведения» ИГСУ РАНХиГС
Российская Федерация 119571, г. Москва,
пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1

ORCID 0000-0002-0996-4389

E-mail: kafedra_up_au@vail.ru

Научная специальность:
5.1.4. Уголовно-правовые науки

УДК 343.271

DOI 10.24412/2072-9391-2024-169-72-79

Дата поступления статьи: 8 февраля 2024 г.
Дата принятия статьи в печать: 20 марта 2024 г.

Криминальная субкультура и ее уголовно-правовая оценка

Criminal Subculture and Its Criminal Legal Assessment

Аннотация

Актуальность исследования: в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации дважды вносились законопроекты, в которых предлагалось установить уголовную ответственность за распространение преступной субкультуры среди несовершеннолетних. В свою очередь Государственная Дума Рос-

Larisa Ivanovna Belyaeva,
Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Professor at the Department of Criminal Policy,
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8

E-mail: beliaeva_055@mail.ru

Nataliya Eduardovna Martynenko,
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Criminal Policy,
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8;
Professor of the Department of Legal Support
of Market Economics,
Department of Higher School of Law, IGSU RANEP
Russian Federation, 119571, Moscow,
Vernadsky Av., 82, building 1

ORCID 0000-0002-0996-4389

E-mail: kafedra_up_au@mail.ru

Scientific specialty:
5.1.4. Criminal Law Sciences

Abstract

Relevance of the study: draft laws were twice submitted to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, which proposed to establish criminal liability for the spread of criminal subculture among minors. In turn, the State Duma of the Russian Federation rejected these proposals. However, attempts to legislate the con-

сийской Федерации данные предложения отклоняла. Однако попытки законодательно закрепить понятие «криминальная субкультура» и установить за ее распространение уголовную ответственность продолжают. Неоднозначен подход и к уголовно-правовой оценке преступной субкультуры в науке уголовного права. Сложившаяся ситуация требует поиска новых подходов к возможности формализации понятия «преступная субкультура».

Постановка проблемы: не одно десятилетие научную общественность волнуют ответы на вопросы о том, возможно ли установить уголовную ответственность за распространение криминальной субкультуры в целом и среди несовершеннолетних в частности? Как следует предупреждать распространение преступной субкультуры? Чтобы ответить на эти вопросы авторы анализируют различные точки зрения на понятие «криминальная субкультура», определяют возможность его закрепления в Уголовном кодексе Российской Федерации, а также рассматривают проблему предупреждения распространения криминальной субкультуры вне сферы действия указанного кодекса.

Цель исследования: анализ уголовно-правовой оценки в Уголовном кодексе Российской Федерации криминальной субкультуры и обоснование вывода о нецелесообразности и невозможности формализации понятия «криминальная субкультура».

Методы исследования: анализ, синтез, описание, сравнение.

Результаты и ключевые выводы: никакие запретительные меры не способны изменить взгляды, вкусы, нравственные установки, поэтому установить уголовную ответственность за распространение преступной субкультуры в той части, которая не является проявлением правонарушающего поведения, невозможно. А для изменения нравственных убеждений, идеологических взглядов и вкусов представляется необходимым укрепить духовно-нравственные основы общества.

Ключевые слова: культура; духовно-нравственные ценности; субкультура; криминальная субкультура; преступность; молодежь; вовлечение в криминальную субкультуру; уголовная ответственность; предупреждение; прогнозирование.

cept of “criminal subculture” and establish criminal liability for its spread continue. The approach to the criminal legal assessment of the criminal subculture in the science of criminal law is also ambiguous. The current situation requires the search for new approaches to the possibility of formalizing the concept of “criminal subculture”.

Problem statement: for decades, the scientific community has been concerned about answers to questions about whether it is possible to establish criminal liability for the spread of criminal subculture in general and among minors in particular? How should the spread of a criminal subculture be prevented? To answer these questions, the authors analyze various points of view on the concept of “criminal subculture”, determine the possibility of its consolidation in the Criminal Code of the Russian Federation, and also consider the problem of preventing the spread of criminal subculture outside the scope of the specified code.

The purpose of the study is to analyze the criminal legal assessment of the criminal subculture in the Criminal Code of the Russian Federation and substantiate the conclusion that it is inappropriate and impossible to formalize the concept of “criminal subculture”.

Research methods: analysis, synthesis, description, comparison.

Results and key conclusions: no prohibitive measures are capable of changing views, tastes, and moral attitudes, therefore it is impossible to establish criminal liability for the spread of a criminal subculture in the part that is not a manifestation of offending behavior. And in order to change moral beliefs, ideological views and tastes, it seems necessary to strengthen the spiritual and moral foundations of society.

Keywords: culture; spiritual and moral values; subculture; criminal subculture; crime; youth; involvement in criminal subculture; criminal liability; prevention; forecasting.

Поводом к написанию настоящей статьи стало периодическое появление на разных уровнях идеи о законодательном закреплении понятия «криминальная субкультура», поскольку в настоящее время оно отсутствует. Известно, что уже предпринято несколько

«попыток» по изменению данной правовой ситуации. Так, 20 июля 2017 г. в Государственную Думу Российской Федерации поступил проект федерального закона № 318286-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части запрета пропа-

ганды криминальной субкультуры»¹. Данный проект был посвящен вопросу о запрете криминальной субкультуры. Член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации А. В. Беляков, предоставивший данный законопроект, предложил внести изменения в Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», в Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющий вред их здоровью и развитию», а также в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В данных поправках присутствовало понятие «криминальная субкультура», под которой сенатором было предложено понимать социокультурные ценности преступного мира [17, с. 108]. Однако данный законопроект был отклонен.

Основными причинами его отклонения являются: а) наличие в п. 2 ст. 5 Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющий вред их здоровью и развитию» запрета на распространение сведений, которые оправдывают поведение, противоречащее праву; б) в предложенном тексте содержатся понятия неопределенного характера «социокультурные ценности преступного мира», «пропаганда криминальной субкультуры», в конечном счете представляющие собой факторы коррупциогенного характера.

Следующая попытка формализации понятия «преступная субкультура» была предпринята сенатором А. Д. Башкиным. Последний направил в Государственную Думу Российской Федерации законопроект федерального закона от 18 августа 2020 г. № 1009841-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в части реализации механизмов профилактики и противодействия распространению криминальных субкультур в Российской Федерации», в рамках которого сенатор предложил следующее содержание термина «криминальная субкультура»: система принципов, взглядов, образа жизни и норм поведения, разделяемых группой лиц, неформально объединяющихся в целях популяризации и продвижения уголовных традиций, атрибутики уголовного мира, проявления нетерпимости к законопослушному поведению

и оправдания преступного поведения. Данный законопроект также был снят с рассмотрения.

Предложения о том, чтобы закрепить в теории криминологии и уголовно-исполнительного права понятие «преступная субкультура» высказываются специалистами уголовно-правовых наук в диссертационных исследованиях [20, с. 7].

Для того, чтобы поддержать или опровергнуть эту идею следует понять, что есть «криминальная субкультура» по своей сути.

Как показывает проведенное исследование, вопросы, связанные с криминальной субкультурой, не новы. Они имеют достаточно давние исторические корни. В XIX в. к ним обращались такие исследователи, как Ч. Ломброзо, В. Трахтенберг, В. Попов, И. Путилин и другие.

Научной разработкой данной проблематики занимались известные ученые-криминологи: М. Н. Гернет, Д. А. Дриль, П. И. Люблинский и другие.

Интерес к теме сохранялся и в первой половине XX в., во второй его четверти. Преимущественно это находило отражение в справочных материалах Н. Виноградова, Б. Глубоковского, В. Танкова и других.

Первым исследователем субкультур был Т. Селлин, который обратил внимание на их наличие и различия [24]. Исследователь приходит к выводу о том, что одним из видов субкультуры является криминальная субкультура, то есть субкультура, связанная с преступностью. Теоретическое осмысление эта связь получила в первой половине XX в.

Термин «субкультура» активно использовал социолог А. Ли [23]. Дальнейшее углубление и развитие теория субкультур нашла в работе А. Коэна [22].

Именно во второй половине XX в. с развитием криминологии криминальная субкультура нашла наиболее глубокое научное осмысление. К этой теме в разное время обращались такие известные отечественные специалисты, как Ю. К. Александров, В. М. Анисимков, Ю. М. Антонян, М. М. Бабаев, А. И. Гуров, А. И. Долгова, О. П. Дубягина, И. М. Мацкевич, Д. А. Корецкий, В. Н. Кудрявцев, С. Я. Лебедев, Д. А. Ли, В. В. Лунеев, В. С. Овчинский, В. Ф. Пирожков, О. В. Старков, Д. А. Шестаков и другие.

Криминальная субкультура представляла определенный интерес и для некоторых отечественных писателей: В. М. Дорошевича, Ф. М. Достоевского, В. В. Крестовского, А. П. Чехова, В. Т. Шаламова, А. И. Солженицина.

Данному вопросу посвящены и работы многих современных исследователей [2, с. 177–182; 7, с. 97–106; 10, с. 11–15; 18; 20].

Несмотря на столь значительный интерес к криминальной субкультуре, официального ее

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части запрета пропаганды криминальной субкультуры : проект федер. закона № 318286-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/318286-7?ysclid=lu0s7og485218653481> (дата обращения: 11.01.2024).

определения не существует. Если термин «криминальная (ый)» (от лат. *criminalis* — преступный) достаточно хорошо известен юристам-криминологам, поскольку он и все, что с ним связано, входит в предмет (как теперь принято называть) уголовно-правовых наук, то термин «субкультура» далек от юриспруденции. Поэтому юристы при его анализе не могут не обращаться к работам ученых-лингвистов. Именно они изучают современный русский язык, включая сленг, жаргон, историю их происхождения и первоначальное значение [1, с. 113–118]. Хотя термин «субкультура» изучается и философами, и социологами, и педагогами и представителями других научных направлений [14, с. 99–101].

Известно, что не единожды предлагались его определения, такие как «относительно самостоятельная часть целостного образования культуры, проявляющаяся в самых разнообразных формах: внешности, одежде, поведении, ценностных пристрастиях, языке (в том числе и жаргонной речи) и т. п.» [13, с. 163]; «специфическая сфера культуры, отличающаяся собственным ценностным строем, обычаями, нормами» [6, с. 252].

Какие бы определения термина «субкультура» не давали специалисты, объединяет их то, что под ней все они понимают культурные особенности какой-либо группы, выделяющейся внутри национальной культуры и обычно объединенной каким-либо социальным признаком. Этим признаком может быть и возраст (несовершеннолетние, молодежь), и профессия (работники лесной отрасли, учителя, спортсмены), и гражданство (коренные народы, иностранцы, мигранты). То есть субкультура это прежде всего ценностные установки, определенная модель поведения отдельной социальной группы, которые отличаются от господствующей в обществе культуры. Субкультура может иметь тесную связь с культурой, но может не просто кардинально от нее отличаться, а быть ее антиподом [4, с. 112–115].

Отношение к термину «криминальная субкультура» неоднозначно. По мнению некоторых исследователей, использование этого термина возможно только в случае, если криминальная субкультура базируется на тех же основополагающих ценностях, что и культура общества [12, с. 316].

Криминальную субкультуру можно определить как обособленный вид субкультуры, имеющей своеобразную, характерную лишь для нее систему ценностей, интересов, обычаев, традиций, норм и правил поведения, совокупность и взаимосвязь которых является основой образа действий и взаимоотношений лиц, совершивших или склонных к совершению преступлений, в том числе и осужденных, находящихся в изоляции от общества.

Криминальная субкультура — системное образование. В его состав входят отдельные, относительно самостоятельные звенья (своего рода мини-

субкультуры), которые в своей совокупности и образуют общее целое — криминальную субкультуру. Такими звеньями являются: субкультура воров-карманников; субкультура мошенников; субкультура организованных преступных групп; субкультура молодежных асоциальных групп; субкультура рецидивистов; субкультура ЛГБТ; субкультура дистанцированного от общества поведения — алкоголики, наркоманы, лица, участвующие в незаконном обороте наркотиков и пр.

Криминальная субкультура включает в себя ряд устойчивых элементов, обеспечивающих существование и воспроизводство криминального мира. К числу таких элементов можно отнести следующие: строгая организационная структура (иерархичность лиц, входящих в определенный криминальный круг); строгая система неписанных норм (правил) поведения как внутри данного круга, так и за его пределами; отличительные знаки — имя, исключаящее из обывательской жизни (ключики), татуировки; особый язык и система передачи информации — криминальный жаргон, шифрование информации, особые знаки, жесты, сигналы; особые ритуалы, характеризующие криминальный образ жизни; предпочтения в поэтических произведениях, песнях, одежде, времяпрепровождении и пр. [19, с. 46–52]. Содержание этих элементов отличает субкультуры различных криминальных образований — минисубкультур. Криминальная субкультура проявляется в поведении и отношениях людей.

Все эти элементы криминальной субкультуры лежат в основе криминализации сознания и поведения, в особенности молодежи, и способствуют воспроизведению правонарушающего, преступного поведения [9, с. 541–551].

По общему мнению, под криминальной субкультурой понимается образ жизни, система политических, идеологических, правовых, нравственных, философских, религиозных, эстетических «норм», манера поведения, образ мышления и традиции лиц, разделяющих криминальные настроения, совершивших преступление или отбывавших (отбывающих) наказание в местах лишения свободы, со своими отличительными чертами в зависимости от пола и возраста осужденных, режима исправительного учреждения, тяжести совершенного уголовно-правового деяния [20, с. 7]; «часть общей культуры общества, представляющая собой систему духовных и материальных ценностей, традиций и обычаев, присущих социальным группам (сообществам), имеющим криминальную направленность» [16, с. 290].

Иными словами, криминальная субкультура характеризуется своей идеологией, в основе которой лежит культ силы, обеспечиваемый властью, авторитетом, деньгами, оружием, физической силой; особой системой нравственных норм, противоречащих нормам общесоциальным; соответ-

ствующей криминальной идеологией и нравственностью образа жизни; внутренней организацией жизни и системы отношений; соответствующим этому поведением противоправного характера.

Из этого следует, что криминальная субкультура это — «исторически изменчивое криминогенное фоновое явление, представляющее собой единство идеологии, особых норм поведения, традиций преступного мира, а также внешних вербальных и невербальных индикаторов принадлежности к нему, которые принимаются и распространяются преступниками, правонарушителями и желающими им подражать законопослушными лицами в целях эффективной организации криминальной жизнедеятельности и вовлечения в нее новых членов путем широкого распространения авторитета лидеров преступной иерархии, а также воспитания в обществе толерантности к противоправному поведению» [17, с. 108].

Все определения преступной субкультуры объединяют большое количество оценочных признаков, которые невозможно формализовать. В связи с этим обратим внимание на предложение А. М. Воронова [3, с. 67–72] о такой формализации, с чем вряд ли можно согласиться.

Поскольку криминальная субкультура это система ценностей, вряд ли ее можно вообще закрепить и запретить в каком-либо нормативном правовом акте. А вот та часть криминальной субкультуры, которая проявляется в поведении, безусловно, требует соответствующей правовой реакции государства. Аксиомой уголовного права является положение о том, что правовой оценке подлежит только осознанное волевое поведение, но не взгляды, мысли, вкусы, миропонимание, духовные воззрения, если они не выражаются в конкретном общественно опасном поведении. Соответственно этому Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает ответственность за проявление определенных взглядов во вне, то есть в поведении, например, ст. 32–35 — соучастие в преступлении; ст. 150 — «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления»; ст. 151 — «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий»; ст. 210 — «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)»; ст. 210¹ — «Занятие высшего положения в преступной иерархии»; ст. 241 — «Организация занятия проституцией»; ст. 205, 205¹–205⁵ — терроризм; ст. 282¹–282³ — экстремизм и др. Здесь находит отражение уголовно-правовая оценка той части криминальной субкультуры, которая характеризуется поведенческими особенностями. Это подтверждает и отказ Государственной Думы Российской Федерации включить понятие «преступная субкультура» в нормативные правовые акты, установить ответственность за ее распространение, поскольку ее составной частью являются нравственные, ду-

ховные начала личности, которые закону не подвластны.

Достаточно определенно и убедительно относительно дополнения уголовного законодательства нормами об ответственности за вовлечение в криминальную субкультуру высказались известные специалисты С. М. Кочои и К. З. Трапаидзе, признав такое дополнение нецелесообразным [11, с. 91–101].

Стоит отметить, что криминальная субкультура представляет собой такую ценностную систему, состоящую из специфических интересов, традиций, обычаев, правил и норм, которая формирует деятельность группы лиц, поддерживающих ее жизнедеятельность. Ценностно-ориентационной установкой преступной и, в свою очередь, оппозиционной субкультуры является совершение преступлений и уклонение от ответственности за совершенное. Поэтому, прежде всего, вероятно, следует говорить не об общественной опасности преступной субкультуры, а об общественной опасности лица, которое ее волюно или неволюно пропагандирует.

Следует учитывать, что российской государство осуществляет борьбу с криминальной субкультурой. Об этом свидетельствует правоприменительная практика. Так, известное в соответствующих кругах движение «Арестантское уголовное единство», пропагандировавшее тюремный уклад и соответствующую ей «воровскую» субкультуру, в том числе среди несовершеннолетних, было запрещено решением Верховного Суда Российской Федерации (дело № АКПИ20-514С от 17 августа 2020 г.).

В любом обществе проявления криминальной субкультуры носят не только внешний характер, выражающийся в использовании в ее деятельности, кроме определенной атрибутики: татуировок, жаргона, специфического тюремного, блатного фольклора, еще и определенной идеологии, мировоззренческого ядра, в котором имеются свои идеалы, своя ценностная система, идущие в противоборство с общепринятой [21, с. 272]. Говоря о современной криминальной субкультуре, следует принять во внимание, что в настоящее время она является неотъемлемым элементом современной молодежной моды: мы видим повсеместное распространение татуировок, использование в речи жаргонных слов, элементов системы отношений и правил поведения, свойственных криминальной среде, пренебрежение к официальным правилам поведения и пр.

Кроме того, не может быть незамеченным то, что в повседневной жизни граждан используются отдельные элементы криминальной субкультуры, в частности в разговорной речи, в общении, средствах массовой информации, в выступлениях официальных лиц и пр. Такое широкое использование элементов криминальной субкультуры спо-

способствует криминальному заражению общества, в особенности молодежи [5, с. 62–65].

Особую роль в распространении ценностей криминальной субкультуры занимают средства массовой информации, допускающие манипуляции с традиционными духовными ценностями, подробное описание и восхваление человеческих пороков, разрушение нравственности [8, с. 672–675]. Пропаганда криминальной субкультуры осуществляется незаметно путем повествования о преступлениях и лицах, их совершивших. Почти на всех каналах ежедневно идут передачи криминальной направленности. В них героями, которые так необходимы в жизни молодых людей, являются представители криминалитета.

Исследователями отмечается, что эффективно влияют на распространение криминальной субкультуры представители массовой культуры (певцы, писатели и др.) [6]. Безусловно, потенциал криминальной субкультуры, разрушающий ценностные устои общества, способствует выживанию, сплочению преступной среды, повышению ее активности и мобильности, создает позитивные условия для рекрутирования новых молодых сил.

Криминальная субкультура являет собой «живой организм»: она развивается, меняется соответственно тому, как развивается и меняется система общественных отношений, меняется преступность. Достаточно сказать, что преступность групповая существовала с незапамятных времен. Однако преступность «скопов и шаек» времен Н. С. Таганцева и современная организованная преступность — совершенно разные социальные явления. И характер криминальной субкультуры претерпел изменения. «Современное сообщество «воров в законе», — отмечает С. И. Шпак, — практически переродилось в мафиозно-ганстерскую организованную преступность и сохранило свои традиции в некоторых формальных ритуалах, имеющих больше символическое, чем практическое значение» [21, с. 274].

При этом криминальная субкультура никуда не ушла. Она сохраняет свою структуру, выполняет свои функции. Изменилось содержание, появились новые традиции и обычаи. Криминальная субкультура существует объективно, она — плоть от плоти преступности, с ней связана, ею обусловлена. В свою очередь, преступность живет пока есть цементирующая ее сила — криминальная субкультура. Признание этого факта не означает, что она живет сама по себе. Во многом ее жизнеспособность зависит от внешней культурной среды.

На необходимость понимания этого обстоятельства обращал внимание известный исследователь этого социального явления В. Ф. Пирожков, который подчеркивал, что криминальная субкультура есть вполне реальное и объективное явление, находящееся в сложной взаимосвязи с культурой общества, социальными процессами, происходя-

щими в нем, динамикой преступности в стране, изменением ее количественных и качественных показателей [15, с. 288].

Из этого следует, что предупреждение криминального заражения и распространения криминальной субкультуры не может быть сведено к соответствующей работе с правонарушителями. Как отмечал в упомянутой работе В. Ф. Пирожков, человек примыкает к криминальной субкультуре вследствие неполного включения в общесоциальную культуру, неудовлетворения как элементарных, так и высших потребностей, своей социальной ролью в системе официальных отношений. Криминальная субкультура воспринимается как возможность проявить себя и получить признание [13, с. 57].

Познание особенностей криминальной субкультуры направлено на то, чтобы уменьшить «поле» ее распространения и объем социального вреда от нее. Для этого рекомендуется постоянно изучать изменения в криминальной субкультуре и осуществлять прогнозирование в ее развитии, как и динамики преступности, укреплять в обществе основы духовно-нравственных ценностей и стимулировать негативное отношение к криминальному поведению и криминальной идеологии, совершенствовать работу по нейтрализации отрицательного влияния на молодежь криминальной субкультуры.

Поиск путей и способов противодействия распространению криминальной субкультуры, выделение факторов влияния преступных традиций и обычаев на общество — важное направление для науки и практики. Для разрешения этой проблемы необходимо осуществление прежде всего духовно-нравственных мер, направленных на оздоровление правосознания граждан. Никакие запретительные меры не способны изменить взгляды, вкусы, нравственные установки. Это возможно только посредством укрепления духовно-нравственных основ общества, на что направлены «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»².

Представляется, что прежде всего следует реализовать уже имеющиеся нормативные правовые, педагогические, психологические и методические возможности предупреждения распространения преступной субкультуры, в том числе среди несовершеннолетних. Для этого не требуется внесения в нормативные правовые акты ее понятия и ответственности за ее распространение. Той уголовно-правовой оценки поведенческих проявлений криминальной субкультуры, которая уже дана в Уголовном кодексе Российской Федерации, достаточно для соответствующего реагирования.

² Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Рос. Федерации от 9 нояб. 2022 г. № 809 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

Список литературы:

1. Аминова В. А. К вопросу о термине «субкультура» // Вестник Московского университета. Сер. 19 : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 113–118.
2. Баранов Н. П. Криминологический и психологический аспекты криминальной идеологии и образа жизни в криминальной субкультуре осужденных // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25 (1–4). № 2. С. 177–182.
3. Воронов А. М. Правовое противодействие криминальной субкультуре как угрозе национальной безопасности современной России // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 5. С. 67–72.
4. Гусев М. В. Проблема распространения криминальной субкультуры в России // Вестник Кузбасского технического университета. 2007. № 5 (63). С. 106–111.
5. Денисович В. В. Криминологическое значение криминальной субкультуры // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 20 (349). Экономика. Вып. 40. С. 62–65.
6. Донских Д. Г. Понятие и соотношение терминов субкультура и контркультура. Криминальная субкультура // Бизнес в законе. 2009. № 2. С. 251–252.
7. Злоказов К. В. Влияние криминальной субкультуры на взаимодействие несовершеннолетних правонарушителей с социальным окружением // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16. № 1 (57). С. 97–104.
8. Иванова А. А. Криминальная культура как детерминант преступности // Российский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 4. С. 671–681.
9. Кикоть В. Я., Столяренко А. М., Беляева Л. И. [и др.]. Криминальная педагогика // Юридическая педагогика / под ред. В. Я. Кикоты, А. М. Столяренко. М., 2004. 895 с.
10. Кашуба Ю. А. Возможности создания системы исправительных центров // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26 (1–4). № 1. С. 11–15.
11. Кочои С. М., Трапайдзе К. З. Нужно ли признаватьотячающим наказание обстоятельством «вовлечение несовершеннолетнего в криминальную субкультуру»? // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 3 (136). С. 91–101.
12. Криминология : учеб. для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005. 912 с.

References:

1. Aminova V. A. On the term “subculture” // Moscow University Bulletin. Ser. 19 : Linguistics and Intercultural Communication. 2013. № 2. S. 113–118.
2. Baranov N. P. Criminological and psychological aspects of the criminal ideology and way of life in the criminal subculture of convicts // Man: Crime and Punishment. 2017. T. 25 (1–4). № 2. S. 177–182.
3. Voronov A. M. Legal opposition to the criminal subculture as a threat to the national security of modern Russia // Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 5. S. 67–72.
4. Gusev M. V. The problem of the spread of criminal subculture in Russia // Bulletin of the Kuzbass Technical University journal. 2007. № 5 (63). S. 106–111.
5. Denisovich V. V. Criminology is criminal subculture // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2014. № 20 (349). Economy. Issue 40. S. 62–65.
6. Donskih D. G. Definition and correlation of subculture and counterculture. Criminal subculture // Business in Law. 2009. № 2. S. 251–252.
7. Zloказov K. V. Impact of Criminal Subculture on Social Interaction of Juvenile Offenders // Penitentiary Science. 2022. T. 16. № 1 (57). S. 97–104.
8. Ivanova A. A. Criminal culture as a determinant of crime // Russian Journal of Criminology. 2016. T. 10. № 4. S. 671–681.
9. Kikot' V. Ya., Stolyarenko A. M., Belyaeva L. I. [i dr.]. Kriminal'naya pedagogika // Yuridicheskaya pedagogika / pod red. V. Ya. Kikotya, A. M. Stolyarenko. M., 2004. 895 s.
10. Kashuba Yu. A. Possibilities of creating a system of correctional centers // Man: Crime and Punishment. 2018. T. 26 (1–4). № 1. S. 11–15.
11. Kochoi S. M., Trapaidze K. Z. Is it Important to Recognize "Engagement of a Minor in a Criminal Subculture" as an Aggravating Circumstance? // Actual Problems of Russian Law. 2022. T. 17. № 3 (136). S. 91–101.
12. Kriminologiya : ucheb. dlya vuzov / pod obshch. red. A. I. Dolgovoij. 3-e izd., pererab. i dop. M., 2005. 912 s.
13. Milyutin Yu. E. Razmyshlenie o verbal'nom yazyke molodezhnoj kul'tury // Vvedenie v kul'turologiyu : kurs lekcij / pod red. Yu. N. Solonina, E. G. Sokolova. SPb., 2003. S. 160–163.
14. Pavlova A. Yu. Subkul'tura i social'noe vremya // Chelyabinskij gumanitarij. 2011. № 3 (16). S. 99–101.

13. Милютин Ю. Е. Размышление о вербальном языке молодежной культуры // Введение в культурологию : курс лекций / под ред. Ю. Н. Солониной, Е. Г. Соколова. СПб., 2003. С. 160–163.
14. Павлова А. Ю. Субкультура и социальное время // Челябинский гуманитарий. 2011. № 3 (16). С. 99–101.
15. Пирожков В. Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура). Тверь, 1994.
16. Родин С. Г. Понятие и сущность криминальной субкультуры // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 2. С. 287–290.
17. Сысолина Н. С., Берестовой А. Н. Криминальная субкультура как криминогенное фоновое явление: понятие и признаки / Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 3 (58). С. 107–113.
18. Тулегенов В. В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 228 с.
19. Хисамутдинов Ф. Р., Шалагин А. Е. Криминальная субкультура и ее предупреждение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2 (20). С. 46–52.
20. Шемякина В. В. Криминальная субкультура в современной России : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 201 с.
21. Шпак С. И. Криминальная субкультура как социальный феномен // Общество и право. 2012. № 2 (39). С. 271–275.
22. Cohen F. Delinquent boys: the Culture of the gang. N. Y., 1955.
23. Lee A. Levels of Culture as Levels of Social Generalization // American Sociological Review. 1945. № 10. P. 125–143.
24. Sellin T. Culture Conflict and Crime. N. Y., 1938. 116 s.
15. Pirozhkov V. F. Zakony prestupnogo mira molodezhi (kriminal'naya subkul'tura). Tver', 1994.
16. Rodin S. G. Concept and essence of criminal subculture // The Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 2. S. 287–290.
17. Sysolina N. S., Berestovoj A. N. Criminal subculture as a criminogenic background phenomenon: concept and features // Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2021. № 3 (58). S. 107–113.
18. Tulegenov V. V. Kriminal'naya subkul'tura i ee kriminologicheskoe znachenie : dis. ... kand. jurid. nauk. Rostov-na-Donu, 2003. 228 s.
19. Hisamutdinov F. R., Shalagin A. E. Criminal subculture and its prevention // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia. 2015. № 2 (20). S. 46–52.
20. Shemyakina V. V. Kriminal'naya subkul'tura v sovremennoj Rossii : dis. ... kand. jurid. nauk. Chelyabinsk, 2010. 201 s.
21. Shpak S. I. Criminal subculture as a social phenomenon // Society and Law. 2012. № 2 (39). S. 271–275.
22. Cohen F. Delinquent boys: the Culture of the gang. N. Y., 1955.
23. Lee A. Levels of Culture as Levels of Social Generalization // American Sociological Review. 1945. № 10. P. 125–143.
24. Sellin T. Culture Conflict and Crime. N. Y., 1938. 116 s.

Для цитирования:

Беляева Лариса Ивановна, Мартыненко Наталья Эдуардовна. Криминальная субкультура и ее уголовно-правовая оценка // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 1 (69). С. 72–79.

For citation:

Belyaeva Larisa Ivanovna, Martynenko Nataliya Eduardovna. Criminal Subculture and Its Criminal Legal Assessment // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1 (69). P. 72–79.

Мангасаров Руслан Анатольевич,
кандидат юридических наук,
начальник отделения по изучению
проблем психологического обеспечения
оперативно-служебной деятельности
научно-исследовательского центра,
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

E-mail: mangasarov_pro@mail.ru

Научная специальность:
5.1.4. Уголовно-правовые науки

УДК 343.9

Ruslan Anatol'evich Mangasarov,
Candidate of Law,
Head of the Department for the Study of Problems
of Psychological Support of Operational and Service
Activities of the Research Center,
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8

E-mail: mangasarov_pro@mail.ru

Scientific specialty:
5.1.4. Criminal Law Sciences

DOI 10.24412/2072-9391-2024-169-80-87

Дата поступления статьи: 26 декабря 2023 г.

Дата принятия статьи в печать: 20 марта 2024 г.

Профилактика хищений бюджетных средств

Prevention of Embezzlement of Budget Funds

Аннотация

Актуальность исследования: бюджетные средства являются ключевым финансовым ресурсом, направленным на обеспечение реализации государственных программ и национальных проектов в Российской Федерации. Хищения бюджетных средств препятствуют эффективному осуществлению функций государства и решению стоящих перед ним задач. В связи с этим правоохранительным органам необходимо своевременно принимать меры, направленные на поиск и адаптацию к своевременным вызовам методик противодействия хищениям бюджетных средств, не менее важную роль при этом играет профилактика указанных преступлений.

Постановка проблемы: в статье дан краткий анализ существующих правовых и организационных проблем правоохранительных органов, возникающих в борьбе с хищениями бюджетных средств, приводятся некоторые выводы и предложения по совершенствованию деятельности правоохранительных органов в сфере профилактики хищений бюджетных средств, в том числе путем внедрения риск-ориентированного подхода.

Цель исследования: подготовить научно-обоснованные предложения для повышения эффективности профилактики хищений бюджетных средств.

Методы исследования: анализ, описание, сравнение, синтез, контент-анализ (при подбо-

Abstract

Relevance of the study: budgetary funds are a key financial resource aimed at ensuring the implementation of state programs and national projects in the Russian Federation. Embezzlement of budgetary funds prevents the effective implementation of the functions of the state and the solution of the tasks facing it. In this regard, law enforcement agencies need to take timely measures aimed at finding and adapting methods of countering embezzlement of budget funds to timely challenges, while prevention of these crimes plays an equally important role.

Problem statement: the article provides a brief analysis of the existing legal and organizational problems of law enforcement agencies that arise in the fight against embezzlement of budget funds, provides some conclusions and suggestions for improving the activities of law enforcement agencies in the field of prevention of embezzlement of budget funds, including through the introduction of a risk-based approach.

The purpose of the study: to prepare scientifically based proposals to improve the effectiveness of prevention of embezzlement of budget funds.

Research methods: analysis, description, comparison, synthesis, content analysis (in the selection and study of material on the topic); comparative law (in the study of legal phenomena and theories of normative legal acts).

ре и изучении материала по теме); сравнительно-правовой (при изучении правовых явлений и теорий нормативных правовых актов).

Результаты и ключевые выводы: основываясь на результатах исследования, автор приходит к выводу, что важным направлением совершенствования работы органов внутренних дел по профилактике хищений бюджетных средств является эффективное сочетание мер общей и индивидуальной профилактики. На профилактику рассматриваемых преступлений положительно повлияют: налаживание деятельности профессиональных структурных подразделений, отвечающих за указанную работу; создание концепции профилактики хищений бюджетных средств, предусматривающей критерии оценки данной деятельности; формирование Правительственной комиссии по вопросам профилактики хищений бюджетных средств, в основе деятельности которой предполагается внедрение риск-ориентированного подхода, а также внесение комплексных изменений в нормативные правовые акты Российской Федерации по внедрению в сферу государственной поддержки информационно-коммуникационных технологий, таких как «Смарт-контракты», «Счета эскроу», «Цифровые рубли», «Блокчейн сети» и др.

Ключевые слова: профилактика хищений бюджетных средств; экономические преступления; риск-ориентированный подход; оперативно-розыскная деятельность; экономическая безопасность; противодействие коррупции; информационно-коммуникационные технологии.

Results and key conclusions: based on the results of the study, the author concludes that an important direction for improving the work of internal affairs agencies to prevent embezzlement of budget funds is an effective combination of general and individual prevention measures. The prevention of the crimes under consideration will be positively influenced by: the establishment of the activities of professional structural units responsible for this work; the creation of a concept for the prevention of embezzlement of budget funds, providing criteria for evaluating this activity; formation of a Government Commission on the prevention of embezzlement of budget funds, which is supposed to be based on the introduction of a risk-based approach, as well as making comprehensive changes to regulatory legal acts of the Russian Federation on the introduction of information and communication technologies into the sphere of state support, such as Smart Contracts, Escrow Accounts, Digital Rubles, "Blockchain Networks", etc.

Keywords: prevention of embezzlement of budget funds; economic crimes; risk-based approach; operational investigative activities; economic security; anti-corruption; information and communication technologies.

Введение. В соответствии с п. 41 Указа Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» важнейшими направлениями обеспечения национальной безопасности являются совершенствование единой государственной системы профилактики преступности и формирование в обществе атмосферы нетерпимости к противоправной деятельности¹.

Особую значимость сегодня приобретает профилактическая деятельность в бюджетной сфере. Согласно Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208, задачей стратегического значения является борьба с хищениями бюджетных средств².

Несмотря на важность и значимость профилактики хищений в бюджетной сфере, стоит отметить недостаточную результативность правоохранительных органов в указанном направлении и высокий уровень криминализации сферы бюджетного финансирования. Так, за первое полугодие 2023 г. сотрудниками полиции выявлено более 5 тыс. преступлений в бюджетной сфере, в 2022 г. — более 9 тыс. преступлений³.

Одним из факторов, негативно сказывающихся на профилактике хищений бюджетных средств, является отсутствие критериев оценки результатов профилактической деятельности, при этом не ведется учет предупрежденным преступлениям. Вместе с тем ключевой критерий оценки работы полиции — раскрываемость преступлений, ежегодно

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27 (ч. 2). Ст. 5351.

² О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Рос. Федерации

от 13 мая 2017 г. № 208 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 20. Ст. 2902.

³ Сведения о преступлениях экономической и коррупционной направленности, выявленных подразделениями правоохранительных органов за 2022 г. и 6 месяцев 2023 г. Форма № 451 («1-А»). М., 2023.

на повышение уровня которой направляются основные усилия.

Важно отметить, что фактически сотрудники полиции регулярно осуществляют деятельность, направленную на профилактику хищений бюджетных средств. Например, сотрудниками подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (далее — ЭБиПК) в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) по фактам различных правонарушений в сфере бюджетного финансирования осуществляется профилактическое воздействие на должностных лиц — распорядителей бюджетных средств путем погружения их в стрессовую ситуацию, которая создается в рамках непосредственного участия в ОРМ (опрос; предоставление сведений по запросу и т. д.), при этом значительно повышается уровень правосознания должностных лиц.

Однако перечисленные меры носят не системный, а зачастую ситуативный характер, вместе с тем отсутствует единый подход к профилактике хищений бюджетных средств. Это свидетельствует о необходимости увеличения количества и качества теоретических и прикладных научных исследований по рассматриваемой теме. Результаты проведенных исследований, имеющие высокое научно-практическое значение, необходимо внедрять в управленческую практику, а также конкретную оперативно-служебную деятельность.

В теории оперативно-розыскной деятельности с учетом особенностей профилактики хищений бюджетных средств определены основные направления профилактики преступлений, а именно:

1. Общая профилактика (устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений).

2. Индивидуальная профилактика (выявление лиц, способных совершить преступления, и оказание на них профилактического воздействия).

Общая профилактика хищений бюджетных средств. Под общей профилактикой хищений бюджетных средств мы предлагаем понимать целенаправленную деятельность субъектов профилактики преступлений по выявлению, устранению и нейтрализации причин и условий рассматриваемых хищений. Вместе с тем, по нашему мнению, общая профилактика должна быть направлена на повышение уровня правовой грамотности и развитие правосознания граждан.

По мнению опрошенных сотрудников ЭБиПК, в общую профилактику хищений бюджетных средств целесообразно включать следующие направления:

- выступления в печати, по радио и телевидению по вопросам обеспечения защиты бюджетных средств. По мнению 85 % респондентов, зна-

чительный вклад в общую профилактику хищений бюджетных средств вносит популяризация результатов работы полиции, в частности размещение в средствах массовой информации материалов о выявленных фактах рассматриваемых преступлений;

- лекции, круглые столы, беседы, доклады и другие выступления на заседаниях государственных органов (распорядителей бюджетных средств), объединений предпринимателей, в образовательных организациях и т. д.;

- оказание организационной, методической и правовой помощи органам, организациям, непосредственно осуществляющим деятельность по контролю за распределением бюджетных средств.

Вместе с тем, по мнению большинства опрошенных сотрудников подразделений ЭБиПК, положительно скажутся на общей профилактике хищений бюджетных средств включение указанных сотрудников в соответствующие комиссии, в ведение которых входит определение получателей бюджетных средств, а также в комиссии, отвечающие за приемку работ и оказанных услуг, в пределах выделенных бюджетных средств, и внесение комплексных изменений в нормативные правовые акты Российской Федерации (Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О банках и банковской деятельности в РСФСР"»⁴, Гражданский кодекс Российской Федерации⁵, Бюджетный кодекс Российской Федерации⁶, Уголовный кодекс Российской Федерации⁷, Налоговый кодекс Российской Федерации⁸, Федеральный закон «О Счетной палате Российской Федерации»⁹ и др.) по внедрению в сферу государственной поддержки в рамках выделения бюджетных средств, перспективных информационно-коммуникационных технологий, в их числе: «Смарт-

⁴ О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О банках и банковской деятельности в РСФСР»: Федер. закон от 3 февр. 1996 г. № 17-ФЗ: принят Гос. Думой 7 июля 1995 г.: одобрен Советом Федерации 21 июля 1995 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 6. Ст. 492.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федер. закон от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ: принят Гос. Думой 22 дек. 1995 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.

⁶ Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ: принят Гос. Думой 17 июля 1998 г.: одобрен Советом Федерации 17 июля 1998 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31. Ст. 3823.

⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁸ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ: принят Гос. Думой 16 июля 1998 г.: одобрен Советом Федерации 17 июля 1998 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31. Ст. 3824.

⁹ О Счетной палате Российской Федерации: Федер. закон от 5 апр. 2013 г. № 41-ФЗ: принят Гос. Думой 22 марта 2013 г.: одобрен Советом Федерации 27 марта 2013 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 14. Ст. 1649.

контракты» [4], «Счета эскроу» [3], «Цифровые рубли», «Блокчейн сети» [2] и др. [5].

Каждый второй опрошенный сотрудник подразделений ЭБиПК отмечает, что для надлежащего осуществления общей профилактики хищений бюджетных средств необходимо достичь качественно нового уровня взаимодействия между МВД России, ФНС России, Росфинмониторингом, ФСБ России, ФТС России, Минобороны России и др., при этом требуется объединить в единую информационную базу имеющийся в каждом ведомстве собственный информационный массив, в том числе включить в эту систему следующую информацию:

- ФНС России: сведения об открытых расчетных счетах, результаты выездных и камеральных налоговых проверок и т. д.;
- Казначейство России: сведения об операциях по расходованию бюджетных средств и т. д.;
- Росфинмониторинг: сведения относительно выявления сомнительных финансовых операций с участием получателя бюджетных средств, субподрядчиков и т. д.;
- ФТС России: сведения на предмет приобретения товаров и услуг, их характеристик и сертификатов и т. д., а также др.

По мнению руководителя Росфинмониторинга Ю. А. Чиханчина, эффективное взаимодействие МВД России с органами государственной власти, органами местного самоуправления, институтами гражданского общества и средствами массовой информации, а также успешное противодействие хищениям бюджетных средств немыслимы без создания единой правовой базы и ее укрепления.

Об этой проблеме Ю. А. Чиханчин говорил на встрече с Президентом Российской Федерации В. В. Путиным: «...главной проблемой выступает отсутствие единой межведомственной базы, которая могла бы позволить автоматизировать решение вопросов обмена информацией в онлайн-режиме. Такого механизма пока нет, и это требует дополнительной совместной работы»¹⁰.

Правительственная комиссия по вопросам профилактики хищений бюджетных средств. Наряду с разработкой единой межведомственной информационной базы, по нашему мнению, важным элементом общей профилактики хищений бюджетных средств для обеспечения экономической безопасности Российской Федерации¹¹ может выступить консолидация государственных органов в рамках Прави-

тельственной комиссии по вопросам профилактики хищений бюджетных средств (далее – Правительственная комиссия), под которой мы понимаем совокупность представителей федеральных органов исполнительной власти, а также иных государственных органов и организаций, осуществляющих профилактику преступлений на объектах, выделяющих бюджетные средства, путем принятия мер организационного, координационного, аналитического, оперативного, нормативно-правового и информационного характера.

Основными членами Правительственной комиссии могут выступить: МВД России, ФНС России, Росфинмониторинг, ФСБ России, Казначейство России, Банк России, ФТС России, Минобороны России, при этом в ее структуре предлагаем предусмотреть:

- межведомственные комиссии на федеральном и региональном уровнях с целью проведения экспертиз проектов, связанных с выделением бюджетных средств;
- профильные структуры по оценке угроз хищений бюджетных средств, возникающих в результате совершения сомнительных операций с бюджетными средствами или иным имуществом, и выработке мер противодействия этим угрозам;
- специализированные аналитические подразделения при государственных органах и организациях, осуществляющие своевременное наполнение и обновление единой информационной базы данных.

По нашему мнению, к основным формам взаимодействия в рамках Правительственной комиссии, исходя из существующих потребностей, необходимо отнести:

1. Создание единого правового пространства взаимодействия.
2. Объединение банков данных, в том числе о выделяемых бюджетных средствах.
3. Электронный обмен информацией.

Риск-ориентированный подход. Для эффективной профилактики хищений бюджетных средств в качестве базовой основы функционирования Правительственной комиссии, думается, внедрить в ее деятельность применение риск-ориентированного подхода, предполагающего проведение на постоянной основе мониторинга и оценки рисков совершения операций, непосредственным образом влияющих на последующее распределение ресурсов, сил и средств органов и организаций, входящих в нее, с учетом результатов такой оценки.

Риск-ориентированный подход нами предлагается неслучайно, так как механизмы оценки риска в целях снижения общей административной нагрузки на государственные органы до-

¹⁰ Встреча с директором Федеральной службы по финансовому мониторингу Юрием Чиханчиным // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62015> (дата обращения: 18.12.2023).

¹¹ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Рос. Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 20. Ст. 2902.

вольно эффективно используется в Германии, Швейцарии, Мексике, Китае и Южной Африке.

В Российской Федерации с целью совершенствования контроль-надзорной деятельности с 2018 г. начался переход от всеобщего надзора к дифференцированному (оценка рисков). При этом риск-ориентированный подход, несмотря на не большой срок применения, смог зарекомендовать себя с положительной стороны, показав способность снижать административную нагрузку на бизнес и повышать эффективность деятельности государственных органов за счет оптимизации использования выделяемых ресурсов (финансовых, материальных, трудовых и т. д.).

В подтверждение наших слов стоит отметить тот факт, что риск-ориентированный подход заложен в основу нормативно-правовых изменений, внесенных в систему государственного и муниципального контроля в Российской Федерации, и закреплён в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»¹². При этом перечень видов федерального государственного контроля (надзора), в отношении которых применяется риск-ориентированный подход, только расширяется.

Изучая вопросы, связанные с совершенствованием оперативно-розыскной деятельности в области противодействия легализации доходов, профессор П. И. Иванов поддерживает нашу позицию относительно высокой эффективности использования риск-ориентированного подхода в рамках предупреждения хищений бюджетных средств. При этом он отмечает, что использование риск-ориентированного подхода, как инновационного метода, обладает рядом существенных преимуществ, а именно:

1) расширяет зону приоритетного мониторинга на предмет своевременного обнаружения возможных рисков;

2) позволяет активно бесконтактно осуществлять межведомственное взаимодействие правоохранительных органов;

3) способствует получению оперативно-значимой информации;

4) сокращает объем привлекаемых ресурсов (трудовых, материальных, финансовых и т. д.) посредством своевременного упреждения возможных рисков причинения имущественного ущерба интересам государства [1].

Таким образом, риск-ориентированный подход, с нашей точки зрения, является наиболее эффективным методом, способствующим своевре-

менному реагированию правоохранительных органов на факты подготавливаемых или совершаемых хищений бюджетных средств, в рамках функционирования Правительственной комиссии.

Для понимания результатов работы Правительственной комиссии по внедрению риск-ориентированного подхода при осуществлении контрольно-надзорной деятельности, по нашему мнению, необходимо выделить следующие основные направления:

— формирование исчерпывающих реестров подконтрольных объектов, установление категорий риска, классов опасности и критериев отнесения к ним объектов, отнесение объектов к определенной категории риска (классу опасности), внедрение модели поддержки перечней объектов в актуальном состоянии, обеспечение публичности и доступности перечней объектов, их категорий риска (классов опасности) и критериев отнесения к ним объектов;

— создание системы сбора объективных данных, позволяющей вести учет причиненного вреда, определение индикаторов риска и показателей для внедрения «динамической модели», а также внедрение модели актуализации индикаторов риска и показателей для «динамической модели» в зависимости от изменений профилей риска;

— переоценка на регулярной основе рисков в зависимости от фактического распределения ущерба по категориям риска (классам опасности), в том числе с использованием массивов «больших данных»;

— внедрение межведомственных карт рисков, проведение международных сопоставлений эффективности систем управления рисками¹³.

Кроме того, на наш взгляд, необходимо сформировать систему категоризации рисков на базе модели, предусмотренной постановлением Правительства Российской Федерации от 17 августа 2016 г. № 806 «О применении риск-ориентированного подхода при организации отдельных видов государственного контроля (надзора) и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации»¹⁴, будут выделяться шесть категорий риска причинения вреда (ущерба), а именно: чрезвычайно высокий риск; высокий риск; значительный риск; средний риск; умеренный риск; низкий риск (см. табл.).

¹³ Паспорт приоритетной программы «Реформа контрольной и надзорной деятельности» (приложение к протоколу президиума Совета при Президенте России по стратегическому развитию и приоритетным проектам от 21 дек. 2016 г. № 12 // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_222109/ (дата обращения: 25.12.2023).

¹⁴ О применении риск-ориентированного подхода при организации отдельных видов государственного контроля (надзора) и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации : постановление Правительства Рос. Федерации от 17 авг. 2016 г. № 806 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 35. Ст. 5326.

¹² О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : Федер. закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ : принят Гос. Думой 22 июля 2020 г. : одобрен Советом Федерации 24 июля 2020 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5007.

Таблица

Категоризация рисков

Категории риска	Периодичность проведения плановых мероприятий	Учет рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям при проведении контрольных (надзорных) мероприятий
Чрезвычайно высокий риск	Максимальная частота проведения плановых контрольных (надзорных) мероприятий – не менее одного, но не более двух контрольных (надзорных) мероприятий в год	Периодичность плановых контрольных (надзорных) мероприятий определяется по каждому виду контрольных (надзорных) мероприятий для каждой категории риска. Положением о виде контроля может быть установлено, что частота проведения плановых контрольных (надзорных) мероприятий в отношении объектов контроля, отнесенных к определенным категориям риска, определяется в рамках иных, за исключением одного года, периодов времени либо устанавливается в связи с наступлением определенных событий. Положением о виде контроля в отношении объектов контроля, отнесенных к определенным категориям риска, могут устанавливаться сокращенные сроки проведения контрольных (надзорных) мероприятий; особенности их содержания; объем представляемых документов, инструментального обследования, проводимых испытаний, экспертиз и экспериментов
Высокий риск	Средняя частота проведения плановых контрольных (надзорных) мероприятий – не менее одного контрольного (надзорного) мероприятия в четыре года и не более одного контрольного (надзорного) мероприятия в два года	
Значительный риск		
Средний риск	Минимальная частота проведения плановых контрольных (надзорных) мероприятий – не менее одного контрольного (надзорного) мероприятия в шесть лет и не более одного контрольного (надзорного) мероприятия в три года	
Умеренный риск		
Низкий риск	Плановые контрольные (надзорные) мероприятия не проводятся	

Учитывая изложенное, нам представляется, что деятельность Правительственной комиссии выступит надежной опорой для осуществления общей профилактики хищений бюджетных средств.

Индивидуальная профилактика хищений бюджетных средств. Для достижения положительных результатов профилактики рассматриваемых преступлений правоохранительным органам, по нашему мнению, необходимо обеспечить наиболее оптимальное сочетание оперативно-розыскных и иных мероприятий. В связи с этим необходимо надлежащим образом осуществлять индивидуальную профилактику хищений бюджетных средств, под которой мы предлагаем понимать комплекс мер по выявлению конкретных лиц, от которых можно ожидать совершение хищений бюджетных средств, и оказание на них либо на окружающую их среду позитивного воздействия с целью недопущения совершения преступлений и изменения поведения личности — от антиобщественного к законопослушному.

Нами выделены следующие ключевые направления индивидуальной профилактики хищений бюджетных средств:

— сбор и анализ сведений о криминально-активных лицах, воздействие на указанных лиц с целью склонения их к отказу от совершения преступлений;

— выявление конкретных причин и условий совершения хищений бюджетных средств с целью их устранения и нейтрализации.

Вместе с тем индивидуальная профилактика хищений бюджетных средств осуществляется в отношении потенциальных субъектов коррупционных взаимоотношений (должностных лиц — распорядителей бюджетных средств).

В ходе анализа уголовных дел, связанных с хищениями бюджетных средств, нами было определено, что объектами профилактики в первую очередь выступают сотрудники организаций, осуществляющих распределение бюджетных средств, а именно:

1) лица, занимающие должности, связанные с распределением бюджетных средств, а также с приемкой отчетов о расходовании бюджетных средств;

2) лица, ранее судимые за хищения (должностные и корыстные преступления);

3) лица, имеющие обширные преступные связи.

В то же время особое внимание в рамках профилактики необходимо уделять сотрудникам организаций, получающих с определенной регулярностью бюджетные средства, выделенные в виде грантов и субсидий.

Специфика мер индивидуальной профилактики хищений бюджетных средств зависит от особенностей субъектов и их правового положения, а также от объектов воздействия и включает в себя:

— проведение индивидуальных бесед (ознакомительно-разъяснительные, воспитательные с привлечением общественности, предупредительные);

— привлечение к индивидуальной работе иных лиц, в том числе должностных лиц, контролирующих и иных органов государственной власти, общественности, а также членов семьи объекта профилактики, способных оказать позитивное воздействие на профилируемого;

— создание вокруг объекта профилактики обстановки нетерпимости антиобщественного поведения, исключающей совершение им противоправных деяний;

— осуществление постоянного и превентивного контроля за действиями профилируемого;

— иные формы.

Стоит отметить, что зачастую возникают ситуации, при которых достигаются цели индивидуальной профилактики, и лица, подвергаемые профилактическому воздействию, не поддаются положительной переориентации, а продолжают вынашивать преступные намерения, при этом есть все основания полагать, что они подготавливают или совершают хищения бюджетных средств. В этом случае речь будет идти об использовании результатов профилактической деятельности не для профилактики, а для раскрытия преступлений [6]. Этот вопрос остается дискуссионным. Вместе с тем, как нам представляется, когда обычные индивидуально-профилактические меры уже не дают желаемого эффекта, необходимо переходить от профилактики к предотвращению рассматриваемых преступлений.

Список литературы:

1. Иванов П. И. Внедрение метода риск-ориентированного подхода в деятельность по оперативно-розыскному противодействию экономическим и коррупционным преступлениям (в порядке постановки проблемы) // Юрист-Правовед. 2023. № 1 (104). С. 80–89.
2. Мангасаров Р. А. Использование блокчейн-технологий в противодействии хищениям бюджетных средств // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 1 (65). С. 86–94.
3. Мангасаров Р. А. Предупреждение хищений бюджетных средств, выделенных в виде грантов и субсидий: внедрение счетов эскроу // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 5 (56). С. 38–43.
4. Мангасаров Р. А. Цифровые технологии как инструмент противодействия хищениям бюджетных средств // Юрист-Правовед. 2023. № 1 (104). С. 207–212.
5. Мангасаров Р. А., Павличенко Н. В. Противодействие хищениям бюджетных средств, выделенных на реализацию государственных программ и национальных проектов : моногр. М., 2023. 111 с.

Заключение. В завершение стоит отметить, что, на наш взгляд, для повышения роли профилактики хищений бюджетных средств необходимо продолжать научные исследования указанной проблемы, при этом прорабатывать различные предложения. Кроме того, интересной является идея создания оперативно-профилактических подразделений в системе МВД России (Главное управление профилактики МВД России), а также специализированных подразделений (управлений, отделов, отделений) в территориальных органах МВД России, на базе которых могли бы быть исследованы формы и методы оперативно-профилактической работы в современных условиях, с возможностью прогнозирования и планирования мероприятий по нейтрализации преступлений, в том числе по профилактике хищений бюджетных средств.

Думается, положительно повлияет на предупреждение рассматриваемых преступлений выработка концепции профилактики хищений бюджетных средств, в рамках которой необходимо предусмотреть критерии эффективности профилактической деятельности с целью стимулирования сотрудников правоохранительных органов на выявления лиц и фактов, представляющих оперативно-профилактический интерес, для устранения и нейтрализации криминальных факторов.

References:

1. Ivanov P. I. Implementation of the risk-based approach method in the operational search activity countering economic and corruption crimes (in the order of the problem statement) // Jurist-Pravoved. 2023. № 1 (104). S. 80–89.
2. Mangasarov R. A. Use of Blockchain-Technologies in Counteraction to the Theft of Budget Funds // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2023. № 1 (65). S. 86–94.
3. Mangasarov R. A. Prevention of embezzlement of budget funds allocated in the form of grants and subsidies: implementation of escrow accounts // Bulletin of the Samara Law Institute. 2023. № 5 (56). S. 38–43.
4. Mangasarov R. A. Digital technology as a tool of counter the embezzlement of public funds // Jurist-Pravoved. 2023. № 1 (104). S. 207–212.
5. Mangasarov R. A., Pavlichenko N. V. Protivodejstvie hishcheniyam byudzhetnyh sredstv, vydelennyh na realizaciyu gosudarstvennyh programm i nacional'nyh proektov : monogr. M., 2023. 111 s.
6. Pavlichenko N. V., Sofronov V. N. Operational investigative prevention of crimes against property: theoretical approaches to understanding the essence // Vestnik of Siberian Law In-

6. Павличенко Н. В., Софронов В. Н. Оперативно-розыскная профилактика преступлений против собственности: теоретические подходы к пониманию сущности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2009. № 3 (5). С. 140–145.

stitute of the MIA of Russia. 2009. № 3 (5). S. 140–145.

Для цитирования:

Мангасаров Руслан Анатольевич. Профилактика хищений бюджетных средств // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 1 (69). С. 80–87.

For citation:

Mangasarov Ruslan Anatol'evich. Prevention of Embezzlement of Budget Funds // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1 (69). P. 80–87.

ВЫЯВЛЕНИЕ, РАСКРЫТИЕ и расследование преступлений

Акиев Арби Русланович,
кандидат юридических наук,
начальник кафедры криминалистики,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
Российская Федерация, 198206, г. Санкт-Петербург,
ул. Летчика Пилутова, д. 1

ORCID 0000-0001-6540-9606

E-mail: Melhi530@mail.ru

Научная специальность:
5.1.4. Уголовно-правовые науки

УДК 343.98

DOI 10.24412/2072-9391-2024-169-88-96

Дата поступления статьи: 15 февраля 2024 г.
Дата принятия статьи в печать: 20 марта 2024 г.

Arbi Ruslanovich Akiev,
Candidate of Law,
Head of the Department of Criminology,
Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Russian Federation, 198206, St. Petersburg,
Pilyutova St., 1
ORCID 0000-0001-6540-9606

E-mail: Melhi530@mail.ru

Scientific specialty:
5.1.4. Criminal Law Sciences

Задачи криминалистического прогнозирования в системе противодействия преступлениям против семьи и несовершеннолетних

The Tasks of Forensic Forecasting in the System of Countering Crimes against the Family and Minors

Аннотация

Актуальность: необходимость охраны семьи, материнства и детства закреплены в ряде норм Конституции Российской Федерации и международных правовых актов, однако статистические данные о количестве преступлений, совершаемых против семьи и несовершеннолетних, демонстрируют потребность в совершенствовании работы по выявлению, раскрытию, расследованию и предупреждению таких посягательств.

Постановка проблемы: существующие меры борьбы, к сожалению, малоэффективны и обязывают изыскивать новые инструменты противодействия преступлениям рассматриваемой группы. В рамках решения вышеуказанных задач, возложенных на правоохранительные органы, существенную роль играет прогнозирование преступлений, осуществляемое различными уголовно-правовыми науками,

Abstract

Relevance: the need to protect the family, motherhood and childhood is enshrined in a number of norms of the Constitution of the Russian Federation and international legal acts, however, statistical data on the number of crimes committed against the family and minors demonstrate the need to improve work on the identification, disclosure, investigation and prevention of such attacks.

Problem statement: unfortunately, the existing measures of struggle are ineffective and oblige us to find new tools to counteract the crimes of the group in question. Within the framework of solving the above tasks assigned to law enforcement agencies, crime forecasting, carried out by various criminal law sciences, plays an essential role, and among which one can highlight criminalistic, which has sufficient preventive potential and allows solving a wider range of scientific and practical (applied)

и в числе которых можно особо выделить криминалистическое, обладающее достаточным превентивным потенциалом и позволяющее решить более широкий спектр научных и практических (прикладных) прогностических задач.

Цель исследования заключается в уточнении понятия, задач и субъектов криминалистического прогнозирования, в системе противодействия преступлениям против семьи и несовершеннолетних.

Методологическую основу исследования составляют диалектический, логический, системный, а также ряд других методов научного познания: анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, обобщение, описание.

Результаты и ключевые выводы: предложено авторское определение криминалистической прогностики в системе противодействия преступлениям против семьи и несовершеннолетних. Определены научно-прогностические и практические (прикладные) задачи криминалистического прогнозирования. Обоснована теоретическая и практическая необходимость активизации криминалистических прогностических исследований, направленных на противодействие преступлениям против семьи и несовершеннолетних, совершенствование криминалистических средств, методов и технологий раскрытия, расследования и предупреждения преступлений рассматриваемой группы.

Ключевые слова: криминалистическая прогностика; криминалистическое прогнозирование; задачи прогнозирования; предупреждение; противодействие преступлениям; защита интересов семьи и несовершеннолетних.

prognostic tasks.

The purpose of the study is to clarify the concept, tasks and subjects of forensic forecasting in the system of countering crimes against the family and minors.

The methodological basis of the research is dialectical, logical, systemic, as well as a number of other methods of scientific cognition: analysis, synthesis, induction, deduction, comparison, generalization, description.

Results and key conclusions: the author's definition of criminalistic prognostics in the system of countering crimes against the family and minors is proposed. The scientific-prognostic and practical (applied) tasks of forensic forecasting are defined. The theoretical and practical necessity of activating forensic prognostic research aimed at countering crimes against the family and minors, improving forensic tools, methods and technologies for the disclosure, investigation and prevention of crimes of the considered group is substantiated.

Keywords: forensic prognostics; forensic forecasting; forecasting tasks; prevention; countering crimes; protecting the interests of families and minors.

Введение. В Российской Федерации охрана интересов семьи и ее членов от общественно опасных посягательств обеспечивается уголовным законодательством. При этом, несмотря на наличие уголовно-правовых запретов, призванных выполнять в том числе и превентивную функцию, количество преступлений против семьи и несовершеннолетних остается достаточно высоким.

Согласно данным, приведенным уполномоченным при Президенте Российской Федерации по правам ребенка М. А. Львовой-Беловой, за 2022 г. в России было совершено более 100 тыс. преступлений против несовершеннолетних, в том числе 80 убийств детей родителями¹. Кроме того, с 2018 г. наблюдается рост пре-

ступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, из которых половина совершается родственниками детей. Озвученные детским омбудсменом России данные подтвердаются официальной статистикой МВД России о состоянии преступности в России², а также информацией, представленной Генеральной прокуратурой Российской Федерации в 2022 г. на заседании Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. В частности, приведены сведения об увеличении на 44 % количества преступлений сексуального характера в отношении детей (с 9 524 в 2010 г. до 16 887 в 2021 г.). При этом следует обратить особое внимание, что более 50 % таких преступлений совершаются знакомым ребенку

¹ См.: Львова-Белова: за год совершено более 100 тыс. преступлений против детей. URL: <https://rg.ru/2023/11/24/lvova-belova-zagod-soversheno-bolee-100-tysiach-prestuplenij-protiv-detej.html?ysclid=lov97uzoda272606033> (дата обращения: 25.12.2023).

² Состояние преступности в Российской Федерации за январь – ноябрь 2023 г. URL: <https://мвд.рф/reports?ysclid=lov97uzoda272606033> (дата обращения: 25.12.2023).

лицом, каждое пятое — членами семьи, 11 % — родителями (законными представителями)³.

Приведенные данные о количестве и видах противоправных деяний, совершаемых в отношении детей, в том числе лицами, являющимися членами семьи несовершеннолетних, свидетельствуют о необходимости дальнейшего криминалистического изучения преступлений этой группы и совершенствования системы расследования и, что немаловажно, предупреждения таких посягательств.

Следует констатировать, что сегодня работа правоохранительных органов преимущественно сводится к работе с последствиями противоправных действий в отношении семьи и ее членов, хотя профилактика, предотвращение и пресечение преступлений являются ключевыми задачами, возложенными на МВД России⁴.

В рамках выполнения указанных задач важную роль играет прогнозирование преступлений против семьи и несовершеннолетних, связанных с ними явлений и процессов, результаты которого, в свою очередь, могут быть положены в основу концепции деятельности правоохранительных органов по противодействию преступности этого вида. Рассматриваемое прогнозирование осуществляется методами различных уголовно-правовых наук (уголовного права, криминологии, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности, судебной экспертизы), реализуется на научно-исследовательском и практическом (прикладном) уровнях в процессе правоохранительной деятельности.

Криминалистическое прогнозирование выступает элементом научной и практической (следственной, экспертной) криминалистической деятельности, направленной по итогу на обеспечение эффективности и результативности раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних. Инструментарий криминалистической прогностики позволяет предсказать изменения в структуре и механизме рассматриваемой преступной деятельности, появление новых способов совершения и сокрытия преступлений, иного поведения субъектов таких деяний и других связанных с ними лиц, предложить новые направления развития и совершенствования криминалистических средств и методов.

Основная часть. С учетом превентивного потенциала криминалистической прогностики

и потребностей практики в противодействии преступлениям против семьи и несовершеннолетних все большую роль приобретают своевременная реализация системы методов криминалистического прогнозирования, а также уточнение его современных задач. Формируемый с учетом уровня криминалистического прогнозирования комплекс задач ориентирован на их дальнейшее решение учеными-криминалистами (научными коллективами, научно-исследовательскими организациями) в процессе научной деятельности, а также практическими сотрудниками правоохранительных органов непосредственно в ходе следственной, экспертной и иной криминалистической деятельности. Кроме того, решение каждой задачи криминалистического прогнозирования должно обеспечиваться соответствующими методами и рекомендациями, разработка механизмов (алгоритмов) реализации которых, в свою очередь, может рассматриваться как самостоятельный объект криминалистических научных исследований.

Теория криминалистического прогнозирования формируется в криминалистике в течение практически всего периода развития этой юридической науки [2]. Поддерживая позицию о возможности отнесения теории криминалистического прогнозирования к числу частных криминалистических теорий, необходимо отметить, что пока остается дискуссионным определение этого криминалистического понятия.

Так, Р. С. Белкин определял рассматриваемую теорию как «...совокупность принципов формирования криминалистических прогнозов, в том числе путей, средств и методов борьбы с преступностью с учетом ее возможного количественного и качественного изменения» [3].

По мнению Л. Г. Горшенина, криминалистическое прогнозирование представляет собой систему достоверного, обобщенного знания «о закономерностях содержания и развития прогнозируемых криминалистически значимых объектов, а также процесса разработки и реализации криминалистических прогнозов» [10, с. 73].

В практическом аспекте криминалистическое прогнозирование определил М. Ш. Махтаев как вывод о ранее неизвестных обстоятельствах преступления (в том числе и об обстоятельствах, способствовавших совершению и сокрытию преступления) и поведении связанных с ним лиц, а также прогноз оптимальных путей достижения желаемых результатов в процессе расследования (криминалистическое предупреждение) [18].

Н. П. Яблоковым криминалистическое прогнозирование было определено как «...основанное на анализе действия объективных закономерностей развития крими-

³ Протокол заседания Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав от 7 дек. 2022 г. № 34. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/5aa955c1ffe036f78ff07d06d81bdbae/download/5427/> (дата обращения: 25.12.2023).

⁴ О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений: приказ МВД России от 17 янв. 2006 г. № 19 (утратил силу).

налистически значимых явлений, событий и процессов, и использовании положений теории прогностики в предвидении направлений дальнейшего развития криминалистики как науки, целесообразного корректирования всех видов практической криминалистической деятельности (ее методов и средств) в условиях предполагаемого изменения и появления новых видов преступной деятельности, способов ее совершения» [16, с. 148]. Содержательно схожее определение криминалистического прогнозирования было также предложено А. Ю. Головиным, Ю. В. Гаврилиным и И. В. Тишутинной [8].

Здесь также необходимо отметить, что наряду с термином «криминалистическое прогнозирование» в криминалистике используется термин «криминалистическая прогностика». Некоторыми учеными-криминалистами эти понятия наделяются различным содержанием. Так, А. С. Подшибякин сделал вывод, что криминалистическая прогностика выступает разновидностью криминалистического прогнозирования, осуществляемого в практике расследования по уголовным делам [20, с. 11]. По мнению А. Н. Литвинова и Р. Л. Степанюка, криминалистическая прогностика, наоборот, выступает теорией, методологической основой предвидения, исследовательским приемом и методом познания тенденций развития объектов изучения криминалистики, а криминалистическое прогнозирование «...в широком понимании является внедрением положений и рекомендаций криминалистической прогностики в практику научного предвидения в сфере познания криминалистики, а также специфической научной, познавательной и практической деятельности» [17, с. 70]. С. В. Дубровин полагает, что криминалистическая прогностика является частной криминалистической теорией (учением), в то время как криминалистическое прогнозирование, по мнению автора, представляет собой криминалистический метод познания, являющийся основополагающим для криминалистической прогностики [13, с. 66]. Л. Г. Горшенин, в свою очередь, по факту использовал указанные термины как научные синонимы [10, с. 26].

Неоднозначно вопрос о соотношении терминов «прогностика» и «прогнозирование» решается в науковедческой и справочной литературе [1, с. 171].

Не преследуя цель освещения всех научных взглядов и позиций по указанному вопросу, отметим, что в криминалистическом научном и практическом аспекте не усматривается принципиальная необходимость в дифференциации понятий «криминалистическое прогнозирование» и «криминалистическая прогностика», что

позволяет использовать эти термины в криминалистике как научные синонимы.

Криминалистическое прогнозирование во всех случаях имеет перспективную направленность. Как справедливо отмечено в юридической литературе, в общем виде задача криминалистического прогнозирования представляет собой получение оценки будущих значений, упорядоченных во времени данных на основе анализа уже имеющихся, а также тенденции изменения влияющих факторов [19, с. 198].

В связи с этим достаточно дискуссионной представляется позиция А. Е. Григорьевой, полагающей, что криминалистическое прогнозирование может быть направлено не только на предвидение будущего, но и в ретроспективу, например, путем прогноза совершенного в прошлом преступления [12, с. 13]. Автор, к сожалению, не приводит конкретных примеров таких «прогнозов», в связи с чем видится, что более правильным будет в данном случае говорить не о «прогнозе», а об основанном на имеющейся в распоряжении следователя (дознавателя) криминалистически значимой информации и проводимом в поисково-познавательных целях ретроспективном анализе (моделировании) преступной деятельности и ее механизма.

Общие теоретические положения учения о криминалистическом прогнозировании получают свое дальнейшее развитие, в частности, в системе криминалистических средств, методов, рекомендаций по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений отдельных групп и видов. Основываясь на приведенных научных подходах, можно предложить определение криминалистической прогностики в системе противодействия преступлениям против семьи и несовершеннолетних как основанного на частной теории криминалистического прогнозирования предвидения дальнейшего состояния преступной деятельности этого вида, изменений ее механизма, появления новых видов и способов совершения таких деяний, а также изменений и развития деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению указанных преступлений, появления и совершенствования криминалистических средств и методов ее осуществления органами следствия и дознания.

Предложенная дефиниция, а также современные представления о сущности и структуре криминалистических задач [9, с. 24] позволяют сформировать систему прогностических задач на научном и практическом (прикладном) уровнях криминалистической деятельности, направленной на противодействие преступлениям против семьи и несовершеннолетних. Необходимо подчеркнуть, что дифференциация уровней криминалистического прогнозирования

ния на научное (теоретическое) и практическое (прикладное) практически не вызывает возражений среди ученых-криминалистов, проводивших исследования в рассматриваемой области.

Формируемые и решаемые в ходе научно-прогнозирования задачи предвидения и перспективного описания явлений и процессов, связанных с преступлениями против семьи и несовершеннолетних, основанной на криминалистических прогнозах перспективной разработки криминалистических средств и методов раскрытия, расследования и предупреждения таких деяний выступают частной разновидностью криминалистических научных задач.

В теории криминалистического прогнозирования [4; 11; 14; 16] научные прогностические задачи традиционно включают в себя:

- определение перспективных направлений криминалистических научных исследований и их возможных результатов;

- установление перспектив развития структурных элементов криминалистики, ее общетеоретических, технико-, тактико-, и методикокриминалистических положений, средств и методов;

- прогнозирование изменений в преступной деятельности отдельных групп и видов, и в ее механизме, научное предвидение появления новых способов и иных структурных элементов преступных деяний, особенностей проявления вовне их следов и признаков, а также использование научно-криминалистических прогнозов для упредительной корректировки и совершенствования, разработки новых средств и методов по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений.

Как следствие, можно сделать вывод, что указанные научно-прогностические задачи конкретизируются применительно к сфере противодействия преступлениям против семьи и несовершеннолетних. При этом в системе таких задач можно выделять:

- совершенствование методов криминалистического прогнозирования преступлений против семьи и несовершеннолетних, цифровизация процессов решения прогностических задач (в перспективе — с использованием технологий искусственного интеллекта);

- прогнозирование появления новых объектов криминальных посягательств и особенностей преступлений рассматриваемой группы, трансформации этой преступной деятельности, ее криминальную технологизацию и цифровизацию, развития транснациональной составляющей в такой преступной деятельности, совершаемой на территории Российской Федерации или в отношении граждан России;

- использование научно-криминалистических прогнозов в целях перспективного по-

знания и описания способов, субъектов, жертв преступной деятельности против семьи и несовершеннолетних, других элементов и закономерностей механизма ее совершения и отображения в виде следов-последствий;

- разработка базовой прогностической методики расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних, совершенствование на ее основе частных криминалистических методик расследования отдельных видов и подвидов таких деяний;

- разработка рекомендаций по прикладному криминалистическому прогнозированию в системе криминалистической деятельности по противодействию преступлениям против семьи и несовершеннолетних;

- формирование теоретико-криминалистических основ использования научно-криминалистических прогнозов в системе криминалистической профилактики (предупреждения) преступлений против семьи и несовершеннолетних.

Поясняя представленную систему задач криминалистического прогнозирования, отметим, что на сегодняшний день четко просматриваются тенденции появления новых способов совершения деяний, связанных с посягательствами на традиционные семейные ценности, незаконным собиранием или распространением сведений, составляющих семейную тайну или тайну усыновления, подменой детей, дистанционным вовлечением с использованием теневого сегмента сети Интернет, социальных сетей или мессенджеров несовершеннолетних в преступную деятельность, в том числе со стороны организованных преступных формирований, действующих с территории недружественных государств. Например, в числе новейших примеров таких посягательств — задержания двух подростков 14 и 16 лет в Красноярском крае, выполнявших функции курьеров по получению денежных средств у жертв телефонных мошенничеств и 16-летнего подростка в Санкт-Петербурге, осуществлявшего техническое обслуживание (подмену номеров) телефонных мошенников, действовавших с территории Украины⁵. Отметим, что в обоих приведенных примерах в ходе расследования были выявлены и другие несовершеннолетние, вовлеченные в преступную деятельность схожим образом. Следственной практике уже известны случаи дистанционного воздействия на несовершеннолетних в целях вовлечения их в экс-

⁵ Подростки обслуживали колл-центры украинских мошенников в Санкт-Петербурге. URL: <https://www.vesti.ru/article/3850075> (дата обращения: 15.01.2024); Курьерами телефонных мошенников все чаще становятся несовершеннолетние. URL: <http://www.vestikrasnoyarsk.ru/news/obshestvo/post-42782/?ysclid=lu7xtr0j7q77584690> (дата обращения: 15.01.2024).

тренистскую, террористическую или диверсионную деятельность⁶.

Изложенное позволяет прогнозировать увеличение в дальнейшем количества преступлений, обладающих криминалистически схожими признаками, способами и закономерностями совершения, а также совершенствовать криминалистическое обеспечение расследования таких деяний.

Говоря о задачах развития методов криминалистического прогнозирования на основе новейших достижений научно-технического прогресса, необходимо добавить, что в отечественной и зарубежной криминалистической науке уже предпринимаются попытки внедрения современных цифровых технологий в решение прогностических задач противодействия преступности. Например, в США был разработан алгоритм, способный предсказывать убийство, семейное насилие, побои на основе закономерностей, извлеченных из публично доступных данных о преступлениях и реагировании на них полиции в ряде крупных городов (Чикаго, Детройт, Атланта, Сан-Франциско и др.). Утверждается, что такой программный комплекс способен предсказывать преступления на неделю вперед с точностью в 90 % [22].

Отдельные исследования по применению современных цифровых технологий в решении задач криминалистического прогнозирования ведутся и в российской криминалистической науке, например, в целях прогнозирования поведения серийных преступников [5; 21]. И здесь следует подчеркнуть, что сформировавшийся в отечественной криминалистике метод изучения преступной деятельности с позиций системно-деятельностного подхода, выявления закономерностей механизма совершения преступлений отдельных групп и видов и формирования их криминалистической характеристики создает серьезную научную основу для применения современных цифровых технологий (в перспективе также технологий искусственного интеллекта) в решении научных и прикладных прогностических задач борьбы с преступностью, включая преступления против семьи и несовершеннолетних.

Как справедливо отмечается в юридической литературе, прикладное прогнозирование — это процесс применения теоретических результатов научного прогнозирования, которое связано с предвидением особенностей криминалистической деятельности по расследованию и предупреждению конкретного преступления [10; 13]. В связи с этим представляется

возможным определить прикладную (практическую) прогностическую задачу как основанные на всесторонней оценке сложившейся ситуации расследования прогноз и оценка возможных перспектив ее развития на стратегическом или тактическом уровнях, а также результатов и последствий реализации принятых следственных решений, применения криминалистических средств и методов.

Прикладные (практические) прогностические задачи характерны для криминалистической деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений (следственные, экспертные, оперативно-розыскные). Указанные задачи достаточно разнообразны и зависят от субъекта криминалистической деятельности, этапа предварительного расследования, уровня и характера сложившейся следственной ситуации и ряда других факторов.

Применительно к группе преступлений против семьи и несовершеннолетних прикладные прогностические задачи могут включать прогнозирование:

- возможности совершения новых преступных посятательств в отношении определенной семьи (ее членов), в том числе и несовершеннолетних, со стороны конкретных лиц, в определенном месте и (или) в определенное время, определенным способом, с использованием тех или иных средств и технологий передачи информации, физического или психологического воздействия (включая, телекоммуникационные) и пр.;

- результатов проведения отдельных следственных и других процессуальных действий, тактических операций, применения технико-криминалистических средств, тактических приемов и комбинаций, определения степени риска реализации принятых тактических решений по уголовному делу;

- вероятности поведения участников предварительного расследования и других лиц (как позитивного, так и негативного для достижения целей предварительного расследования), в том числе возникновения конфликтов между следователем и другими участниками предварительного расследования, попыток сокрытия следов преступлений (их носителей), попыток иного противодействия расследованию (например, уклонение от участия в расследовании, переезда, включая перемещение несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в другой регион (другую страну), запугивание или подкуп потерпевших, свидетелей, экспертов, сотрудников правоохранительных органов, создание общественного ажиотажа в средствах массовой информации и т. д., а также возможности достижения результатов нейтрализации такого противодействия криминалистическими средствами и методами;

⁶ Троих несовершеннолетних обвиняют в поджоге двух релейных шкафов на железной дороге в Красноярском крае. URL: <https://ria.ru/20230802/podzhigateli-1887710922.html?ysclid=lu7xwrnqaw190591934> (дата обращения: 15.01.2024).

— возможного поведения скрывающихся от правоохранительных органов преступников (отдельных членов преступных формирований), мест их вероятного появления (перемещения);

— возможного поведения не участвующих в расследовании членов семьи, семейных кланов, тейпов, диаспор, общин и пр., которое может иметь значение для достижения целей расследования или отдельных следственных действий по уголовным делам рассматриваемой категории.

Дополняя изложенное, следует отметить, что решение прикладных задач криминалистического прогнозирования предполагает, во-первых, использование следователем (дознавателем), экспертом или другими субъектами криминалистической деятельности доказательственной, оперативно-розыскной и иной ориентирующей информации, собранной в процессе раскрытия и расследования преступлений рассматриваемой категории, во-вторых, криминалистическое предсказание дальнейших действий преступников, появления новых средств преступлений, новых территорий (мест) совершения криминальных деяний или проявления их негативных последствий должно основываться на детальном изучении криминалистической характеристики расследуемой преступной деятельности. Такой вывод, в частности, был сделан и удачно аргументирован В. Ю. Владимировым и другими учеными-криминалистами применительно к расследованию преступлений в сфере наркоторговли, распространения психоактивных и отравляющих веществ [6; 7]. Аналогичный подход, как представляется, может быть применен и в решении прикладных прогностических задач в ходе раскрытия, расследования и предупреждения ряда преступлений против семьи и несовершеннолетних.

Очевидно, что эффективное и качественное решение прогностических задач в ходе криминалистической деятельности вряд ли достижимо в отсутствие у сотрудников органов следствия и дознания, экспертных подразделений знаний и навыков криминалистического прогнозирования. Это обстоятельство обуславливает постановку перед криминалистикой ряда задач дидактического характера.

Как справедливо подчеркнул И. М. Комаров, криминалистика имеет свою систему дидактики с обособленной структурой и содержанием, ориентированную на формирование у обучающегося особого типа профессионального юридического мышления — криминалистическое мышление [15].

Дидактические задачи криминалистического прогнозирования в системе противодействия преступности, включая преступления против семьи и несовершеннолетних, заключаются в разработке средств и научных инструментов формирования у действующих и будущих сотрудников правоохранительных органов знаний и навыков (компетенций) прогностической направленности, обеспечении возможностей криминалистической дидактики (разработке учебных курсов, программ по криминалистике, сопутствующих специальных дисциплин, курсов повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов). Решение указанных задач требует оперативного и пристального внимания со стороны ученых-криминалистов.

Выводы и заключение. Подводя итог изложенному, необходимо отметить, что качественное и эффективное противодействие преступности, посягающей на семью и несовершеннолетних, вряд ли возможно только лишь активной реализацией методов криминалистического прогнозирования. Необходимо включение в данную группу методов смежных с криминалистическим прогнозированием отраслей уголовно-правовых наук (уголовного права, криминологии, оперативного розыскного права и др.).

Несмотря на возможную дополняемость теории криминалистического прогнозирования методами других смежных отраслей, способных кардинально повысить эффективность раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних, существует насущная потребность в активизации криминалистических прогностических исследований преступной деятельности указанных групп и видов, а также посткриминальной деятельности субъектов таких деяний, участников расследования и других лиц, способных повлиять на ход и результаты предварительного расследования по уголовным делам этой категории. Кроме того, перед криминалистикой стоят задачи своевременного совершенствования криминалистических средств, методов и технологий раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних, разработки прогностических методик расследования преступлений рассматриваемой группы, а также формирования у сотрудников следствия и других правоохранительных органов знаний и навыков криминалистической прогностики.

Список литературы:

1. Агапова Е. Н. О понятии прогностики и ее месте в системе научного познания // Социология власти. 2008. № 5. С. 165–172.
2. Акиев А. Р. Развитие научных представлений о криминалистическом прогнозировании // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 4 (100). С. 80–86.
3. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М., 1987. 270 с.
4. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории — к практике. М., 1988. 304 с.
5. Бессонов А. А. Использование алгоритмов искусственного интеллекта в криминалистическом изучении преступной деятельности (на примере серийных преступлений) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 2. С. 45–53.
6. Владимиров В. Ю., Ковалев А. В., Ермолова Е. И. [и др.]. Профессор Р. С. Белкин — основоположник теории криминалистического прогнозирования // Вестник криминалистики. 2022. № 2 (82). С. 34–44.
7. Владимиров В. Ю., Ковалев А. В., Савчук С. А. [и др.]. Судебная экспертиза как инструмент криминалистического прогнозирования // Судебно-медицинская экспертиза. 2018. Т. 61. № 6. С. 4–7.
8. Гаврилин Ю. В., Головин А. Ю., Тишутина И. В. Криминалистика в понятиях и терминах. М., 2006. 384 с.
9. Головин А. Ю., Баранов М. В., Головина Е. В. Решение ситуационных задач предварительного расследования (теория, механизм, ошибки) : моногр. / под общ. ред. А. Ю. Головина. М., 2017. 200 с.
10. Горшенин Л. Г. Теория криминалистического прогнозирования : дис. ... д-ра юрид. наук. Минск, 1994. 330 с.
11. Грановский Г. Л. О криминалистическом прогнозировании // Рефераты научных сообщений на теоретическом семинаре — криминалистических чтениях. М., 1976. Вып. 13. 20 с.
12. Григорьева А. Е. Метод криминалистического прогнозирования в расследовании преступлений // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Сер. : История. Политология. Право. 2023. № 4 (32). С. 12–16.
13. Дубровин С. В. Концептуальные основы учений о криминалистической прогностике и криминалистических версиях (криминалистической версиологии) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 3 (21). С. 66–71.

References:

1. Agapova E. N. On the concept of prognostics and its place in the system of scientific knowledge // Sociology of Power. 2008. № 5. S. 165–172.
2. Akiev A. R. Development of scientific knowledge on forensic forecasting // Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta MVD Rossii. 2023. № 4 (100). S. 80–86.
3. Belkin R. S. Kriminalistika: problemy, tendencii, perspektivy. Obshchaya i chastnye teorii. M., 1987. 270 s.
4. Belkin R. S. Kriminalistika: problemy, tendencii, perspektivy. Ot teorii — k praktike. M., 1988. 304 s.
5. Bessonov A. A. The use of artificial intelligence algorithms in the criminalistic study of criminal activity (on the example of serial crimes) // Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2021. № 2. S. 45–53.
6. Vladimirov V. Yu., Kovalev A. V., Ermolova E. I. [i dr.]. Professor R. S. Belkin — osnovopolozhnik teorii kriminalisticheskogo prognozirovaniya // Vestnik kriminalistiki. 2022. № 2 (82). S. 34–44.
7. Vladimirov V. Yu., Kovalev A. V., Savchuk S. A. [i dr.]. Forensic expertise as a tool for criminalistics prognostication // Forensic Medical Expertise. 2018. T. 61. № 6. S. 4–7.
8. Gavrilin Yu. V., Golovin A. Yu., Tishutina I. V. Kriminalistika v ponyatiyah i terminah. M., 2006. 384 s.
9. Golovin A. Yu., Baranov M. V., Golovina E. V. Reshenie situacionnyh zadach predvaritel'nogo rassledovaniya (teoriya, mekhanizm, oshibki) : monogr. / pod obshch. red. A. Yu. Golovina. M., 2017. 200 s.
10. Gorshenin L. G. Teoriya kriminalisticheskogo prognozirovaniya : dis. ... d-ra yurid. nauk. Minsk, 1994. 330 s.
11. Granovskij G. L. O kriminalisticheskom prognozirovanii // Referaty nauchnyh soobshchenij na teoreticheskom seminare — kriminalisticheskikh chteniyah. M., 1976. Vyp. 13. 20 s.
12. Grigor'eva A. E. Metod kriminalisticheskogo prognozirovaniya v rassledovanii prestuplenij // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova. Ser. : Istoriya. Politologiya. Pravo. 2023. № 4 (32). S. 12–16.
13. Dubrovin S. V. Concept basic of forensic prognostication and forensic versions (forensic versiology) // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia. 2015. № 3 (21). S. 66–71.
14. Zhuravel' V. A. Teoriya i metodologiya kriminalisticheskogo prognozirovaniya : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Har'kov, 1999. 39 s.

14. Журавель В. А. Теория и методология криминалистического прогнозирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1999. 39 с.
15. Комаров И. М. Несколько простых тезисов о современной криминалистической дидактике // Правовые проблемы укрепления Российской государственности : сб. ст. по итогам Всерос. науч.-практ. конф. Томск, 2017. Т. 74. С. 136–137.
16. Криминалистика : учеб. / отв. ред. Н. П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005. 781 с.
17. Литвинов А. Н., Степанюк Р. Л. Прогнозирование и планирование в криминалистике / под общ. ред. В. И. Гаенко. М., 2004. 159 с.
18. Махтаев Д. Ш. Основы теории криминалистического предупреждения преступлений : моногр. М., 2001. 272 с.
19. Нечаева Н. Б. Инновационный аспект в криминалистическом прогнозировании и управлении организацией расследования // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 3. С. 197–200.
20. Подшибякин А. С. Криминалистическое прогнозирование. Методологические аспекты. М., 1996. 255 с.
21. Ясницкий Л. Н., Ваулева С. В., Сафонов Д. Н. [и др.]. Использование методов искусственного интеллекта в изучении личности серийных убийц // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 3. С. 423–430.
22. Rotaru V., Huang Y., Li T. [et al.]. Event-level prediction of urban crime reveals a signature of enforcement bias in US cities // Nature Human Behaviour 6, 1056–1068 (2022).
15. Komarov I. M. Neskol'ko prostykh tezisov o sovremennoj kriminalisticheskoy didaktike // Pravovye problemy ukrepleniya Rossijskoj gosudarstvennosti : sb. st. po itogam Vseros. nauch.-prakt. konf. Tomsk, 2017. T. 74. S. 136–137.
16. Kriminalistika : ucheb. / otv. red. N. P. Yablokov. 3-e izd., pererab. i dop. M., 2005. 781 s.
17. Litvinov A. N., Stepanyuk R. L. Prognozirovanie i planirovanie v kriminalistike / pod obshch. red. V. I. Gaenko. M., 2004. 159 s.
18. Mahtaev D. Sh. Osnovy teorii kriminalisticheskogo preduprezhdeniya prestuplenij : monogr. M., 2001. 272 s.
19. Nechaeva N. B. The innovative aspect of criminalistic in forecasting and management of the organization investigation // Gaps in Russian Legislation. 2014. № 3. S. 197–200.
20. Podshibyakin A. S. Kriminalisticheskoe prognozirovanie. Metodologicheskie aspekty. M., 1996. 255 s.
21. Yasnitskij L. N., Vauleva S. V., Safonov D. N. [i dr.]. The use of artificial intelligence methods in the analysis of serial killers' personal characteristics // Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. 2015. T. 9. № 3. S. 423–430.
22. Rotaru V., Huang Y., Li T. [et al.]. Event-level prediction of urban crime reveals a signature of enforcement bias in US cities // Nature Human Behaviour 6, 1056–1068 (2022).

Для цитирования:

Акиев Арби Русланович. Задачи криминалистического прогнозирования в системе противодействия преступлениям против семьи и несовершеннолетних // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 1 (69). С. 88–96.

For citation:

Akiev Arbi Ruslanovich. The Tasks of Forensic Forecasting in the System of Countering Crimes against the Family and Minors // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1 (69). P. 88–96.

Поздняков Александр Николаевич,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры
оперативно-разыскной деятельности,
Академия управления МВД России, г. Москва,
Российская Федерация, 125171,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

E-mail: sonino51@mail.ru

Научная специальность:
5.1.4. Уголовно-правовые науки

УДК 343

DOI 10.24412/2072-9391-2024-169-97-104

Дата поступления статьи: 10 ноября 2023 г.

Дата принятия статьи в печать: 20 марта 2024 г.

Внешняя миграция как один из факторов криминализации оперативной обстановки

External Migration as One of the Factors of Criminalization of the Operational Situation

Аннотация

Актуальность проблемы вызвана ростом числа преступлений имущественного характера, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, относящихся к категории тяжких и особо тяжких, совершаемых мигрантами. Профессионализм криминальной деятельности данной категории лиц, навыки конспирации, использование информационно-коммуникационных технологий создают существенные проблемы для органов внутренних дел при выявлении и документировании подобной криминальной деятельности.

Постановка проблемы: в настоящее время в научной литературе отсутствует комплексный анализ нормативных правовых актов, касающихся организации оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел по выявлению и раскрытию преступлений, совершаемых внешними мигрантами. Для решения этой проблемы необходимо исследование материалов правоприменительной практики по документированию преступной деятельности данной категории лиц.

Цель исследования: на основе комплексного анализа нормативных правовых актов, касающихся организации оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел по выявлению и раскрытию преступлений, совершаемых

Aleksandr Nikolaevich Pozdnyakov,
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor at the Department
of the Operative Search Activity,
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: sonino51@mail.ru

Scientific specialty:
5.1.4. Criminal Law Sciences

Abstract

The urgency of the problem is caused by an increase in the number of property crimes related to illicit drug trafficking, classified as serious and especially serious, committed by migrants. The professionalism of the criminal activity of this category of persons, the skills of conspiracy, the use of information and communication technologies create significant problems for the internal affairs bodies in identifying and documenting such criminal activity.

Problem statement: currently, there is no comprehensive analysis of normative legal acts in the scientific literature concerning the organization of operational investigative activities of internal affairs bodies to identify and solve crimes committed by external migrants. To solve this problem, it is necessary to study the materials of law enforcement practice on documenting the criminal activities of this category of persons.

The purpose of the study: based on a comprehensive analysis of normative legal acts concerning the organization of operational investigative activities of internal affairs bodies to identify and disclose crimes committed by external migrants, research materials of law enforcement practice on documenting criminal activities of this category of persons to identify trends in the development of crime of external migrants, which must be taken into account in the organization of op-

внешними мигрантами, исследования материалов правоприменительной практики по документированию преступной деятельности данной категории лиц определить тенденции развития преступности внешних мигрантов, которые необходимо учитывать в организации оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел при выявлении и документировании их криминальной деятельности.

Методы исследования: сравнительно-правовой, формально-логический, конкретно-социологический, статистический методы.

Результаты и ключевые выводы: комплексный анализ нормативных правовых актов, касающихся организации оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел по выявлению и раскрытию преступлений, совершаемых внешними мигрантами, исследование материалов правоприменительной практики (уголовных дел) по документированию преступной деятельности данной категории лиц позволили определить тенденции развития преступности внешних мигрантов, которые необходимо учитывать в организации оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел при выявлении и документировании их криминальной деятельности, а также обозначить степень общественной опасности.

Ключевые слова: преступления, совершаемые внешними мигрантами; документы стратегического характера; информационно-коммуникационные технологии; оперативно-розыскная деятельность.

erational investigative activities of internal affairs bodies in identifying and documenting their criminal activities.

Research methods: comparative legal, formal logical, concrete sociological, statistical methods.

Results and key conclusions: a comprehensive analysis of regulatory legal acts related to the organization of operational investigative activities of internal affairs bodies for the identification and disclosure of crimes committed by external migrants, a study of materials of law enforcement practice (criminal cases) on documenting criminal activities of this category of persons allowed us to identify trends in the development of crime of external migrants, which must be taken into account in the organization of operational-investigative activities of the internal affairs bodies in identifying and documenting their criminal activities, and also indicate the degree of public danger.

Keywords: crimes committed by external migrants; strategic documents; information and communication technologies; operational investigative activities.

Проблемы, связанные с выявлением, предупреждением, пресечением и раскрытием преступлений, совершаемых мигрантами — гражданами других государств — обозначились еще в начале 90-х гг. прошлого столетия. Это было связано с массовой миграцией в Россию граждан независимых государств — бывших союзных республик, входящих в Советский Союз. Но в отличие от современного контингента внешних мигрантов в те годы въезжали лица в достаточной степени владевшие русским языком и востребованной на тот момент профессией. Нельзя сказать, что то поколение мигрантов не совершали преступления, но при этом не было насилия. Впоследствии в этих странах «поработали» западные миссионеры и менталитет жителей, например Средне-Азиатских государств — основные поставщики мигрантов в Россию, существенно изменился. Вместе с отменой преподавания в школах русского языка было отменено и профессиональное образование, изменился мента-

литет местных жителей на враждебный к России, в их сознание был внедрен образ русского как оккупанта и угнетателя.

Отсутствие профессиональных навыков в совокупности с плохим знанием русского языка сыграло значительную негативную роль при социализации прибывших мигрантов в российское общество. Невозможность для многих иностранных граждан трудоустроиться на работу, позволяющую получать оплату достаточную для собственного проживания и проживания оставшейся на этнической родине семьи, проблемы в поиске контактов с представителями нового, но уже во многом враждебного социума — это те факторы, которые спровоцировали их на поиск дополнительных денежных средств, совершая преступления, зачастую относимые Уголовным кодексом Российской Федерации к разряду тяжких и особо тяжких. В связи с этим менялось отношение к привнесенным мигрантами проблемам как на уровне отдель-

ных правоохранительных органов, так и пер-
вых лиц государства.

В частности, Президент Российской Федерации в своем выступлении на ежегодном расширенном заседании коллегии МВД России отдельно остановился на такой «чувствительной теме», как миграция, подчеркнув сложность этого вопроса, имеющего комплексный характер и в разной степени затрагивающего все сферы жизни — безопасность, демографию, экономику, культуру, социальную, региональную политику¹. При этом он отметил, что подход к решению проблем в миграционной сфере должен быть комплексным и современным, кроме того, правоохранительная и экономическая составляющие должны «состыковываться друг с другом». Далее он акцентировал внимание на трансграничном характере криминального наркобизнеса и указал на необходимость уничтожить его финансовую и другую инфраструктуру².

Продолжая эту тему, Министр внутренних дел Российской Федерации связал миграцию с проявляющимися этническими конфликтами на религиозной почве и уточнил, что в 2022 г. таких конфликтов было свыше 100 и если бы они не были своевременно купированы при участии Федерального агентства по делам национальностей, то могли бы привести к эскалации межнациональной напряженности.

Из высказываний Президента Российской Федерации и Министра внутренних дел Российской Федерации следует, что представители иностранных государств — мигранты — способны существенно криминализировать оперативную обстановку в различных правоохранительных сферах. Таким образом, еще раз был сделан акцент на негативном влиянии мигрантов на общественный правопорядок и оперативную обстановку³.

Необходимо отметить, что влияние иностранного контента на общественный порядок неоднократно отмечалось и в иных документах, в том числе стратегического характера. В частности, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, было обращено внимание правоприменителей и законодателей на то, что «деструктивные силы за рубежом и внутри страны предпринимают попытки использования объективных социально-экономических трудностей в Российской Федерации в целях

стимулирования негативных социальных процессов, обострения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, манипулирования в информационной сфере». Подчеркивается факт активной деятельности по дестабилизации общественного порядка на территории России, занимаются которой на государственном уровне разведывательные и специальные службы, иные организации иностранных государств, используя при этом подконтрольные им российские общественные объединения и отдельных лиц. Обозначено, что к числу задач, требующих решения, относятся следующие: противодействие незаконной миграции, усиление контроля за миграционными потоками, предупреждение формирования этнических и религиозных анклавов⁴.

В Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733⁵, в качестве угрозы национальной безопасности определена деятельность организованных групп и преступных сообществ (преступных организаций), в том числе транснациональных, связанная с незаконным оборотом наркотиков, с попытками транснациональных преступных организаций увеличить транзит наркотиков через территорию Российской Федерации.

Согласно Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года⁶ внешними экстремистскими угрозами являются поддержка и стимулирование рядом государств деструктивной деятельности, осуществляемой иностранными или международными неправительственными организациями, направленной на дестабилизацию общественно-политической и социально-экономической обстановки... содействие деятельности международных экстремистских и террористических организаций, в частности распространению экстремистской идеологии и радикализма в обществе⁷. В качестве борьбы с такими угрозами являются: противодействие незаконной миграции; профилактика, предупреждение, выявление

⁴ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.09.2023).

⁵ Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Рос. Федерации от 23 нояб. 2020 г. № 733 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.09.2023).

⁶ Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: Указ Президента Рос. Федерации от 29 мая 2020 г. № 344 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.09.2023).

⁷ Прим. автора: в настоящее время Запад, убедившись в невозможности военной победы, ориентирован на «расшатывание» России изнутри путем разжигания этнорелигиозных конфликтов.

¹ Расширенное заседание коллегии МВД России // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/70744> (дата обращения: 30.09.2023).

² Там же.

³ Там же.

ние и пресечение нарушений миграционного законодательства Российской Федерации; совершенствование мер ответственности за такие нарушения.

В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации⁸ в числе задач, связанных с обеспечением экономической безопасности, выделяют оптимизацию потоков трудовой миграции исходя из потребностей национальной экономики.

Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации⁹ выделяет следующие основные направления: совершенствование правовых, организационных и иных механизмов, регулирующих порядок въезда в Российскую Федерацию, пребывания (проживания) на ее территории иностранцев, а также дальнейшее развитие механизмов профилактики, предупреждения, выявления и пресечения нарушений миграционного законодательства Российской Федерации и коррупционных нарушений в сфере миграции, включая оптимизацию мер ответственности за нарушение названного законодательства и законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции.

О негативном влиянии миграционных процессов на состояние оперативной обстановки свидетельствует и тот факт, что в подготовке к заседанию и в работе Объединенной коллегии министерств внутренних дел Российской Федерации и Республики Таджикистан по вопросам противодействия экстремизму и терроризму, состоявшейся в июле 2023 г., принимало участие руководство ГУВМ МВД России.

В июне 2023 г. на заседании Совета Безопасности Российской Федерации Президент Российской Федерации в очередной раз подчеркнул обеспокоенность высоким уровнем преступности среди мигрантов, в связи с чем указал на необходимость усиления оперативной и профилактической работы по борьбе с преступностью в данной области¹⁰.

Руководство страны в своих выступлениях основывалось на данных, представленных Государственной информационной системой миграционного учета, из которых следует, что в 2022 г. на территорию Российской Федерации прибыли 13 млн иностранных граждан и лиц без

гражданства (2021 г. — 7,3 млн). Из них с целью работы въехали 3,5 млн иностранцев, в 2021 г. — 2,6 млн. Большинство из въехавших иностранцев (85,9 %) являлись гражданами государств — участников СНГ. Следует отметить, что в 2022 г. вырос приток трудовых мигрантов из Узбекистана — на 377,7 тыс. человек (35,1 %). Указанное, естественно, спровоцировало рост преступности среди этой категории лиц¹¹.

С учетом этого формировалась и уголовная статистика по количеству выявленных преступлений, совершенных мигрантами. Если начиная с 2015 г. это число стабильно уменьшалось, как, собственно, и число въехавших иностранцев, которые предпочли Индию и Южную Корею¹², то в 2022 г. с ростом числа въехавших иностранных граждан, увеличилось и количество совершенных ими преступлений, выявленных сотрудниками органов внутренних дел, с 36 420 в 2021 г. до 40 154 в 2022 г.

При этом большинство выявленных преступлений, совершенных мигрантами из числа иностранных граждан, относятся к категории тяжких или особо тяжких преступлений, зачастую имеющих широкий негативный общественный резонанс с перспективой перехода к массовым беспорядкам и межнациональным конфликтам, преступлениям экстремистской направленности и террористического характера.

Традиционно большинство выявленных преступлений, совершенных мигрантами, относятся к имущественным преступлениям — 38 % (мошенничество, кражи, грабежи и разбои), 20 % — преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. В этом списке также присутствуют преступления в сфере экономики (теневой бизнес и незаконное предпринимательство), против половой неприкосновенности, организации незаконной миграции, убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, угон автотранспорта, хищение имущества водителей автотранспорта (ст. 171 Уголовного кодекса Российской Федерации)¹³. При этом, по мнению ученых, латентность преступности иностранцев чрезвычайно высока. Это объясняется тем, что они находятся на территории страны нелегаль-

⁸ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Рос. Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.09.2023).

⁹ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы : Указ Президента Рос. Федерации от 31 окт. 2018 г. № 622 // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.09.2023).

¹⁰ Расширенное заседание коллегии МВД России // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/70744> (дата обращения: 30.09.2023).

¹¹ Статистические данные ГИАЦ МВД России за 2021–2022 г. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 30.09.2023).

¹² Не исключено, что некоторое снижение числа совершенных преступлений явилось следствием вступления в силу Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ, касающегося декриминализации отдельных составов преступлений.

¹³ Из 40,1 тыс. преступлений, совершенных в 2022 г. мигрантами, 33 тыс. преступлений (97 %) совершено гражданами государств — участников стран СНГ, при этом количество привлеченных к уголовной ответственности лиц данной категории существенно уменьшилось (установлено около 35 тыс. лиц, их совершивших).

но, не обращаются в правоохранительные органы из-за опасения быть подвергнутыми административному преследованию [2].

С аналогичными проблемами столкнулись правоохранительные органы ряда европейских государств и отдельных государств американского континента. Наибольший интерес представляет исследование ученых из Германии У. Хаклендера [5], С. Дебрера [1], в котором отражены проблемы, характерные для большинства стран Европы. Ученый из Канады Т. Мюррей в своей монографии «Реальна ли Этническая Преступность?» [4] дал исчерпывающую характеристику преступности мигрантов-выходцев из других государств и сформулировал для Канады негативные прогнозы по ее развитию. Несмотря на общие схожие характеристики криминальной деятельности мигрантов-выходцев из стран третьего мира, в частности большинство преступлений они совершают против собственности, в сфере незаконного оборота наркотических средств, в составе преступных групп различной степени организованности, предлагаются различные способы борьбы с ними (проведенные учеными этих государств исследования по своим выводам соответствуют выводам отечественных исследователей¹⁴, но существенно отличаются по мерам, предлагаемым по контролю за этой категорией лиц) [3].

Однако в России мигранты привлекаются, кроме перечисленных видов преступлений, и за иные деяния. В частности, по тропам, протоптанным наркодилерами из стран Средней Азии, на протяжении ряда лет в Россию въезжают их земляки, задерживаемые затем правоохранительными органами за хранение взрывчатых веществ, взрывных устройств, подготовку терактов и др. Встречающие, как правило, причастные к незаконному наркобизнесу, предоставляют им жилье, снабжают средствами к существованию и средствами, необходимыми для совершения преступлений.

В 2022 г. органы внутренних дел провели оперативно-профилактические мероприятия по местам временного нахождения мигрантов: в жилом секторе, местах их трудовой деятельности (на объектах строительства, торговли и т. д.), как результат — выявлено, выдворено и депортировано за пределы России в 2,5 раза больше иностранцев, находившихся в стране на незаконных основаниях, чем в 2021 г.

Кроме того, был принят Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 26 апреля 2023 г. № 138-ФЗ¹⁵, которым предусмотрено лишение приобретенного гражданства за участие в незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ, а также в экстремистской деятельности. Такое плотное нормативное правовое сопровождение этого направления правоохранительной деятельности свидетельствует не только об ее исключительной актуальности, но и криминальной эволюции этого вида противоправной деятельности, связанной с повышением профессионального уровня ее исполнителей и организаторов, использованием в преступной деятельности достижений науки и техники. В первую очередь речь идет об использовании информационно-коммуникационных технологий. Неслучайно в дополнении к Указу Президента Российской Федерации, утвердившему Стратегию государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, Указом Президента Российской Федерации от 29 марта 2023 г. № 216 были внесены существенные коррективы и сделан акцент на политическую составляющую — п. 9 дополнен подп. «п» следующего содержания: «*деятельность специальных служб и экстремистских, в том числе националистических, организаций иностранных государств, причастных к незаконному производству и контрабанде наркотиков, а также к их незаконному распространению в Российской Федерации*»¹⁶. Тем самым был обозначен политический подтекст незаконного оборота наркотических средств и подчеркнута возможность корректировки межведомственного плана мероприятий федеральных органов государственной власти по реализации вышеуказанной Стратегии. Следует отметить, что в значительной степени политический подтекст просматривается в действиях членов преступных групп, действующих в сфере незаконного оборота наркотиков и состоящих из уроженцев Украины.

В настоящее время практически по всем криминальным проявлениям наблюдается устойчивая тенденция, связанная с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в преступной деятельности. В полной мере это отразилось на криминальной деятель-

¹⁴ По мнению некоторых ученых (см., например: Дашков Г. В. Национальное и интернациональное в деятельности этнических преступных группировок // Преступность в разных ее проявлениях и проблемы организованной преступности. М., 2004), с которыми согласен и автор статьи, в этой правоохраняемой сфере происходят постоянное выравнивание уровня преступности, сближение ее качественных показателей, а также ее типизация.

¹⁵ О гражданстве Российской Федерации : Федер. закон от 28 апр. 2023 г. № 138-ФЗ : принят Гос. Думой 18 апр. 2023 г. : одобрен Советом Федерации 26 апр. 2023 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.09.2023).

¹⁶ О внесении изменений в Стратегию государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733 : Указ Президента Рос. Федерации от 29 марта 2023 г. № 216 // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.09.2023).

ности мигрантов. Преуспели в этом наркодилеры и мошенники. В частности, прошедший такую модернизацию наркобизнес стал транснациональным, более опасным для российского общества в целом и проблемным в плане выявления и документирования для правоохранительных органов и органов внутренних дел в частности. С учетом этого задачи правоохранительных органов были скорректированы в документах стратегического характера. В частности, в Стратегии национальной безопасности указаны задачи правоохранительных органов: предупреждение и пресечение правонарушений и преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, в том числе легализации преступных доходов, организации незаконного распространения наркотических средств и психотропных веществ, а также использования в противоправных целях цифровых валют¹⁷. В Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации в качестве угрозы национальной безопасности в сфере оборота наркотиков определены «деятельность организованных групп и преступных сообществ (преступных организаций), в том числе транснациональных, связанных с незаконным оборотом наркотиков, а также появление новых форм противоправной деятельности организованных групп и преступных сообществ (преступных организаций), усиление ими конспирации каналов поставки и сбыта наркотиков с использованием инновационных коммуникационных и других новых технологий»¹⁸. Поэтому акцент на борьбе с легализацией преступных доходов был сделан неслучайно — именно эти доходы составляют экономическую основу существования преступных структур мигрантов-иностранцев. Капитализация преступных доходов осуществляется путем привлечения IT-специалистов, способных совершенствовать преступную деятельность членов криминального объединения.

Рассматривая далее связь между числом въехавших в Россию иностранцев-граждан и их количеством привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений в различных сферах правоохранительной деятельности, можно сделать однозначный вывод — эти тенденции параллельны. Так, по данным Главного управления МВД России по вопросам миграции самая многочисленная диаспора в России — уз-

бекская. Доля их участия, например, в незаконном обороте наркотиков составляет 27,8 %, рост по сравнению с 2021 г. в 2 раза, привлечено к уголовной ответственности 853 человека — при общем росте иностранной наркопреступности в 79,6 %. Следующая по численности диаспора — таджикская, и их вклад в наркопреступность — 20,5 % (+2,4 %), привлечено к уголовной ответственности 630 человек, далее Украина — 15,7 % (–13,3 %), привлечено к уголовной ответственности 482 человека, затем Киргизия — 7,3 % (+48,3 %), привлечено к уголовной ответственности 224 человека.

Таким образом, в 2022 г. в 3 раза выросло число преступлений, совершенных мигрантами, и в 5 раз — число совершенных ими тяжких преступлений со смертельным исходом. За январь — июль 2023 г. на 22 % зафиксирован рост общего числа преступлений и на 40 % — тяжких преступлений. И если рассматривать эту тенденцию в контексте миграционных процессов текущего года, то только в первом его квартале, в дополнение к уже имеющимся, въехало 750 тыс. граждан Узбекистана, 350 тыс. граждан Таджикистана, 150 тыс. граждан Киргизии¹⁹.

Данная статистика не позволяет надеяться на положительные изменения оперативно-розыскной обстановки по этой линии в лучшую сторону. Однако определенные тенденции, выявленные на основе анализа оперативной практики специализированных подразделений органов внутренних дел и уголовных дел по ряду регионов Российской Федерации, предварительное следствие по которым окончено в 2020–2023 гг. (уголовные дела по Москве и Самарской области²⁰), позволяют сформулировать в контексте заявленной темы следующие выводы, на наш взгляд, во многом определяющие тактику борьбы органов внутренних дел с преступлениями, совершаемыми иностранными гражданами:

— совершенствование управленческого функционала руководителей транснациональных преступных структур, члены которых осуществляют свою деятельность в Российской Федерации, что позволяет им, находясь за пределами Российской Федерации, организовывать и руководить криминальной деятельностью: сбытом наркотиков, преступлениями в сфере экономики, иным преступным промыслом посредством периодических инструктажей руководителей структурных подразделений

¹⁷ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.09.2023).

¹⁸ Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Рос. Федерации от 23 нояб. 2020 г. № 733 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.09.2023).

¹⁹ Статистические данные ФКУ «ГИАЦ МВД России» за 2022 г.

²⁰ Составлено на основе анализа материалов уголовных дел № 12201450044000038 (ГСУ по г. Москве, 2021); № 12201450009000007 (ГСУ по г. Москве, 2021); № 12201450120000116 (ГСУ по г. Москве, 2021); № 12101360002000063 (СЧ по РОПД СУ УВД по г. Тольятти Самарской обл., 2020); № 12101360002000064 (СЧ по РОПД СУ УВД по г. Тольятти Самарской обл., 2020).

криминального объединения, дистанционно-го контроля за исполнением указаний, а также осуществлять вербовочную деятельность с предварительной проверкой кандидатов. Например, в моноэтнических наркоструктурах предпочтение отдается кандидатам из числа лиц, не состоящих на учетах ни у психиатров, ни у наркологов ни на этнической родине, ни в России и не привлекавшихся к уголовной ответственности;

— капитализация транснациональных преступных структур, состоящих из иностранных граждан или бывших иностранцев, получивших российское гражданство на законных основаниях или незаконно путем привлечения к содействию высококлассных IT-специалистов, разрабатывающих программное обеспечение, позволяющее руководителям, например, незаконного наркобизнеса, не только эффективно осуществлять управленческие функции, но и иметь возможность своевременно и в полном объеме получать от криминального бизнеса деньги и их аккумулировать, как правило, в виртуальной валюте, технологические особенности которой дают дополнительные возможности как для контроля переводов средств, так и для их анонимизации. Это позволило виртуальным деньгам встроиться в схемы отмывания и далее влиться в легальные сектора экономики. В Российской Федерации это покупка объектов торговли, питания, сферы быта — объектов, в которых возможен быстрый возврат денежных средств и работа с так называемым «черным налом». Например, Московский рынок «Садовод», купленный представителями таджикской диаспоры;

— изменение демографической структуры транснациональных группировок: если в 90-е гг. прошлого столетия — начале 2000-х текущего века в России, в основном в сфере незаконного наркобизнеса, отмечались полиэтнические наркогруппы, когда сбытом зачастую занимались местные жители, то в настоящее время в большинстве регионов России действуют моноэтнические преступные наркогруппировки, то есть проблем с привлечением новых волонтеров в действующие наркогруппировки нет. Этнические диаспоры, особенно из Средне-Азиатских государств, исчисляются сотнями тысяч и земляков, желающих подработать на ниве, например, наркобизнеса, более чем достаточно. Аналогичная ситуация складывается и по преступлениям, совершаемым в сфере экономики;

— правила конспирации значительно ужесточились. Во многом это связано с тем, что, например, наркоторговцы практически полностью и повсеместно перевели свою криминальную деятельность в киберпространство, используя для расчетов электронные платежные

средства. При этом организаторы криминальной деятельности, «кураторы» в виде криминальных авторитетов, наркокурьеры, сбытчики, наркопотребители и лица, участвующие в отмывании/легализации полученных денежных средств, как правило, друг с другом не знакомы. Например, действия представителей киргизской диаспоры контролировал недавно убитый вор в законе «Коля киргиз», он же «Коля Бек», который собирал дань от коммерческой деятельности своих земляков, работающих в России, причем его влияние распространялось от Владивостока до Санкт-Петербурга.

В заключение следует отметить, что отечественные правоохранительные органы нарабатывали определенный положительный опыт борьбы с организованной транснациональной преступностью с использованием сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности, однако в настоящее время ряд проблемных вопросов комплексного характера в сфере правоохранительной деятельности требуют решения. В первую очередь речь идет о невнятном толковании отдельных законодательных норм, касающихся подрыва экономических основ транснациональной преступности и легализации денежных средств, полученных от участия в преступной деятельности. На практике трактовка этих норм права сотрудниками оперативных подразделений органов внутренних дел существенно отличается от трактовки тех же норм сотрудниками следственных подразделений, сотрудниками прокуратуры и судейского корпуса. Вследствие чего количество уголовных дел, возбужденных по ст. 174 и 174¹ Уголовного кодекса Российской Федерации, имеет тенденцию к снижению, что способствует воспроизводству преступной деятельности мигрантов, ее капитализации и росту криминальных денежных средств, вливаемых в легальный сектор экономики России.

Предполагается, что борьба с транснациональной организованной преступностью, включая и наркопреступность, требует тесного взаимодействия заинтересованных государств, а таких государств, подписавших соответствующие международные договоры, меморандумы и декларации, более полутора десятков, однако число международных контролируемых поставок с непосредственным участием правоохранительных органов Российской Федерации постоянно снижается. По-прежнему с минимальной эффективностью функционирует международный банк данных о лицах и организациях, причастных к преступлениям, совершаемым членами транснациональных криминальных объединений различной степени организованности, включая и тех, которые причастны к незаконному обороту наркотиков. В качестве по-

ложительного момента следует назвать отдельные факты, когда в рамках документирования преступной деятельности лиц, входящих в криминальную иерархию, удастся зафиксировать их причастность к незаконному наркобизнесу и в дополнение к основной статье Уголовного

кодекса Российской Федерации (ст. 210¹) приобщается и соответствующая статья по наркобизнесу, что существенно «повышает шанс» для «вора в законе», «положенца» или «смотрящего» получить по приговору суда максимальный срок наказания.

Список литературы:

1. Дебрер С. Статистика. Организованная преступность в Германии-2011. URL: <https://newsland.com/post/1510376-statistika-organizovannaia-prestupnost-v-germanii-2011?ysclid=Iraef9xzy3589968067> (дата обращения: 21.09.2023).
2. Сандугей А. Н. Преступность иностранных граждан и ее предупреждение органами внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 146 с.
3. Кобец П. Н. Предупреждение преступности иностранных граждан и лиц без гражданства в России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. 450 с.
4. Мюррей Т. Реальна ли этническая преступность? URL: <http://canadafreepress.com/index.php/article/1697> (дата обращения: 21.09.2023).
5. Хаклендер У. Борьба с организованной преступностью в Федеративной Республике Германия: оперативно-розыскной аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

Для цитирования:

Поздняков Александр Николаевич. Внешняя миграция как один из факторов криминализации оперативной обстановки // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 1 (69). С. 97–104.

References:

1. Debrer S. Statistika. Organizovannaya prestupnost' v Germanii-2011. URL: <https://newsland.com/post/1510376-statistika-organizovannaia-prestupnost-v-germanii-2011?ysclid=Iraef9xzy3589968067> (data obrashcheniya: 21.09.2023).
2. Sandugej A. N. Prestupnost' inostrannyh grazhdan i ee preduprezhdenie organami vnutrennih del : dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2001. 146 s.
3. Kobec P. N. Preduprezhdenie prestupnosti inostrannyh grazhdan i lic bez grazhdanstva v Rossii : dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2004. 450 s.
4. Myurrej T. Real'na li Etnicheskaya Prestupnost'? URL: <http://canadafreepress.com/index.php/article/1697> (data obrashcheniya: 21.09.2023).
5. Haklender U. Bor'ba s organizovannoj prestupnost'yu v Federativnoj Respublike Germaniya: operativno-rozysknoj aspekt : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2006.

For citation:

Pozdnyakov Aleksandr Nikolaevich. External Migration as One of the Factors of Criminalization of the Operational Situation // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1 (69). P. 97–104.

ТРИБУНА

молодого ученого

Бобомурод Арафат Валиджони,
адъюнкт 3-го факультета (подготовки
научных и научно-педагогических кадров),
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

E-mail: araf.94@mail.ru

Arafat Validzhoni Bobomurod,
Adjunct of the 3rd Faculty (Training of Scientific
and Scientific-Pedagogical Personnel),
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: araf.94@mail.ru

Научная специальность:
5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Scientific specialty:
5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences

УДК 343.01

DOI 10.24412/2072-9391-2024-169-105-114

Дата поступления статьи: 17 января 2024 г.
Дата принятия статьи в печать: 20 марта 2024 г.

Правовая природа участия граждан в отправлении правосудия

The Legal Nature of Citizens' Participation in the Administration of Justice

Аннотация

Актуальность: среди важнейших политических и правовых проблем как современности, так и прошлых веков вопросы осуществления правосудия занимают особое место. В широкое проблемное поле, возникающее при обсуждении путей оптимальной модели судостроительства и судопроизводства в современном Таджикистане, входят и вопросы о взаимодействии судебной власти с институтами гражданского общества, участия граждан в осуществлении правосудия. Необходимость выявления значения института участия граждан в отправлении правосудия и его конкретной формы (суда с участием народных заседателей) в Республике Таджикистан в укреплении судебной власти в качестве независимой и самостоятельной ветви государственной власти, наличие ряда проблем в функционировании данного института в последние годы определяют актуальность темы с практической точки зрения.

Постановка проблемы: представляется, что при определении перспектив и конкретных

Abstract

Relevance: among the most important political and legal problems of both modernity and past centuries, the issues of the administration of justice occupy a special place. The wide problem field that arises when discussing ways to optimize the model of the judicial system and judicial proceedings in modern Tajikistan also includes questions about the interaction of the judiciary with civil society institutions, and the participation of citizens in the administration of justice. The need to identify the importance of the institution of citizen participation in the administration of justice and its specific form (courts with the participation of lay judges) in the Republic of Tajikistan in strengthening the judiciary as an independent and independent branch of government, the presence of a number of problems in the functioning of this institution in recent years determine the relevance of the topic from a practical point of view.

Problem statement: it seems that in determining the prospects and specific directions for improving the institute of People's assessors of the Repub-

направлений совершенствования института народных заседателей Республики Таджикистан важно основываться не только на выявлении проблем и недостатков данной формы, обусловленных современными сложными реалиями, но и обратиться к комплексной правовой характеристике феномена участия граждан в отправлении правосудия. Однако в связи преобладанием в юридической науке отраслевого подхода в исследовании данного явления следует отметить недостаточную разработанность проблемы правовой природы участия граждан в отправлении правосудия как общеправового феномена, необходимость уточнения его признаков, а также показа связи с другими правовыми явлениями в соответствии с его социальной природой.

Цель исследования: раскрыть сущность, определить признаки общеправового феномена – участие граждан в отправлении правосудия, уточнить его понятие.

Методы исследования: реализация поставленной задачи предполагала использование общенаучных (диалектический, анализ, синтез, сравнение и др. формально-логические методы) и частнонаучных методов (формально-юридический, сравнительно-правовой, исторический).

Результаты и ключевые выводы: участие граждан в отправлении правосудия – это формально определенная деятельность отобранных в заранее определенном и призванном гарантировать незаинтересованность в исходе конкретного дела порядке граждан, не обязанных обладать специальными правовыми знаниями, по рассмотрению и разрешению дел совместно с профессиональным судьей (судьями).

Сущность, смысл существования такого государственного-правового явления как участие населения в отправлении правосудия состоит в его способности содействовать справедливости правосудия, быть одним из условий выработки справедливого решения не только по форме, но и по содержанию. Другой стороной сущности изучаемого явления как формы участия граждан в управлении делами государства является обеспечение демократического характера власти.

Выделены и обоснованы признаки участия граждан в отправлении правосудия, раскрывающие его сущность, позволяющие показать особенности по сравнению с иными формами участия граждан в управлении государственными делами, схожими правовыми феноменами: государственно-властный характер деятельности, связанной с реализацией функции судебной власти, что придает данному феномену политический и общеправовой характер;

lic of Tajikistan, it is important to base not only on identifying the problems and shortcomings of this form due to modern complex realities, but also to address the complex legal characteristics of the phenomenon of citizen participation in the administration of justice. However, due to the predominance of the sectoral approach in legal science in the study of this phenomenon, it should be noted that the problem of the legal nature of citizens' participation in the administration of justice as a general legal phenomenon is insufficiently developed, the need to clarify its features, as well as to show the connection with other legal phenomena in accordance with its social nature.

The purpose of the study: to reveal the essence, to identify the signs of a general legal phenomenon – the participation of citizens in the administration of justice, to clarify its concept.

Research methods: the implementation of the task involved the use of general scientific (dialectical, analysis, synthesis, comparison, etc. formal logical methods) and private scientific methods (formal legal, comparative legal, historical).

Results and key conclusions: citizens' participation in the administration of justice is a formally defined activity of citizens selected in a predetermined manner and designed to guarantee disinterest in the outcome of a particular case, who are not required to have special legal knowledge to consider and resolve cases together with a professional judge (judges).

The essence, the meaning of the existence of such a state-legal phenomenon as the participation of the population in the administration of justice consists in its ability to promote justice, to be one of the conditions for developing a fair solution not only in form, but also in content. The other side of the essence of the phenomenon under study as a form of citizen participation in the management of state affairs is to ensure the democratic nature of government.

The signs of citizens' participation in the administration of justice are highlighted and substantiated, revealing its essence, allowing us to show features in comparison with other forms of citizens' participation in the management of public affairs, similar legal phenomena: the state-governmental nature of activities related to the implementation of the function of the judiciary, which gives this phenomenon a political and general legal character; joint, collective nature of activities professionals and non-professionals; the connection with the social essence of the state, the peculiarities of the relationship between the state and society as a whole, which is manifested in its increased political importance, the variability of the content and hierarchy of functions of the institute in accordance with the evolution of the political regime; the formal certainty of the institute, which provides a mecha-

совместный, коллективный характер деятельности профессионалов и непрофессионалов; связь с социальной сущностью государства, особенностями взаимоотношений государства и общества в целом, что проявляется в его повышенной политической значимости, изменчивости содержания и иерархии функций института в соответствии с эволюцией политического режима; формальная определенность института, которая обеспечивает механизм совершенствования участия граждан в отправлении правосудия как социального института и закрепляет его положение в организационно-правовом механизме правосудия; реальность, успех в достижении подлинного участия граждан в отправлении правосудия во многом зависит от должного правоприменения, детерминированного наличием запроса со стороны общества на такое участие.

Ключевые слова: правосудие; участие граждан; народные заседатели; суд; судопроизводство.

nism for improving the participation of citizens in the administration of justice as a social institution and strengthens its position in the organizational and legal mechanism Justice; the reality is that success in achieving genuine citizen participation in the administration of justice largely depends on proper law enforcement, determined by the presence of a request from society for such participation.

Keywords: justice; citizen participation; people's assessors; court; judicial proceedings.

Среди ученых разных стран, обсуждающих перспективы развития участия граждан в правосудии, существуют противоположные позиции по данному поводу. Одни отстаивают необходимость расширения представительства граждан как условие функционирования стабильной и справедливой судебной власти, другие сосредотачивают внимание на его недостатках и делают вывод о ненужности. Также неоднозначна тенденция развития этого института и его различных форм в сравнительно-правовом аспекте. С одной стороны, в последние десятилетия наблюдается внедрение новых форм участия граждан в отправлении правосудия в отдельных странах (суд с участием присяжных заседателей введен в России, Японии, Казахстане и др.), с другой стороны, стало обычным делом констатировать практически повсеместное сужение компетенции судов с народным представительством, не в последнюю очередь обусловленное современными требованиями экономической эффективности функционирования органов судебной власти. Полагаем, что для принципиального решения данного вопроса на современном этапе необходимо к данному феномену подходить комплексно, не ограничиваясь рамками уголовно-процессуальной или конституционно-правовой науки.

В контексте теоретико-правовой науки, предпринимая попытку раскрытия правовой природы участия граждан в отправлении правосудия, мы последовательно основываемся на впервые сформулированном С. С. Алексее-

вым определении правовой природы как юридической характеристики явления, выражающей его специфику, место и функции среди других правовых явлений в соответствии с его социальной природой [1, с. 227]. Установление сущности участия граждан в отправлении правосудия позволит нам расширить и углубить его правовую характеристику как во внутреннем плане, так и в его связи с другими правовыми явлениями [7, с. 20–21].

Безусловно, этим аспектом теоретико-правовой анализ участия граждан в отправлении правосудия не исчерпывается, но в рамках данной статьи мы не рассматриваем полноценно вопрос классификации форм участия граждан в правосудии, непосредственно связанный с выделением сущностных признаков, его функций и др.

Терминологическое многообразие в обозначении изучаемого феномена (народное представительство в осуществлении правосудия, народное участие в отправлении правосудия, участие народного элемента в отправлении правосудия, народный элемент в правосудии, участие общественности в судопроизводстве, народное правосудие и др.) отражает его комплексный, общеправовой характер. В нашей работе мы отдали предпочтение термину «отправление правосудия» как наиболее распространенному в науке, связанному с формулировкой ст. 32 Конституции Российской Федерации. Вместе с тем допускаем использование как синонима термина «осуществление» правосудия. В российском и таджикском законодательстве,

как и в научной литературе, словосочетания «отправление правосудия» и «осуществление правосудия» используются как синонимичные, обращает на себя внимание то, что лишь в отношении правосудия сохранилось устаревшее значение слова «отправление» в смысле его осуществления.

Рассматривая участие граждан в отправлении правосудия, ученые дают то определение, которое соответствует их исследовательским интересам. В уголовно-процессуальной науке чаще всего оно определяется как принцип судопроизводства (Т. Ю. Вилкова, С. А. Насонов), в конституционно-правовой науке — как конституционное право на участие в отправлении правосудия (И. С. Черепова, Э. В. Ляднова), в качестве формы участия в управлении делами государства (М. А. Липчанская, М. С. Зайцев). В наиболее абстрактной широко известной формулировке В. М. Лебедева рассматриваемый феномен представлен как форма реализации народного суверенитета. При этом признаки, отграничивающие эту форму участия в управлении делами государства (реализации суверенитета) от иных форм, данный принцип судостройства от прочих принципов, не называются и не раскрываются в их логической последовательности.

Опираясь на общепризнанное понимание слова «участие» — сотрудничество, деятельность по совместному выполнению какого-нибудь общего дела, отметим, что в случае с участием граждан в отправлении правосудия, речь идет, во-первых, об активном их вовлечении (участии), а во-вторых, о включении в государственно-властную деятельность. Что и позволяет характеризовать его как «форму реализации суверенитета народа в осуществлении важнейшего вида государственной власти» [11, с. 174]. Та часть совместного дела, которая осуществляется представителями народа, гражданами, является неотъемлемой частью процесса выработки государственно-властного, юридически значимого решения, без чего оно не может стать юридически действительным.

В случае если граждане не имеют отношения к непосредственному осуществлению государственно-властной деятельности, но, например, выбирают судей, как это было в послереволюционной Франции в XVIII в. или в СССР, принято говорить о косвенных или опосредованных, иначе говоря, пассивных формах участия в отправлении правосудия. Но непосредственным формам участия в правосудии (суд всего народа в древности, присяжные заседатели, сословные представители, народные заседатели, шеффены и т. д.), то есть участию граждан в отправлении правосудия в узком смысле, присущ общий видообразующий признак — го-

сударственно-властный характер. Если общим признаком всех форм участия граждан в управлении делами государства является наличие так называемого «социального эффекта», заключающегося в наступлении изменений, более или менее значимых для социума [12, с. 12], то в отношении участия в правосудии социальное воздействие в результате деятельности граждан, пусть и совместно с государственным органом власти, конкретизируется в появлении юридических последствий, обеспеченных силой государственного принуждения.

В связи с этим, например, Верховный Суд СССР указывал на нарушения норм, регламентирующих порядок привлечения народных заседателей, недопустимость замены народных заседателей иными лицами, что означало бы — дело рассмотрено неправильным составом суда, а это, согласно ст. 415 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и соответствующим статьям союзных республик, являлось безусловным основанием для отмены приговора (определение Верховного Суда СССР от 31 января 1942 г.)¹. Добавим к этому, что народные заседатели (институт сходный с институтом советских народных заседателей сохранился в Республике Таджикистан) в составе суда обладают теми же правами и обязанностями, что и постоянный судья.

Государственно-властный характер отличает участие граждан в отправлении правосудия от иных форм их участия в управлении государственными делами (совещательные органы, право направлять обращения, избирать и быть избранным и т. д.), не связанных с принятием государственно-властных, юридически значимых решений. Отказ от этого критерия приводит к расширительному толкованию участия граждан в отправлении правосудия, с которым мы не согласны. Так, И. В. Тепляшин к формам участия граждан в отправлении правосудия относит следующее: деятельность присяжных и арбитражных заседателей; выборы мировых судей населением; адвокатуру; экспертную деятельность специалистов, экспертов, ученых в работе органов судейского сообщества; осуществление права граждан на правосудие в качестве участников судопроизводства (статисты, свидетели, переводчики, частные обвинители, законные представители, представители сторон и пр.) [19, с. 96–97].

Дополним вышеприведенные рассуждения о государственно-властном характере участия граждан в отправлении правосудия. В междисциплинарном и общеправовом смыс-

¹ Сборник действующих постановлений Пленума и директивных писем Верховного Суда СССР. 1924–1944 / под ред. И. Т. Голякова. М., 1946. С. 120.

ле понятие «правосудие», как правило, раскрывается как одна из присущих судебной власти функций. Этот подход, начиная с работы М. С. Строговича 1939 г. [18, с. 19], встречается в работах таких авторов, как В. Н. Бибило, Т. А. Желдыбиной, П. М. Морхата, П. П. Серкова, Н. А. Тузова и др. [4, с. 109]. Правосудие является формой государственной деятельности, которая содержательно относится к рассмотрению и разрешению дел, осуществляется специальным субъектом — судом, наконец, эта деятельность касается только дел, отнесенных к компетенции суда. Мы также придерживаемся позиции, что правосудие осуществляется только государственным органом — судом, то есть реализуется органами, являющимися частью судебной системы. Такая форма деятельности характеризуется наличием особого порядка, установленного процессуальным законодательством, отличающего ее от других форм деятельности.

Вместе с тем есть ученые, стремящиеся преодолеть ограниченность формально-юридического подхода [9, с. 175], полагая, что представление правосудия исключительно как вида государственной деятельности противоречит историко-правовым фактам, поскольку оно в разные периоды и в разных государствах осуществлялось не только судами. Действительно, достаточно часто в историко-правовых исследованиях правосудие понимается в широком смысле слова как система судов в их процессуальной деятельности, взятая в совокупности с иными органами (например, церковными, общественными судами, действовавшими с санкции государства и под контролем его органов), должностными лицами и индивидами, принимающими непосредственное участие в качестве сторон или участников судопроизводства. Есть также стремление применить понятие «правосудие» в расширенном смысле к догосударственной или к современной усложнившейся правовой реальности. Если традиционно этот термин связывался с деятельностью судебных органов государства, то в последние десятилетия появились словосочетания: «альтернативное правосудие», «превентивное правосудие», «восстановительное правосудие» [16]. Как указывают авторы монографии «Теория правосудия» [21, с. 29], главное в правосудии — его связь с рассмотрением и разрешением споров или конфликтов, способы же их урегулирования могут быть различными (государственными и негосударственными). Однако мы не поддерживаем расширительное толкование правосудия и соглашаемся с теми авторами, которые утверждают, что лишь способ разрешения конфликтов судом можно считать правосудным, потому что только суд в силу специфики своего формирования

и функционирования способен обеспечить такие качества выхода из конфликта, как беспристрастность, независимость, компетентность, справедливость, законность [8, с. 29].

Ввиду вышесказанного, закономерен вывод о причастности изучаемого феномена к государственно-властной деятельности.

В отношении своего внешнего выражения участие граждан (представителей народа) в отправлении правосудия представляет собой совместную деятельность представителей общества (непрофессионалов) и представителей государственной (судебной) власти (профессионалов). Для генезиса данного явления как минимум необходимо формирование профессионального суда, обособление государственно-организованного правосудия от общества.

В связи с этим считаем, что не верно квалифицировать греческую гелиэю, различные общинные суды у славян и германцев, суд веча и другие в качестве участия граждан в отправлении правосудия, как это широко распространено в научной и учебной литературе. А. А. Демичев и В. А. Илюхина указывают на условность отнесения народных судов к формам участия граждан в отправлении правосудия [6, с. 95]. Мы полагаем, что нужно пойти дальше, рассуждая в данной логике, и поскольку в них отсутствовал профессиональный компонент, их нельзя относить к формам участия граждан в отправлении правосудия.

Следующий признак участия граждан в осуществлении правосудия — является компонентом организационно-правового механизма правосудия. В качестве такового он призван дополнительно обеспечить справедливое судебное решение, а также тесно взаимодействовать, дополнять иные компоненты и принципы правосудия. Его важность и значимость признается настолько, что в теории его часто включают в число принципов справедливого правосудия [5; 15, с. 145].

К числу важных для обеспечения справедливого правосудия относится принцип сочетания единоличного и коллегиального рассмотрения и решения дел. Хотя принцип коллегиальности редко имеет формальное признание в качестве такового, к примеру, он не фигурирует в ст. 6 Европейской конвенции² в числе критериев справедливого судебного разбирательства, полагаем, что реализация данного принципа в процессе выработки и принятия судебного решения должна рассматриваться в виде гарантии его правильности и непредвзятости, а также гарантии независимого правосудия, так как по-

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена 4 нояб. 1950 г. в г. Риме : с изм. от 24 июня 2013 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.09.2023).

могает защитить судью от нежелательного давления, во-первых, со стороны других государственных органов, во-вторых, от воздействия общественного мнения [2, с. 104].

К числу принципов, тесно взаимодействующих с принципом участия народа в отправлении правосудия, относится также принцип транспарентности, системно базирующийся на принципах гласности и открытости судопроизводства.

Следует отметить, что и в рамках формально-юридического (не расширительного) подхода к правосудию ученые, кроме формальных признаков, обращаются к его сущностной стороне, касаются содержания, цели правосудия, его соответствия справедливости. Важным является уточнение содержания правосудия как функции судебной власти, данное В. В. Лазаревым и другими учеными: «Содержанием названной функции охватывается движение к социальной справедливости вообще и достижение справедливости в разрешении каждого конкретного дела» [10, с. 24].

Признак участия граждан в отправлении правосудия (совместность деятельности непрофессионалов и профессионалов) может видоизменяться, представляя разные способы организации, структуры деятельности, степень вовлечения общества в решение правосудных дел, что, безусловно, зависит от политических, социальных и культурных факторов. Соответственно, на основе способа организации совместной деятельности коллегии профессионалов и коллегии непрофессионалов могут существовать формы с единой коллегией или с разными коллегиями. В суде присяжных действуют две организационно независимые друг от друга коллегии – профессиональный судья (или несколько профессиональных судей) и присяжные заседатели. В суде шэффенов профессиональный судья (судьи) и заседатели (шеффены) составляют единую коллегию (такой была и модель советского суда с участием народных заседателей). В суде присяжных имеет место четкое разграничение компетенции судей. Присяжные заседатели решают исключительно «вопросы факта» – имело ли место событие преступления, совершил ли его подсудимый, виновен ли подсудимый в совершении преступления, заслуживает ли он по обстоятельствам дела снисхождения и т. п. Профессиональные судьи решают «вопросы права» – определяют вид и размер наказания, учитывают смягчающие и отягчающие обстоятельства.

Вклад, вносимый непрофессиональным компонентом в правосудие, проанализирован многими исследователями, нами обобщены следующие позитивные стороны участия граждан в отправлении правосудия: повышает эф-

фективность, качество и справедливость правосудных решений, осведомленность граждан о государственных делах и общественных проблемах, о трудностях, с которыми сталкиваются лица, принимающие решения, тем самым укрепляя взаимное доверие общества и государства, а также уровень гражданской активности граждан, способствует росту уровня правосознания, правовой культуры и грамотности населения, укреплению в обществе таких ценностей, как сострадание, терпимость и равенство, формированию гражданского общества, позволяет получить полезный гражданский опыт.

Вопрос о том, какой должна быть степень участия граждан в отправлении правосудия относится к числу остродискуссионных на сегодняшний момент. Привлечение граждан, как следствие, приводит к усложнению и удорожанию судопроизводства, а это противостоит столь же насущным сегодня требованиям экономии расходов, экономической эффективности. Повсеместно в мире из-за этого происходит сокращение компетенции судов присяжных заседателей. Перед каждым обществом и государством на конкретном этапе его развития стоит задача отбора форм, направлений совершенствования правосудия, адекватных социально-экономической ситуации. Несмотря на то, что исторически преобладает привлечение населения к участию в уголовном правосудии, сегодня существуют государства, в которых присяжные могут привлекаться для рассмотрения и гражданских дел (например, США, Англия, Гонконг, Новая Зеландия и др.), а также можно вспомнить институт советских народных заседателей, которые не ограничивались кругом уголовных дел. Отдельного упоминания заслуживает предложение Верховного Суда Российской Федерации, касающееся расширения подсудности дел судам с участием присяжных, которое было озвучено 11 февраля 2020 г. председателем Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедевым на совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации³.

Но, безусловно, вопрос о степени участия граждан в отправлении правосудия не является вопросом лишь экономико-юридического характера. Значимость этого правового феномена не исчерпывается уголовно-процессуальными аспектами, данный феномен широкой политико-правовой значимости [20, с. 359]. Известный ученый-процессуалист А. В. Победкин приходит к идее о том, что реализация уголовным судопроизводством публичной функции

³ Верховный Суд Российской Федерации предлагает включить в компетенцию присяжных рассмотрение экономических дел. URL: https://vsrf.ru/press_center/mass_media/28751/?ysclid=itybai2rik679070571 (дата обращения: 10.12.2023).

невозможна без доверия народа к уголовному судопроизводству и должностным лицам, его осуществляющим, связывая недостаточную эффективность уголовного судопроизводства с недостаточной его связью с народом, который является в стране единственным источником власти [14, с. 49]. Проблема народного участия в правосудии объективно выходит за рамки не только юрико-процессуальных, но и юридических проблем в целом, поскольку участие граждан в отправлении правосудия это форма реализации народовластия. Демократия процветает тогда, когда граждане имеют возможности для активного участия во властной деятельности, когда большинство из них активно использует эти возможности, такова идеальная модель демократии, которая задает ориентир социально-политического развития современных обществ.

В силу повышенной политической значимости исследуемый феномен, по нашему мнению, относится к числу тех, смысл существования которых определяется сущностью государства, особенностями взаимоотношений государства и общества в целом. Исторический опыт показывает, что в тех обществах, в которых были не развиты элементы демократии, практически отсутствовали и формы привлечения населения к судопроизводству. Участие граждан в нем следует рассматривать в качестве проявления социальной сущности государства, которое лишь на этапе формирования демократического социального и правового государства приобретает юридически оформленный вид — как одно из политических прав, закрепленных в конституционных актах. На основе степени представленности общества в этой деятельности, показывающей также изменение взаимоотношений государства и общества, важно отличать формы участия граждан в отправлении правосудия: представляющие все население государства; только часть общества на основе имущественных, гендерных, образовательных цензов. В силу этого признака при разных политических режимах институт участия граждан в отправлении правосудия характеризуется выдвиганием на передний план разных функций института. В самом общем смысле можно говорить о преобладании функции демократического контроля при демократическом режиме и функции легитимации судебной власти при тоталитарном политическом режиме. В 1920-е гг. в контексте дискуссий об упрощении судебного процесса неоднократно высказывались предложения о расширении единоличного рассмотрения дел, однако отступления от важного идеологического принципа не произошло. «Суд — важный орган диктатуры пролетариата, и участие в суде рабочих и крестьян непосредственно от сохи и станка обеспечива-

ет правильность выносимых приговоров и решений и гарантирует, что не будет отрыва пролетарского суда от масс. Сейчас, когда важнейшая политическая задача — втянуть массы в дело советского управления, нам изыскивать средства сокращения этого участия не приходится» [17, с. 393]. Приведем еще один пример, на определенном этапе истории таджикской государственности казийские суды были существенным резервом вовлечения населения в механизм осуществления судебной власти посредством избрания казиев. Однако данная форма участия населения в правосудии не соответствовала приоритетным для Советского государства функциям этого института: обеспечивать мобилизацию населения на решение значимых партийно-государственных задач, быть важным инструментом воспитательно-пропагандистской работы. «Реализация представителями народа своих властных полномочий если и возможна, то только под неусыпным контролем государства, в строго ограниченных пределах» [13, с. 132].

Еще одним признаком изучаемого феномена мы считаем его формальную определенность. Участие граждан в отправлении правосудия как социальный феномен правом закрепляется, оформляется. В итоге право является основой гражданского участия, в нем оно как бы манифестируется и становится его катализатором. Представители граждан в качестве участников судопроизводства приобретают особый правовой статус. Так, народные заседатели Республики Таджикистан как защищаемые лица приравнены к профессиональным судьям. В отношении граждан, участвующих в осуществлении правосудия, установлены три вида мер: меры безопасности в целях защиты жизни и здоровья охраняемых лиц, а также обеспечения сохранности их имущества; меры правовой защиты прежде всего уголовно-правовой; меры социальной защиты. Высшая степень проявления данного признака — это появление конституционно закрепленного права граждан участвовать в правосудии. На основе критерия формальной определенности участия граждан в отправлении правосудия можно выделить следующие формы участия граждан в отправлении правосудия: с законодательной правовой регламентацией; с конституционным уровнем правовой регламентации.

В конституционном праве граждан на участие в отправлении правосудия закрепляются все главные свойства данного политико-правового феномена [3, с. 104] на современном этапе: в нем проявляется смысл и назначение деятельности органов судебной власти; оно связано с осуществлением и организацией судебной власти; является способом привлечения каждого гражданина к политическому участию;

выступает способом общественного контроля за деятельностью судебной власти; позволяет обеспечить иные существенные характеристики судебной власти, такие как коллегиальность, состязательность, гласность.

Важным аспектом освещения правовой природы участия граждан в отправлении правосудия является ответ на вопрос, может ли оно быть правом или долгом? Конституция Российской Федерации⁴ в ч. 5 ст. 32 предоставляет гражданам право участвовать в отправлении правосудия. Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» в ч. 1 ст. 2 также говорит о праве граждан участвовать в осуществлении правосудия в качестве присяжных заседателей. Однако в ч. 2 данной статьи закреплено понятие «гражданский долг» — «участие в осуществлении правосудия в качестве присяжных заседателей граждан, включенных в списки кандидатов в присяжные заседатели, является их гражданским долгом»⁵. Это можно теоретически раскрыть следующим

образом. В качестве политического права право на участие в отправлении правосудия имеет особую значимость в деле построения правовой государственности. В связи с этим оно приобретает не только правовой, но и нравственный смысл, выступая в качестве гражданского долга, который можно определить как совокупность призывов и требований государства, адресованных гражданину [22, с. 48].

Важным признаком изучаемого общеправового феномена, по нашему мнению, является также реальность участия граждан в отправлении правосудия. Речь идет о том, что предоставленные правом возможности принимать участие в выработке судебных решений не гарантируют достижения подлинного общественного участия. Оно зависит от должного правоприменения. Соответственно, подлинное участие может быть обеспечено лишь при условии наличия запроса со стороны общества на такое участие, а также создания механизмов привлечения именно той части общества, которая осознает свой гражданский долг, обладает социально-активным правосознанием. Для таких лиц характерна ориентация на коллективную деятельность, приоритет общественных интересов над индивидуальными и решительное выражение своей общественной позиции. «Именно тогда, когда суд перестает быть лишь чиновничьим делом и законодатель допускает народ к отправлению правосудия, суд обретает и авторитет, и доверие со стороны населения» [13, с. 131].

⁴ Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.09.2023).

⁵ О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации : Федер. закон от 20 авг. 2004 г. № 113-ФЗ : принят Гос. Думой 31 июля 2004 г. : одобрен Советом Федерации 8 авг. 2004 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 34. Ст. 3528.

Список литературы:

1. Алексеев С. С. Общие дозволения и запреты в советском праве. М., 1989. 286 с.
2. Андреева И. А. Принцип коллегиальности в осуществлении правосудия во Франции // Право и образование. 2013. № 10. С. 101–106.
3. Байдарова М. А. Конституционно-правовая природа суда присяжных заседателей в Российской Федерации // Современное право. 2015. № 6. С. 101–105.
4. Боярская А. В. Общеправовой и междисциплинарный аспекты понятия «правосудие» // Вестник Омского университета. Сер. : Право. 2019. Т. 16. № 3. С. 109–120.
5. Вилкова Т. Ю. Участие граждан в отправлении правосудия — межотраслевой принцип судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 6. С. 202–221.
6. Демичев А. А., Илюхина В. А. Количественная модель суда присяжных: российский и зарубежный опыт // Российский правовой журнал. 2021. № 1 (6). С. 94–103.

References:

1. Alekseev S. S. Obshchie dozvoleniya i zaprety v sovetskom prave. M., 1989. 286 s.
2. Andreeva I. A. A Principle of Collegiate Character in Justice in France // Education and Law. 2013. № 10. S. 101–106.
3. Bajdarova M. A. The constitutional and legal nature of the jury trial in the Russian Federation // Modern Law. 2015. № 6. S. 101–105.
4. Boyarskaya A. V. General and inter-disciplinary aspects of the concept “justice” // Herald of Omsk University. Ser. : Law. 2019. T. 16. № 3. S. 109–120.
5. Vilkova T. Yu. Participation of Citizens in the Administration of Justice: Interdisciplinary Principle of Judicial Procedure // Actual Problems of Russian Law. 2017. № 6. S. 202–221.
6. Demichev A. A., Ilyuhina V. A. The quantitative model of the jury trial: Russian and foreign experience // Russian Law Journal. 2021. № 1 (6). S. 94–103.
7. Duraev T. A., Tyumeneva N. V. Legal nature as a category of law // Saratov State Law Academy Bulletin. 2022. № 6 (149). S. 15–22.

7. Дураев Т. А., Тюменева Н. В. Правовая природа как категория правоведения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 6 (149). С. 15–22.
8. Клеандров М. И. Правосудие и справедливость : моногр. М., 2023. 355 с.
9. Костогрызлов П. И. Понятие правосудия: философско-правовой анализ // Государство и право. 2019. № 10. С. 175–180.
10. Лазарев В. В. Место и роль суда в правовой системе // Журнал российского права. 2014. № 10 (214). С. 17–30.
11. Лебедев В. М. Судебная власть в современной России. Проблемы становления и развития. СПб., 2001. 384 с.
12. Липчанская М. А. Участие граждан Российской Федерации в управлении делами государства: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2012. 58 с.
13. Ляхов Ю. В., Малина М. А. Сущность конституционного права гражданина на участие в отправлении правосудия // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 1. С. 130–138.
14. Победкин А. В. Народ как источник власти в уголовном судопроизводстве // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 2 (84). С. 44–54.
15. Пресняков М. В. Стандарты справедливого правосудия: проблемы формы и содержания // Журнал российского права. 2016. № 2 (230). С. 144–150.
16. Прокудина Л. А. Соотношение понятий «деятельность суда» и «отправление правосудия» // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2010. № 3. С. 43–59.
17. Ростовский И. А. Упрощение процесса, но не сужение участия в работе суда на заседаниях // Ежедневник советской юстиции. 1926. № 13. С. 392–393.
18. Строгович М. С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М., 1939. 152 с.
19. Тепляшин И. В. Участие граждан в осуществлении правосудия: принципы и формы // Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 2021. Ч. 1. С. 95–100.
20. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства / под ред. А. В. Смирнова. СПб., 1996. Т. 2. 607 с.
21. Фурсов Д. А., Харламова И. В. Теория правосудия в кратком трехтомном изложении по гражданским делам: теория и практика организации правосудия. М., 2009. Т. 1. 524 с.
8. Kleandrov M. I. *Pravosudie i spravedlivost' : monogr.* M., 2023. 355 s.
9. Kostogryzov P. I. The concept of justice: philosophical and legal analysis // *State and Law*. 2019. № 10. S. 175–180.
10. Lazarev V. V. The Place and Role of Court in Legal System // *Journal of Russian Law*. 2014. № 10 (214). S. 17–30.
11. Lebedev V. M. *Sudebnaya vlast' v sovremennoj Rossii. Problemy stanovleniya i razvitiya.* SPb., 2001. 384 s.
12. Lipchanskaya M. A. *Uchastie grazhdan Rossijskoj Federacii v upravlenii delami gosudarstva: konstitucionno-pravovoe issledovanie : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk.* Saratov, 2012. 58 s.
13. Lyahov Yu. V., Malina M. A. Essence of constitutional right of the citizen on participation in administration of justice // *North Caucasian Legal Bulletin*. 2019. № 1. S. 130–138.
14. Pobedkin A. V. People as a source of power in criminal proceedings // *Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019. № 2 (84). S. 44–54.
15. Presnyakov M. V. Standards of Fair Justice: Problems of Form and Content // *Journal of Russian Law*. 2016. № 2 (230). S. 144–150.
16. Prokudina L. A. The relationship between the concepts of “court activity” and “administration of justice” // *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2010. № 3. S. 43–59.
17. Rostovskij I. A. Uproshchenie processa, no ne suzhenie uchastiya v rabote suda narzasedatelej // *Ezhenedel'nik sovetskoy yusticii*. 1926. № 13. S. 392–393.
18. Strogovich M. S. *Priroda sovetskogo ugovornogo processa i princip sostyazatel'nosti.* M., 1939. 152 s.
19. Teplyashin I. V. *Uchastie grazhdan v osushchestvlenii pravosudiya: principy i formy* // *Obespechenie prav uchastnikov ugovornogo sudoproizvodstva s ogranichennymi vozmozhnostyami: kompensatornyj podhod : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* Krasnoyarsk, 2021. Ch. 1. S. 95–100.
20. Fojnickij I. Ya. *Kurs ugovornogo sudoproizvodstva / pod red. A. V. Smirnova.* SPb., 1996. T. 2. 607 s.
21. Fursov D. A., Harlamova I. V. *Teoriya pravosudiya v kratkom trekhomnom izlozhenii po grazhdanskim delam: teoriya i praktika organizacii pravosudiya.* M., 2009. T. 1. 524 s.
22. Cheremisina Yu. S. Right of Citizens to Participate in the Administration of Justice: Concept, Legal Nature and Content // *Law: History and Modernity*. 2020. № 3 (12). S. 66–75.

22. Черемисина Ю. С. Право граждан на участие в отправлении правосудия: понятие, юридическая природа и содержание // Право: история и современность. 2020. № 3 (12). С. 66–75.

Для цитирования:

Бобомурод Арафат Валиджони. Правовая природа участия граждан в отправлении правосудия // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 1 (69). С. 105–114.

For citation:

Bobomurod Arafat Validzhoni. The Legal Nature of Citizens' Participation in the Administration of Justice // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1 (69). P. 105–114.
